

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей КАРА-МУРЗА
Дезинтеграция общества
и справедливость 4

ПОЭЗИЯ

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО
«Всё цвело, звенело в том краю...» 9

Виктор КИРЮШИН
Побудь со мною, тишина... 15

Пётр ГУЛДЕДАВА
Растут стихи, как острова... 26

Ирина ЩЕРБИНА
Хрупок счастья ковчег... 45

Анатолий ПЯТОВ
«Пускай мои стихи заговорят...» 50

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА
Княгиня Северной Весны 60

Сергей ПРОХОРОВ
Времена года 138

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
«И друг другу всё прощали...» 151

Инееса БЕЛЯЕВА
Чтобы я была везучей... 157

Сергей ЛЕБЕДЕВ
Лишь утёс Шелудяк не боится метели... ..171

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№4(10) 2013
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 25.12.13.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 9530.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссь», 2013
© Авторы, 2013

📖 ПРОЗА

Игорь УДАЧИН
Ночь страха.....28
Моя Городомля.....37

Анатолий УВАРОВ
Сом.....55
Март.....58
Тихий дождь.....58
Сиреневое спасибо.....58
Зеркала природы.....59

Виктор ВЛАСОВ
Сон в зимнюю ночь 72

Светлана ДЕМЧЕНКО
Разговор у печки.....143

Василий КУЗНЕЦОВ
Глаза (из йеменского цикла).....155

🌀 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юрий ЯХОНТОВ
Ираноязычны ли были скифы
и сарматы? 160

Любовь РЫЖКОВА
Адский уголёк. Творчество Василия
Розанова: эволюция или вырождение
(на материале книги «Уединённое») 174

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Учередной номер журнала «Великороссь» – десятый по счёту от начала издания, т.е. в некотором смысле юбилейный. И хотя сейчас время не очень подходящее для празднования юбилеев, отметим всё же, что за прошедшее время в непростых экономических и иных условиях журнал старался выполнять свою миссию объединения всех здоровых литературных, научных, национальных и гражданских сил на основе единства мировоззренческих принципов – любви к России, безусловного уважения к истории нашего Отечества в её полноте и сложности, приверженности традиционным ценностям, идее братства народов, уважению к национальному началу и т.д. Не стремясь любой ценой «занять» чьё-то место в общественном сознании, журнал ориентирует своего читателя на то, что объединяет наш народ или потенциально способствует этому объединению. Необходимость укрепления единства России, единства духовного и политического, сегодня достигла, похоже, наивысшей степени. Время транснациональных политических «проектов» и закулисных манипуляций уходит в прошлое, приближается час прямого столкновения Добра и Зла. Тому свидетельство – всё происходящее сегодня в мире. Необходимо быть готовыми к тому, чего невозможно избежать. Противостоять мировому злу может только народ, обладающий полноценным самосознанием, объединённый мощной государственностью и едиными целями, решительно притязающий на своё место в будущем. Для достижения этого единства необходима совокупность усилий всех активно мыслящих национальных и гражданских сил, чающих укрепления Великой России. На этих позициях твёрдо и последовательно стоит журнал «Великороссь».

Уходящий год был непростым как для России в целом, так и для современной российской литературы. Наметились некоторые, хотя и слабые, признаки повышения значимости и авторитета писательского слова. Появились новые интересные и талантливые произведения. Журнал «Великороссь» желает своим читателям приятного чтения и поздравляет с наступающим Новым годом!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Дезинтеграция общества и справедливость

Сохранение, воспроизводство и развитие общества – одна из главных функций государства.

Как и в отношении понятия народ, обыденное представление об обществе слишком упрощённое. Мы думаем о нём как о *вещи* – массивной, подвижной, чувственно воспринимаемой и существующей всегда. Это представление было воспринято вместе с механизмом в проекте Просвещения и укреплено в советское время истматом, в котором общество выглядело как движение масс, организованных в классы, ведущие между собой борьбу.

В стабильное время с этим ошибочным представлением можно мириться, а во время бурных изменений надо рассматривать общество как сложную систему, которая не возникает «сама собой» и не существует без необходимых условий. Общество находится в процессе непрерывного развития, так что в динамическом взаимодействии переплетаются интеграция и дезинтеграция – как отдельных элементов, так и всей системы в целом. Общество надо конструировать и создавать, ремонтировать и обновлять.

Кризис российского общества, перешедший в 1991 г. в острую стадию, потряс всю эту систему, все её элементы и связи. Период относительной стабилизации после 2000 г. сменился в 2008 г. новым обострением. Главная причина продолжительности кризиса – глубокая *дезинтеграция* общества. Происходит разрыв связей между общностями и в то же время разрыв связей между членами каждой общности.

Этот процесс был запущен в 80–90-е гг., маховик его был раскручен в целях демонтажа *советского общества* в целом. Но остановить этот маховик после 2000 г. не удалось – он начал крушить вообще все общности уже постсоветской России, кроме антисоциальных.

А. Тойнби писал, что «больное общество» (в состоянии дезинтеграции) ведёт войну «против самого себя». Образуются социальные трещины – и «вертикальные» (например, между

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – родился 23 января 1939 г. в Москве. Советский и российский учёный, химик по образованию. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог, публицист. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ.

Живёт в Москве.

региональными общностями), и «горизонтальные» (внутри общностей, классов и социальных групп). Это и происходит в России.

П. Сорокин писал, что «движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества – моральное единство людей или разложение общей системы ценностей».

Грубо говоря, для распада любой социокультурной общности достаточно разрушить три скрепляющие её структуры – *познавательную* (понятийный аппарат, картину мира и самосознание), *информационную* (каналы передачи сообщений внутри общности и с внешней средой) и *нормативную* (правовые и нравственные нормы, правила социальных отношений в общности и в обществе в целом). Познавательная структура, соединяющая население в общество, была разрушена на удивление быстро. Р.Х. Симонян пишет (2012 г.): «Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России»^{*}.

Политическим инструментом разрушения самосознания стало резкое обеднение населения. В.Э. Бойков писал в 1995 г.: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства»^{**}.

Так, политический режим в 1990-е гг. с помощью пауперизации приобрёл «социальную терпимость» граждан ценой *распада общества*.

Самосознание социокультурных общностей разрушалось и «культурными» средствами – в ходе кампании СМИ, которую вполне можно назвать операцией *информационно-психологической войны*. О.А. Кармадонов в большой работе (2010 г.) так пишет о «направленности дискурсивно-символической трансформации основных социально-профессиональных групп в годы перестройки и постсоветской трансформации»:

«Как следует из представленного анализа, в тот период развенчивались не только партия и идеология. В ходе «реформирования» отечественного социума советского человека убедили в том, что он живёт в обществе тотальной лжи. Родная армия, «на самом деле» – сборище пьяниц, садистов и воров, наши врачи, по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей – просто вредители и убийцы, учителя – ретрограды и садисты, рабочие – пьяницы и лентяи, крестьяне – лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии – парадигмы социального уродства, которая, якобы, адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самоощущения представителей этих общностей и для их социального настроения, избираемых ими адаптационных стратегий – от эскапизма до группового пафоса.

Происходила массированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов»^{***}.

* Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012, № 1.

** Бойков В.Э. Социально-экономические факторы развития российского общества // СОЦИС, 1995, № 11.

*** Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте // СОЦИС, 2010, № 5.

Основные профессиональные общности были выведены в «социальную тень», а упоминания о них были крайне негативными. Помимо нанесённого им удара реформы (обеднение), СМИ разрушили их самосознание, надев на каждую общность трудящихся «образ зла».

Ряд ключевых ценностей входят в *культурное ядро* общества (понятие А. Грамши) или, как иногда говорят, в его *мировоззренческую матрицу*. Они – и часть картины мира, и нравственные нормы, то есть, являются составляющими одновременно двух систем, скрепляющих общности – когнитивной и нормативной. Разрушение или подавление таких ценностей быстро разрывают общество и отдельные общности. В ходе реформы это произошло с ценностью *социальная справедливость*.

Осенью 2009 г. в 24 субъектах Российской Федерации было проведено большое исследование социально-политических ориентаций россиян. Сделан исключительно важный вывод: «В иерархии ценностных ориентаций ключевое значение имеет “социальная справедливость”, что проявляется в оценке различий между людьми по принципу получения ими доходов. Во взглядах респондентов на соответствие оплаты труда трудовым усилиям произошёл существенный сдвиг в сторону социального равенства. <...> Оценки социальной справедливости с точки зрения морали предстают как осознание людьми общественно необходимого типа отношений».

Как показывают данные исследований, распределение мнений о сути социальной справедливости и о несправедливом характере общественных отношений одинаково и в младших, и в старших возрастных группах. <...> Именно несоответствие социальной реальности ментальному представлению большинства о социальной справедливости в наибольшей мере отчуждает население от политического класса, представителей бизнеса и государственной власти*.

Таким образом, консолидация общества, прежде всего, зависит от того, считают ли граждане сложившееся в России общественное бытие справедливым или нет. Что же говорят на этот счёт самые тщательные исследования социологов?

В 2011 г. Институт социологии РАН опубликовал большой доклад, подводящий итоги исследований восприятия реформы в массовом сознании – с начала реформ до настоящего момента. В докладе сказано: «Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнём с самого распространённого по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (выше 90%), при этом 46% испытывали его часто. <...> На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%»**.

Вот глубина культурной травмы – в духовной сфере практически всего

* Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // СОЦИС, 2010, № 6.

** Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. 2011.

населения России господствует чувство несправедливости. И это чувство порождается не какими-то эксцессами или частными противоречиями, речь идёт о **несправедливости всего жизнеустройства**. Иными словами, травма не залечивается, а воспроизводится из года в год.

Таков исходный пункт, с которого надо начинать срочную национальную программу «сборки» общества. Надо помнить слова Аристотеля о том, что «главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости».

Проблема в том, что попытка задать объективные правила оказалась невыполнимой – на представления людей о справедливости сильно влиял их социальный статус. Помещики, составляя 1% населения России, считали справедливым, что они владеют половиной пахотных земель, а крестьяне считали это несправедливым. А поскольку общество – система динамичная, то представления о справедливости менялись и во времени. Значит, **общечеловеческих** критериев справедливости нет, они исторически и социально обусловлены. Религия учит нас о том, что справедливо в отношении бессмертной души, а в земных делах нам надо разбираться самим, применяя свой разум, совесть и знание о реальности.

В 80-е годы в нашем обществе созрел и оформился глубокий раскол в представлении о справедливости. При этом расколе население разделилось на большинство, которое следовало традиционным взглядам, и радикальное меньшинство, которое эти взгляды отвергало. Большинство, например, считало резкое разделение народа на бедных и богатых несправедливостью, то есть **злом**. А Юлия Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением помянув все известные истории попытки установить справедливый порядок жизни, она привела сентенцию неолибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное – то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал **атавизмом социальной справедливости**».

Поскольку наше впечатлительное население на время было очаровано дамами вроде Латыниной, россиянам удалось обогнать, как никого и никогда не обирали в мире. Наша элитарная интеллигенция сделала свой философский выбор. Она приняла неолиберальное представление о справедливости. В данный момент, в преддверии кризиса, который сбросит в бедность ещё сколько-то миллионов впечатлительных россиян, мы представляем собой общество, расколотое представлениями о справедливости на три части.

Одна часть (думаю, примерно половина) считает тип жизнеустройства в России, созданный реформами, крайне **несправедливым**. Это зло, с которым невозможно примириться, и речь идёт лишь о том, чтобы выбрать приемлемый способ его преодоления.

Другая часть (думаю, процентов десять) принципиально довольна этим жизнеустройством, она приняла мораль «падающего – подтолкни». У остальных 40% – расщеплённое сознание. Они принимают принципы этого жизнеустройства, но хотели бы, чтобы падающим подстилали немного соломки.

Тенденция, в общем, такова, что переток людей от этих 40% к большинству преобладает над обратным потоком. Это питает надежду на то, что три части нашего расколотого общества всё-таки придут хоть к временному компромиссу, чтобы нам пережить грядущие кризисы без катастрофы.

Пусть те, кто мечтали направить Россию в фарватер западного рыночного общества, вспомнят жёсткий и абсолютный критерий социальной

справедливости, сформулированный именно современным либеральным американским философом Джоном Ролсом (1921–2002). Его главный труд «Теория справедливости» вышел в 1971 г. Как говорят, он «оживил политическую философию и омолодил либерализм». Его формула гласит: «Экономическое и социальное неравенство, как например, богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищённых членов общества».

Иными словами, уровень справедливости измеряется положением **наиболее обездоленного** слоя общества, а не «среднего класса». Неравенство, которое не идёт на пользу **всем**, является несправедливостью. Вспомним, что именно этот критерий отвергли идеологи реформы, которые с 60-х гг. вели методическую пропаганду против советской «уравниловки», которая именно «компенсировала потери наиболее незащищённых членов общества». И этой пропаганде многие поверили! Решили, что отнятое у «слабых» разделят с ними «по справедливости». Разделили!

Ролс считал несправедливым даже «принцип равных возможностей», согласно которому в рыночной системе люди с одинаковыми талантами и волей в идеале имеют равные шансы на успех. Ролс утверждает, что эта «природная лотерея» несправедлива и для её коррекции нужно введение **неравенства, приносящего пользу наиболее обделённым**.

Подчеркну, что это – выводы **либерального** философа, а не коммуниста и даже не социал-демократа. Он считается самым крупным философом XX в. в США. Более того, его критикуют другие крупные либеральные философы за то, что он слишком либерален и недооценивает проблему справедливости в отношении коллективов, **общностей** людей, переводя проблему на уровень индивида.

Но мы-то каковы! Ведь принципы этого либерального философа проникнуты более глубоким чувством солидарности и сострадания к людям, чем рассуждения о соборности и народности наших патриотов.

Беда, что мы от травм и потрясений как будто утратили навык рассуждений о справедливости. Это – как будто мы потеряли компас и карту. В тумане маячат угрозы всему нашему народному бытию, а мы их не различаем и не можем осознать.

ПОЭЗИЯ

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Тамара Краснова-Гусаченко (Тамара Ивановна Гусаченко) – родилась 1 апреля 1948 г. в д. Щепятино, Брянской области, Брасовского района в учительской семье. Русская. Окончила филологический факультет Брянского государственного педагогического института и факультет логопедии и дефектологии Минского государственного педагогического института. Поэт, прозаик, публицист. Автор пятнадцати книг стихотворений, прозы и произведений для детей. Имеет государственную награду Беларуси – медаль имени Франциска Скорины. Член Правления Союза писателей Союза государств и Президиума Союза писателей Беларуси. Председатель Витебского областного отделения Союза писателей Беларуси.

Живёт в Витебске.

«Всё цвело, звенело в том краю...»

***

Этот ветер, и ночь, и метель – всего
Повидала, по сердцу в снегу я.
Так случилось: всю жизнь я любила его,
А он любит всю жизнь – другую.

Как сказать и кому: васильки и луга,
И берёзы из самого детства,
Всё, что помню, что знаю, ему берегла,
И куда теперь это всё деть мне?

Я читаю тебя между знаков и строк,
Я давно о тебе всё знаю,
Как заученный с детства священный урок,
Потому что – я – замерзаю.

Я спасусь, только надо всю жизнь забыть,
Золотые её крупинки
Подвели меня: свили канат, не нить,
Привязали к Брянским тропинкам.

Что за люди идут по твоей судьбе?
Что за души – все нараспашку?
Я поеду, поеду домой, к себе,
Погадать на белой ромашке.

Всё стонем

Всё стонем, рассуждаем:
«Перевернулась жизнь!»
А жизнь идёт по краю
Околицы, не зная,
Что мы по ней страдаем,
Она при чём, скажи?

Вот – вспыхнула закатом,
Вот – песней разлилась...
Она не виновата –
Кому не удалась.

Горькая песня

Ох, крута дорога,
Только – кто не битый?
Долети до Бога
Стих моей молитвы.

Стало сердцу грустно
От лукавых дней,
Горячо молюсь я
О земле моей.

И прошу подмоги,
Стороне родимой:
Так прошу! У Бога –
Родины единой,

Той, какую знаю,
Родины Великой.
Но не отвечают
Мне святые лики.

Что вернуть прошу я?
Родину Большую?
Что же им ответить?
Нет её на свете.

Без войны – не стало,
И – без поединка....
Мне в ответ – упала
На ладонь снежинка.

И жалею, и зову, и плачу

И жалею, и зову, и плачу.
Только нет ни голоса в ответ.
Что деревни нет давно – есть дача,
Правда, детства моего – там нет,

Где меня окликнули бы: «Тома!
За водою! Бочку наноси!
Прополи картошку! Чисто в доме.
Вымой пол. Не ной. Не голоси.

Не забудь нарвать крапивы кошель,
Порубить и с зерном помешать,
Поросят накормишь, ну, а после
Можешь сесть, стихи свои писать!»

Где он, этот рай? Сияет месяц
Над волшебным ночи полотном,
Ива, косы в хрусталях развесив,
Сказочным сияет фонарём!

Чудо – рядом было, под ногами:
Помидоры, яблоки, морковь,
Георгины – рядышком с кустами
Хмель и акаций.... И – любовь!

Так легко всё, радостно давалось,
Всё цвело, звенело в том краю,
И украдкой, при луне – читалось,
Пелось, танцевалось и влюблялось,

Потому – и плачу. И зову.

И пали стены крепости огромной

И пали стены крепости огромной,
Овины и дома сожгли дотла,
Остыли печи, фонари и домны...
А крепость, впрямь, Великою была.

Но заглушили сад полынь и терний,
Поэзия исчезла без следа....
Бал правят над обманутою чернью
Те, кто куда черней...

И так – всегда.

Когда мы встречаемся...

Когда мы встречаемся, а мы встречаемся редко,
Ну, может, раз в жизни, а, коль повезёт сильно – два,
То слов, заготовленных нами – за жизнь – для беседы
Не выговорить... Слишком мало вмещают слова.

Мы просто молчим и отводим так бережно взгляды...
Не вынести сердцу горящему – встречного взгляда огня.
Какое же выпало счастье – молчать с тобой рядом.
И встретиться – счастье. Хоть ты – не дождался меня.

Открыл мою книгу

Открыл мою книгу? Она – про тебя.
Ты в ней – всё найдёшь. Все вопросы свои.
В ней – в строки уложены жизнь и судьба,
А что пропустила, за то – извини.

Прости, что тебя предавали больней,
Коварней... Обычная мзда – за успех.
Я всюду успеть не смогла... Мало дней,
Чтоб мне пережить всё и всюду – за всех.

Возьми же бумагу, перо, и – пиши...
Развей своё горе, откройся до дна.
Излей из истерзанной горькой души
Всю боль... И запей её чашей вина.

Уходят настоящие поэты

Уходят настоящие поэты
На небо, только зорями отпеты,
Растоптаны, распяты и забыты,
Толкнуты с лестницы, или убиты
Молчания камнями и забвенья,
Поэты – эти дети упоенья,
Кто не сошёл с пути, не замолчал
Святой, как сон младенца, светлой правды,
Кто золоту стиха не изменял,
И не позволил над собою правки.

Кто, и гонимым будучи, стоит,
Подобно камню вечному – граниту,
И правду, только правду говорит,
И честь ему одна – быть всюду – битым.
Уходят настоящие поэты

Прямой дорогой в небо... И народы
Приходят к Ним, Кем боли их воспеты.
О Них дождями плачет непогода,
Им гимн поёт цветущая природа...
Но Им – до слёз и гимнов – дела нету.

Цель и смысл всех законов на свете

Цель и смысл всех законов на свете,
Чтобы доброе имя твоё
Защитить мог, и дом свой... Чтоб дети
Твёрдо знали – владенье твоё,

Сад и труд твой – никто не посмеет
Отобрать, или сжечь... разорить...
Всяк трудящийся право имеет –
Жизнью данное – счастливо жить!

Что думаешь ты, мой попутчик?

Что думаешь ты, мой попутчик?
Скажи мне, что думаешь ты, мой попутчик
Об этой метели? Не видно ни зги...
О чём ты молчишь? Может, было нам лучше
Рассвет подождать? Лошадей распряги,

Ямщик! Слава Богу, мы на перекрёстке,
Останемся в тёплой избе ночевать!
Пусть буря утихнет. Поганые вёрсты
Пришлось нам – полжизни – преодолевать.

Кого только мы с тобой ни подвозили:
Озлобленных лузеров, с язвой в груди –
Тупых себялюбцев... Завистники злые
Нам мстили за то, что мы с ними в пути

Делились теплом своих песен и хлебом,
Порой, отдавая последний кусок,
Но – необъяснимая злоба – под небом
Растёт, как лавина... И – пулю в висок

Направил обласканный раньше – твой близкий...
За что? Ни за что. Потому, что – чужим
Он видит тебя, потому, что – прописка
Теперь не роднит на земле... Едок дым

Горящих костров, изживают со света
Любви идеалы и дружбы святой,
Но всё ж... Вслед за ночью – приходят рассветы,
Сквозь сердце, сквозь сердце... Ведь мир этот – мой.

Виктор Фёдорович Кирюшин – родился 17 октября 1953 г. в Брянске. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Наши современники», «Смена», «Континент», «Поэзия», «Сельская молодежь», «Литературная учёба», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», альманахе «День поэзии», антологиях «Венок славы» и «Русская поэзия: XX век». Автор сборников стихотворений «Стезя», «Чередование тьмы и света», «Неизбежная нежность». Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства. Заслуженный работник культуры РФ, Секретарь Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Побудь со мною, тишина...

***

На Руси предзимье,
Порыжело
В ожиданьи первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.

На венцах колодезного сруба
Смыта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пущей.
Шепчут губы: – «Господи, спаси!»
Что там обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

***

Звёзд ледяных над городом кочевье,
 Когда зима,
 Когда темно к шести.
 И женщина в автобусе вечером –
 Глаза в глаза –
 И взгляд не отвести.

Убогий путь меж выбоин и рытвин,
 Ползущий в ночь раздрызганный ковчег,
 И красота,
 Подобная молитве,
 Та самая, что примиряет всех.

На миг один заставит встрепнуться
 И мир забыть, где властвует зима...
 А следом надо просто отвернуться
 И дальше жить,
 И не сойти с ума.

Герань

Памяти мамы Серафимы Никитичны

И всё же рай не за горами,
 Как нам порою говорят,
 А там, где мамины герани
 На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
 И беззащитностью пьяня,
 Цветок российских захолустий,
 Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
 В тумане улица и храм,
 А ты пылаешь в перекрестье
 Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
 На краски ярые бедна,
 Но сколько нежности и света
 Идёт от этого окна!

Так вот он, рай,
 Не за горами
 И лучше сыщется навряд,
 Покуда мамины герани
 На подоконниках горят.

Жизнь

Просто ужин на плите,
 Просто взгляды, встречи, лица...
 Жизнь – прогулки в темноте
 С тайной жаждой
 Заблудиться.

Вот провал, а вот проём.
 Дал же Бог такую ночь!
 Оступаемся вдвоём,
 Только падать
 В одиночку.

Ветер вечности – реки
 Продувает,
 Злой и хлёткий,
 Отношений тупики,
 Заблуждений перекрёстки

Наступает в свой черёд
 То, что было многократно:
 Даже двигаясь вперёд,
 Возвращаешься в обратно.

Прорастает, как лоза,
 Наше прошлое в грядущем,
 Но раскаянья слеза
 Не видна вослед идущим.

Так бывает, и притом
 Понимать необходимо:
 Человеческим судом
 Только явное судимо.

Всё же тайного стыда
 Малодушно не отриньте,
 Чтоб не сгинуть без следа
 В этом странном лабиринте.

Истина

Давайте о главном,
О сущем,
Чему и названия нет,
Как этим вот липам цветущим,
Густой источающим свет.

Что толку в раскладе учёном,
Ведь истина, наверняка,
В неявленном,
Ненаречённом,
Непонятом нами пока.

Как некая дивная птица,
Внезапно мелькнёт у лица...
И манит она,
И таится,
И гибнет
В руках у ловца.

Друзьям

Не уходите, друзья мои, не уходите!
Разве не нам предназначено солнце в зените,
Преданность женщин со всепонимающим взглядом,
Промыслом Божьим в пути оказавшихся рядом?

Разве не мы полюбили до боли, до крика
Мир, где соседствуют чертополох и гвоздика,
Где не всегда и не всем воздают по заслугам,
Но ослепительна музыка радуг над лугом?

Повремените, помедлите чуть у порога –
Не возвращает ушедшего эта дорога.
Прошлое можно лишь памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть, к чему невозможно привыкнуть.

Только успеть бы, свечой на ветру догорая,
Просто проститься у самого-самого края,
У рубежа, за которым иная обитель...
Не уходите, друзья мои, не уходите!

Дорога

А путь туда нескладный да безрельсовый:
Беда, коль дождь нагрят проливной!
Старается, пытит автобус рейсовый,
Качаясь, будто пьяница в пивной.

Намаешься, но к пункту назначения
Особо торопиться не с руки,
Пока несет, баюкает течение
День ото дня мелеющей реки.

Пусть на удачу грех уже надеяться,
Когда минуешь самый дальний плёс,
Но над обрывом вспыхнувшее деревце
Вдруг отчего-то станет жаль до слёз.

Ах, жизнь моя, полова да окалина,
Небесконечных дней веретено...
Вот деревце – от века неприкаянно,
Вот я стою, такой же, как оно.

***

Услышать можно «нет» и «да»
В случайной фразе.
Так преломляется вода
В хрустальной вазе.

Опять бессвязный шум дождя
У самой двери.
Так что-то шепчут уходя,
В уход не веря.

Надежда ветренная лжёт
О счастье рядом.
А вдруг и вправду обожжёт
Случайным взглядом?

Судьба ль замыслила менять
Пути и сроки...
Но разве смертному понять
Её намёки?

***

Боярышник вырос на склоне холма,
В краю, где привычны тюрьма да сума –
Подруги лихие.
Вцепился корнями в угрюмый песок,
Под снегом не сгинул,
В жару не засох,
Назло всем стихиям.

Метели мели и рыдали дожди.
Он птиц согревал у себя на груди,
Делился плодами.
Прохожий порой отдыхал у куста
И клял безнадежные эти места,
Отъехав подале.

– Боярышник, горе познавший сполна,
Зачем ты бросаешь свои семена
Для муки и буден?
– Затем, что любовь долговечнее бед,
Больней поражений
И слаще побед.
Так было и будет!

Метро. Кольцевая

День и ночь грохочет кольцевая,
Не смолкая летом и зимой...
Вывози, как водится, кривая,
Если не выходит по прямой.

Каждому победы и потери
Круговерть подарит в свой черёд.
Поскорее закрывайте двери,
Проходите, граждане, вперед!

Лезем напролом, покуда живы,
Пробиваем стены головой –
Все, без исключения, пассажиры
Хитроумной ветки кольцевой.

Узнаю затылок этот бычий,
Лысину крутую, как гора...
Никаких особенных отличий
Нету между завтра и вчера.

Жизнь в который раз идет по кругу
И яснее ясного уже:
Надо лишь тесней прильнуть друг к другу,
Чтобы устоять на вираже.

Сказка

В полумраке размыты детали –
Фонари, очертания туч...
Воздух августа сентиментален
И, как мёд загустевший, тягуч.

Ни о чём не жалею, человек!
Всё случилось, чему суждено.
Даже горечь несбывшейся встречи
Перебьёт молодое вино.

Пусть нехитрая песенка спета,
Но неведомой жизни полны
Эти зыбкие полосы света
Восходящей растущей луны.

Что ей беды твои и невзгоды.
Если после метелей и вьюг,
Лишь проклюнутся первые всходы,
Гуси-лебеди сядут на луг?

Вновь округа изменит окраску,
Продолжая по воле Творца
«Жили-были...»
Нестрашную сказку,
У которой не видно конца.

***

Лежу на диване, болею.
В озябшее вижу окно
Безлюдную к ночи аллею,
Рекламу авто и кино.

Мерцает она, раздражая,
Когда и безделье – не мёд,
И жизнь, как одёжка чужая,
У самого ворота жмёт.

Странник

Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголосых,
В лесах почти что неживых.
Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет
И не бывает на земле.
Смешно за выдуманным светом

Гоняться, не смыкая глаз,
Но он,
Не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.

***

Поговорим о чём-нибудь высоком,
Что предстаёт обыденным подчас.
Вот яблоко, наполненное соком,
Качается, фонариком лучась.

Рябит листва, дрожащая от ветра,
Как тысячи неразличимых лиц.
Во всём – сиюминутное и ретро,
Без явно обозначенных границ.

Вот голуби лепечут на карнизе,
Как сто и даже двести лет назад,
Не ведая иллюзий и коллизий,
Когда-то наполнявших дом и сад.

Вот женщина – судьба моя и мука,
До сей поры сводящая с ума,
Уже не дочь баюкает, а внука,
Почти не веря этому сама.

Созвездия плывут над головою
И возвращают прожитые дни
То серенькой картинкой бытовою,
То фреской,
Рафаэлевой сродни.

***

Уходя подобру-поздорову,
Обожгусь, задувая свечу...
К твоему ненадёжному крову
Ни за что привыкать не хочу.
Есть резон у такого итога:
Безнадёжна любовь-инвалид.
Отчего же не место ожога –
Всё простившее сердце болит?

***

Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человеческой речи
Душа остывшая темна.
Побудь со мною, тишина.

Лишь на мгновенье отреши
От нескончаемого быта.
Какая музыка в тиши
От сердца суетного скрыта!
Лишь на мгновенье отреши...

Судьбой добытые слова
Растают в небе легче дыма,
Поскольку жизнь неизъяснима
И в пепел обращать права
Судьбой добытые слова.

Молчат высокие леса,
Безмолвны медленные реки,
Чтобы могли мы в кои веки
Ушедших слышать голоса.
Молчат высокие леса.

Побудь со мною, тишина!
Моё проклятье и спасение,
Раскаянье и воскресенье,
И оправданье, и вина.
Побудь со мною, тишина.

Выстрел

Уповаю на чудо,
Отпустил тетиву.
В никуда ниоткуда,
Наугад,
В синеву.

И пошёл за стрелой
Через поле и рвы.
Лишь лихое да злое
Повстречалось, увы.

В никуда ниоткуда
Проутюжил стерню.
Молодецкую удаль
Загубил на корню.

Заблудился не первым
В дикой чаще лесной:
Ни лягушки-царевны,
Ни стрелы запасной.

Вот наука невежде...
Хватит ваньку валять!
Надо целиться прежде,
А потом уж стрелять.

Сапоги

А мы не размышляли о Державе
И больше беспокоились о том,
Чтоб сапоги кирзовые не жали
На полигоне
В месиве и ржави,
Когда нещадно ливень бьёт кнутом.
Но воплотились помыслы благие
В моей стране чередованьем смут...
Я сапоги теперь ношу другие,
Заморские они и дорогие,
Да вот беда:
Немилосердно жмут.

Ваньки

Каждой деревне свой дурачок
Необходим, как запечный сверчок.
Кто-то ведь должен от боли кричать
Там, где неглупому лучше молчать.
Лучше урвать посытнее кусок,
Буйную голову спрятать в песок.
Это убогому всё трын-трава:
Много ли стоит его голова?

Мудрая власть на крыльце золотом
Тешится всласть над нелепым шутом.
Власти всю помогает народ:
«Ванька,
    чудак,
        простофиля,
            юрод!»

В царские уши струится елей,
Не подпевает один дуралей.
Не вымогает себе ничего.
Крестик нательный – богатство его.
Речи юрода смутны и тихи:
«Все мы ответим за наши грехи».
Ваньку жалеет начальник и раб:
«Малый – простак и на голову слаб.
Нынче непросто прожить дурачком».
Ваня вздыхает и пашет молчком...

Эх, забубённая наша страна!
Если б не Ваньки, России хана.

ПОЭЗИЯ

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда», дипломант конкурса московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2011» за сборник «Песни старого шарманщика». Живёт в Москве.

Пётр ГУЛДЕДАВА

Растут стихи, как острова...

***

В своём богатом и счастливом доме,
известном предкам как Святая Русь,
я умечаюсь в собственном объёме
и ни к чему излишнему не рвусь.

Я здесь учусь из горя и злосчастья
выстраивать ступеньки к небесам,
и счастлив ощущеньем сопричастья
к пути, который выбираю сам.

Коль не найду признанья – и не надо:
уйду – и будут сборы недогн.
Ведь я пришёл не получать награды,
а отдавать сыновние долги.

***

Я пока ещё не понял сам,
хорошо ли это, или плохо:
доверял минутам и часам,
а теперь – то эра, то эпоха.

Страсть – уже не ветер парусам,
бригантины не чета диванам, –
не ищи меня по старым адресам,
параллелям и меридианам.

***

Под грозным натиском стихий,
отбросив спорные резоны,
творят реальные стихи
жизнелюбивцы-робинзоны.

Сойдёт, как полая вода,
молвы словесная полова,
и зёрна истины тогда
пробьются весточкой былого.

Когда безликая молва
победоносно мчится дальше –
растут стихи, как острова,
среди потоков мутной фальши.

***

Я вышел в поле безоглядно смело
в туманной мгле по утренней росе,
и пламенным мотором сердце пело,
как самолёт на взлётной полосе.

Я свято верил в торжество закона
и твёрдо знал, что скоро, как и все,
я стану частью прочного бетона
для Родины на взлётной полосе.

Я верю в этот мир светло и слепо,
и гимны возношу его красе,
хоть иногда и выгляжу нелепо...
Как соловей на взлётной полосе.

***

Когда-нибудь и я сомкну уста,
но разомкну всевидящие очи.
И в новой жизни, с чистого листа
мне распахнётся вечный день без ночи.

Я точно знаю, что не сможет мир
прожить и часа без моей опеки.
Продолжить жизни бесконечный пир
в любой судьбе заложено навеки.

И белоснежной станет полоса –
руке судьбы я уступлю без спора:
расправлю в небе крылья-паруса...
Когда-нибудь...
Надеюсь, что не скоро!

Ночь страха

Рассказ

17 октября. Вечер

Международный аэропорт Домодедово. Москва – Пхукет. Вылет – 22.30. Рейс UN 527.

Иван с супругой Катей отрывались от родной земли. Впереди их ожидал беззаботный двухнедельный отдых. Сколько ещё копить в себе эту усталость? Пора бы расплескать её в накатах солёных волн Индийского океана да растрясти под ногами в поющих песках экзотического побережья.

Boeing-747 набрал высоту. Рёв турбин сменился приглушённым убаюкивающим рокотом. Катя накрылась пледом и вставила под шею мягкий надувной «рогалик». Сладко улыбнулась в предвкушении сна, спрятала карие глаза под шторками спустившихся век. Ей хотелось поскорее погасить своё сознание, выпасть из реальности на все девять часов перелёта, чтобы проснуться сразу в раю.

Говорят, Пхукет – это рай на Земле. А тайцы – самые приветливые и доброжелательные люди. Хотя бы раз в жизни на Пхукете хотел бы побывать, наверное, каждый. Туда тянутся воспрянуть душой, окунуться в атмосферу праздника. Отобразить в масле самый яркий пейзаж, снять самый красочный фильм, переложить на бумагу самую проникновенную повесть. О любви.

Иван и Катя давно мечтали о таком отдыхе. Им, пока ещё не обременённым детьми, достаточно обеспеченным и молодым, было необходимо путешествовать в рай...

15 октября. Утро

Иван на два дня раньше Кати ушёл в отпуск. Лучше было бы одновременно, но что поделаешь: у каждого своя работа, свои нюансы. Синхронизировать не удалось. Впрочем, никто и не думал

Игорь Удачин – родился 16 июля 1978 г. в городе Москве. В 2000 г. окончил МГУ ПС. В 2003 г. распалась рок-группа «Испепелённый», лидером, автором концепции, текстостиком и ритм-гитаристом которой являлся Игорь. В декабре 2009 г. вышла дебютная книга Игоря Удачина «Встретимся в Эмпиреях. Ковчег», в которую вошли одновременно 2 романа. В 2011 г. – Игорь Удачин участник II Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (роман «Встретимся в Эмпиреях» в номинации «Большая проза»). В настоящее время готовит к изданию роман-трилогию «Целлофановые сердца», сборник рассказов «Неудачники XXI века», а также работает над киносценарием к х/ф «Ковчег» по одноимённому роману.

Живёт в Москве.

раздувать из этого особую проблему. Катя даже демонстрировала довольный вид. Мол, пусть измотают меня по полной, фееричнее восприму смену обстановки. Всё верно. Катя права. А Ивану можно, как вариант, отъехать на оставшуюся пару деньков на квартиру покойных родителей.

В этом году у Ивана практически друг за другом, с разницей всего в два с половиной месяца, умерли мать и отец. Квартира опустела. Обезлюдившие стены впустили в себя уныние взамен привычной переключки живых, радостных голосов. Теперь здесь поселилась тишина, в правомерность которой до сих пор верилось с трудом. Утренние отцовские покашливания, вырывающиеся из недр заядлого курильщика, спрятавшегося на балконе, или жамканье белья настырными материнскими руками, доносящееся из ванной, – где всё это теперь? Умерли близкие люди, и вместе с ними погиб, провалился в тартарары дорогой, привычный мир, который тебя взрастил, сделал из тебя того, кто ты есть.

С родителями под одной крышей Иван не жил уже около восьми лет, только на дни рождения и другие традиционные даты заскакивал вместе с Катей. Теперь, когда родителей не стало, таскать сюда Катю было ни к чему. Полить цветы да покопаться в фотографиях и документах – никаких других важных дел, в сущности, не осталось. Изредка заезжая, Иван с такими мелочами отлично справлялся в одиночку. Родительскую квартиру в следующем году молодые люди намеревались продать, а на вырученные деньги купить хорошую кирпичную дачу в ближнем Подмосковье.

Занятие какое-нибудь Иван себе в родительском доме, так тому и быть, придумает. Чего с тещей глаза друг другу мозолить, пока Катя на работе? Катя и сама посчитала идею здоровой. Иван, проводив её до работы, согласно утверждённому плану, поехал на квартиру родителей. На двое суток, до дня отлёта.

К середине дня Иван исчерпал фантазию, в какое ещё русло направить свою энергию. Всё было прибрано и упорядочено. Куда девать себя дальше? Как неприкаянный он продолжал бродить по родному когда-то дому, а теперь будто не признающему его, уснувшему чужому жилищу. Вещи по-прежнему оставались до боли знакомыми, но истинного родства с ними уже не ощущалось. Их, при всём трепетном отношении, не хотелось забирать с собой в новую жизнь. Не хотелось, чтобы они продолжали напоминать о чём-то закончившемся и безвозвратном. В какой-то момент Иван с видом сомнамбулы остановился возле бара покойного отца. За стеклянной дверцей красовалась большая непочатая бутылка коньяка, загороженная ровным рядом бокалов. Иван открыл дверцу, рассеянно выдвинул ближе один из бокалов. Затем пододвинул к нему ещё два. Иван по-прежнему пребывал в том же задумчивом оцепенении, и всё же в его взгляде блеснули зачатки просыпающейся осмысленности. Он отворил соседнюю дверцу в шкафу, достал оттуда два маленьких фото: матери и отца, анфас. Фотокарточки он перенёс на полку бара и прислонил к двум бокалам, после чего распечатал давнишнюю бутылку и разлил коньяк. Для отца. Для матери. И – в третий.

Помянуть родителей надумал? Удивительная для Ивана импровизация, поскольку к выпивке он относился резко отрицательно. Даже на похоронах, на девять и на сорок дней, Иван не принял ни капли алкоголя, чем очень смущал собравшихся за столом родственников, не скупившихся на горькую слезу, но очень скоро начинавших балагурить как на свадьбе. Иван презирал творящих ум выпивох. И боялся... пьяного себя.

Но именно сейчас он вдруг подпал под власть чего-то нехарактерного для своей натуры. Раз в год, говорят, и палка стреляет?.. Он – отшельник в этой пустой квартире на ближайшие двое суток. Никто кроме собственного отражения в зеркале не ткнёт в него пальцем, не засвидетельствует ни грусти его, ни радости, ни позора. Хоть на голове стой или голым пляши.

Будто о чём-то без слов посоветовавшись с маленькими чёрно-белыми фотокарточками родителей, как к подставке прислонённым к двум бокалам, Иван взял в руку третий и залпом его опорожнил.

Горькое тепло разлилось в груди, спустилось до желудка и выстрелило в голову. Кроме лёгкого подташнивания сразу не чувствуешь никаких признаков опьянения. Но память об этом разжигающем изнутри тепле и его незаметном, обманчивом воздействии сохранилась сквозь годы. Когда-то, на первом курсе института, подпав под влияние новой компании, Иван принялся хорошенько поддавать. Как правило, потом он мало что помнил. Над ним подшучивали и подолгу смаковали разные гадости, которые он якобы вытворял. Видимо, он и вправду их вытворял. А весёлые друзья не только не одёргивали Ивана – наоборот, провоцировали на очередные «подвиги», чтобы вдоволь потом посмеяться. Мать с отцом (кто же ещё?) первые почуяли тогда своим тонким родительским нутром неладное. Сын может запросто испортить себе жизнь, наивно полагая, что нашёл лучших друзей, хотя на самом деле так называемые «друзья» обзавелись подручным шутком, легко манипулируемым после двух несчастных капель... Ваня, как оказалось, совсем не умеет пить. Либо ему суждено стать потерявшим последнее уважение пропойцей, либо он станет благовоспитанным и надёжным человеком, каким был всегда. Падать легко. Труднее сберечь и преумножить то хорошее, что в тебя уже заложено.

Чаще всего дети остаются глухи к морализаторству родителей, не переносят нравочений и делают всё наперекор. Но Иван, на удивление, сразу же прислушался к доводам старших в семье. Расстался с дурной компанией, с алкоголем начисто завязал. Окончил институт с красным дипломом, устроился на престижную работу, женился на красавице Кате. Всё как по мановению волшебной палочки наладилось. Иван без сбоев строил образцовую жизнь. В семье воцарился материальный достаток. На людях молодожёны походили на воркующих голубков, глаз не нарадуется. А если в молодой семье и случались неурядицы, то сор из избы не выносился. Не всё всегда хорошо было у Ивана с Катей в постели. И вот уже несколько лет бесплодных попыток зачать маленького...

Последний год в жизни Ивана выдался сложным. К такому никто не умеет подготовиться заблаговременно. Две трагедии. Две смерти подряд. Обухом по голове ударившее ощущение сиротства. Спасибо Кате за её поддержку. Теперь, когда горе несколько притупилось, чувство утраты не тяготило столь сильно, они вновь серьёзно задумались о ребёнке. Прошли полное медицинское обследование, вылечились от уреоплазмы, составили себе строгую здоровую диету. От вредных привычек отказываться не пришлось, поскольку Иван с Катей их не имели.

«Первая колом, вторая соколом», – подкинул Ивану залихватскую мысль давным-давно позабытый внутренний чёртик, разбуженный спиртовым духом. Прервав свои хаотичные блуждания по квартире, Иван вернулся к бару: к родительским фотографиям и початой бутылке. Наполнив свой бокал, опрокинул порцию коньяка в задранное по вертикали горло. На этот раз тепло разлилось внутри мягче и приятнее. Словно бархатом провело внутри и лёгкой трепещущей бабочкой вспорхнуло в голову.

На этом бы и остановиться. Но ведь... «Бог любит троицу!»

Непослушная рука потянулась к бутылке...

Незаметно для самого себя Иван провалился в забытие и безвременье, похожее на сон, но с чертами привычной действительности. Голова куда-то уплывала, будто отделившаяся от тела. Громко, причиняя боль барабанным перепонкам, тикали настенные часы. Бутылка уполовинилась. Пронзительные чёрно-белые лица родителей на фото сделались «три-дэ»...

Раздался оглушительный треск звонящего телефона, и окружающая картина вздрогнула, словно подхваченная волной сейсмического толчка. Мир покачнулся, оповещая об угрозе.

Оказалось, Иван лежит на голом полу. Кряхтя, он попытался подняться, но ноги не послушались, и расхлябанное тело безвольно обрушилось и приняло прежнее положение. Иван расхохотался, хотя, по правде говоря, ему было, скорее, страшно, нежели смешно. Уставившись в потолок, он давился смехом ровно до тех пор, пока не умолкло бречанье телефона.

«Что с тобой?» – спросил себя Иван. – «Ты пил?.. Зачем?..»

Простые вопросы, заданные самому себе, были первым проблеском в помутившемся сознании. Ивану показалось жизненно важным ухватиться за эту соломинку, продолжить внутренний диалог, чтобы попытаться перебороть наваждение.

«Что нужно сделать? Как оклематься?.. Лечь спать?»

Неловко катаясь по полу, скашивая то левый, то правый глаз в направлении настенных часов, всё так же отстукивающих жутко громкий хронометрический ритм, Ивану удалось узнать время. Был всего-то пятый час дня. А значит, этот фантазмагорический мучительный провал в никуда, который он сам себе устроил, длился меньше двух часов. На боковую рано. Иван не умел спать днём, как не умел спать в дороге. Но тогда надо что-то обязательно предпринять, чтобы прийти в норму.

Иван с невероятными усилиями поднялся на четвереньки, после чего кое-как вскарабкался на кресло. Глубокий вдох, выдох. Туго, до жжения в коленках выгибая ноги, Иван подкатил кресло на колёсиках к окну. Выглянув на улицу, он тут же отпрянул. Дольше его не пугала девятиэтажная высота. А теперь даже стеклопакет не дарил ощущения безопасности. Задней мыслью Иван заставлял себя понять, что испуг этот неестественный, лукаво навеянный. Но что с собой поделаться, если страшно? Если страшно не по-человечески? Ох, недаром он когда-то отказался от алкоголя. Кому литр – заправка, кому рюмка – смерть.

«Как же отрезвиться? Я с ума сойду...» – Ивану так остро вдруг стало себя жаль, что он, тридцатилетний мужчина, готов был расплакаться как ребёнок.

И вдруг тучка-облачко, всё это время заслонявшая своим сизовато-белёсым барашковым телом солнце, резво уплыла над крышей дома, и солнечные лучи как-то совершенно по-особенному осветили комнату. Иван обомлел. Он был уверен, что узрел чудо. Такой особый угол преломления солнечных лучей вкупе с этими позабытыми зайчиками, загулявшими по обоям в старомодный цветочек, как на машине времени доставили Ивана до станции под названием «Детство». Он вспомнил себя шестилетнего, за год до школы. Вспомнил родителей молодыми. Сейчас Иван и Катя как раз достигли их тогдашнего возраста, но атмосферу в доме, какая царила в годы Ваниного детства, Ивану с женой в своей, как они выражались, «тихой обители» воссоздать пока не удавалось. Да и удастся ли когда-нибудь? Ведь всё в этой жизни по-своему

уникально, невоспроизводимо путём механического подражательства. А как бы хотелось...

Нахлынувшие воспоминания были сродни такому толстовско-тургеневским этюдам на тему беганья детских белых ноженек по утренней росистой мураве. Только вместо сельского луга Иван, истинно городской ребёнок, ни разу не проводивший каникул в деревне, увидел себя, карапуза, вот на этом самом углу дивана, к которому подкрадывались по стене солнечные блики. Городское лето. Жарко. Окна нараспашку. Родители играют с ним. Как лёгкое податливое брёвнышко перекатывают по дивану между собой. Маленький Ваня заливисто смеётся. «Ещё!» – говорит матери. «А теперь ты кати», – даёт распоряжение отцу. В школу только через год. А он уже выучил алфавит и умеет считать до двадцати.

Иван снова выглянул на улицу. Теперь она его не испугала. Наоборот – позвала, поманила. Улица стряхнула с себя хмурую серость и помолодела до того самого Ваниного шестилетия...

Порыв. Рывок. Иван уже на ногах. Неуверенной походкой он направился к выходу из квартиры...

Иван шёл по улице, вдыхая воздух детства полной грудью. Он улыбался во весь рот и сладко шурился на солнце. Траектория его движения вычерчивала зигзаги. Прохожие порой в испуге или с гримасой неодобрения шаркались от пьяного Ивана в сторону. Но Иван, похоже, этого не замечал, задрав блаженное лицо к верхушкам деревьев и крышам домов. Да и самих прохожих в этот час дня в тихом спальном районе было совсем немного. Улица обезлюдела, словно специально для удобства творящегося таинства Ваниной «экскурсии» по сусекам забытого, неповторимого...

Прогулка помогла Ивану немного оклематься. Но чем ровнее становился шаг, а голова делалась светлее, – тем больше проявляло себя утомление. Начало ломить позвоночник, а ноги всё ошутимее наливались тяжестью. Описав круг или что-то вроде ломаной петли, Иван вновь возвращался к стартовой точке своего маленького пешего путешествия – к отчему дому. Не дойдя совсем немного, он всё же сдался и решил передохнуть. Присел на лавочку у одноподъездной шестнадцатизэтажки (в этом доме когда-то жила девочка-одноклассница, которая Ване очень нравилась и за которой он даже пытался ухаживать, но, увы, не удостоился взаимной симпатии). Тяжко вздохнув, Иван в который раз задрал лицо ввысь и с грустью констатировал, что солнце уже не то, и мираж детства померк. Заряд у машины времени закончился...

Пригорюнившись, Иван ещё минут десять сидел на лавочке, приходя в себя и набираясь сил. И вдруг из подъезда, цокая каблуками, вышла изящная особа, приковавшая к себе неприличный Ванин взгляд. Молодая женщина остановилась в трёх-четырёх шагах от Ивана и, разыскивая что-то в сумочке, тоже поглядела в его сторону, а значит, не могла не уловить недвусмысленного выражения его физиономии. Впрочем, женщина, вероятно, привыкла к подобным взглядам и даже, быть может, не считала их предосудительными... Перед Иваном стояла восточная, как с картинки, красавица – образчик смуглого обаяния, со вздёрнутыми уголками чёрных глаз и наливным бутоном сочных губ, этаких спелых фруктовых долек. Через двое суток им с Катей предстояло лететь на двухнедельный отдых в Таиланд, и как мистическое предзнаменование, соблазнительное предвкушение – перед Иваном предстала прекрасная... тайка?..

Сам собою завязался разговор. Или не сам собою? Иван даже не успел понять, в какой момент это произошло: с чьей фразы, с какого вопроса? Так и не найдя в сумочке, что искала, молодая женщина по-простому, без лишних ужимок, присела на лавочку рядом с Иваном. Выяснилось, что по национальности она узбечка и зовут её Марджана. Срок её проживания в Москве едва ли превышал один-два года, потому что по-русски она разговаривала очень плохо. Некоторые слова не выговаривала, некоторые путала по смыслу. Зато голос был такой нежный, музыкальный... Когда Иван чего-то не понимал, он не переспрашивал, а представлял, что ему нараспев перечисляют названия диковинных восточных сладостей.

А вот кое-что он понял сразу! Неожиданно Марджана предложила: если хочешь, можем пойти к тебе... И Иван растаял. Ему бы и во сне не приснилось, что общение с незнакомой женщиной на улице способно так быстро перерасти во что-то большее, многообещающее...

Вскоре Иван и Марджана продолжили начатую беседу в квартире родителей. Марджана призналась, что она немножко подшофе, но не отказалась бы от добавочной капельки горячительного. «Интересно, заметила ли она, как пьян я?» – наивно разгадывал ребус Иван, наливая восточной очаровательнице коньяку.

Почему не пьёт он? – удивилась Марджана, без церемоний пересев к Ивану на колени. Иван перестал дышать. В его руке тоже вырос бокал, наполненный коньяком. Они выпили на брудершафт и слились в страстном поцелуе...

16 октября. Ночь

Какая-то беспокойная сила вытолкнула сознание Ивана из омыта сна в окутанную мраком явь. Задохнувшись, Иван приподнялся на локтях и вперился взглядом в часы с подсветкой: большая стрелка замерла между XII и I, маленькая равномерно опускалась от V к VI: полпервого-ночи. Иван неосторожно вырвал из-под себя локти и, рухнув обратно на приютившее ложе, невольно прижался правой стороной своего тела к мягкой и гладкой, разгорячённой плоти. Иван повернул лицо и едва разглядел припухшее ото сна лицо Марджаны...

То, что до провала в сон не сохранила пьяная память, вдруг чёткой кинохроникой пронеслось перед его пробуждённым ошарашенным сознанием. Он припомнил картины жадных змеиных слияний их тел, нескончаемый жалобный скрип родительского дивана. У них была близость, ещё и ещё. А потом она танцевала ему восточный танец под рингтоны со своего телефона. Пластика обнажённого тела сводила с ума и манила в очередной развратный круг. Иван был ненасытен, словно впервые дорвался до женских прелестей. Катя узнала бы о нём много нового, если хотя бы половину того, что он проделывал с Марджаной, он продемонстрировал в постели со своей законной женой.

И вдруг эйфория куда-то ушла. Ивану стало нестерпимо обидно за Катю. И – страшно... А вдруг Марджана нездорова? Учитывая, как легко она сходится с мужчинами... Теперь недуг передастся через Ивана Кате. Разве можно сказать жене: «Не спи со мной. Дай я сначала проверюсь...»? Я, мол, тут неожиданно оказался слаб по части верности... Боже... А ведь они сдали все-все анализы, и теперь, уверенные в своём стопроцентном здоровье, наращивают усилия для зачатия ребёнка... Господи, Господи... Дур-рак несчастный...

Всю оставшуюся ночь Иван себя терзал и не находил покоя. Это была поистине ночь страха, ночь самовозведения на эшафот. Порой накатывало желание вскочить и без оглядки убежать на край света. Но где бы он, этот край света, ни находился – от себя всё равно не убежишь. И Иван в бессилии продолжал лежать в тёмной комнате, бок о бок с чужой женщиной, обладающей прекрасным, по-солдатски крепким сном. Марджане не в чем было себя корить, в отличие от Ивана. Неожиданно порой распределяются в жизни роли.

16 октября. Утро

Ровно в 07:00 смуглянка проснулась по будильнику со своего телефона, бодро запиликавшему из брошенной на пол сумочки. Сон моментально сошёл с её лица. Грациозной ланью соскочив с дивана, Марджана принялась быстро облачаться в одежду, подмигивая при этом бледному бездвижному Ивану, искоса за ней наблюдавшему. Одевшись, Марджана широко улыбнулась, растянув дольки-бутоны до ушей, и замерла, не сводя взгляда с затаившегося Ивана, под глазами которого явственно набрякли после вчерашней попойки и бессонной ночи сизые мешки. Кто-то из них должен был первый что-нибудь сказать. Пауза становилась не просто неловкой, а невыносимой.

– Спасибо, – выдавил из себя Иван надтреснутым голосом. – Ты хорошая.

– Кхалосая, кхалосая, – активно закивав головой, согласилась Марджана. – Дэнъге платъи пазаласта.

После всех своих ночных мук Иван удостоился добивающего удара: Марджана оказалась проституткой. Всё случившееся не было ни порывом, ни флюидами, ни вспышкой страсти. Намного банальнее. Марджана, выполнив заказ, покидала свой очередной адрес. А тут – откуда ни возьмись – Иван на выходе из подъезда. Исполненный игривого настроения. Она думала, он всё понимает. Она не виновата, что он такой наивный...

Пока Иван и Марджана объяснялись, её голос уже не показался ему нежным и музыкальным, каким казался вчера. В нём проявились новые, режущие слух, базарные нотки. Ивану захотелось поскорее со всем этим покончить. Он заплатил требуемые десять тысяч рублей, оставшись всего лишь с парой полтинников и пригоршней «железа» в кармане.

Марджана ушла, оставив после себя шлейф сладких цветочных духов, который ещё долго блуждал по квартире и, неприятно раздражая, щекотал ноздри.

Унылое зрелище представлял собой бар. Фотографии родителей, размокнув, валялись в коньячной лужице. Бутылка была допита до дна. И даже бокалы, символически наполненные для покойных родителей, оказались опустошены. У Ивана встал ком в горле, глаза безжалостно защипало. «Паскуда... Животное... Дорвался...»

Фоном всего дня стал долгоиграющий, зудящий, изматывающий мысленный укор себе: «Почему не спросил у узбечки, здорова ли она? Можно ли остаться в уверенности?... Только честно! Честно!.. Здо-ро-ва?!» Хотя... кто он такой, чтоб перед ним отчитывались. Не спросил, и чего теперь? Хватит бы уже об этом...»

Жутко хотелось есть, но заблаговременно Иван о продуктах не позаботился. Холодильник блистал стерильной чистотой. Под столом нашлась подгнившая луковица выбросил её в мусорку. Сто рублей с мелочью. Не разгуляешься. Стыдно идти в магазин. Иван лёг на диван и, не вставая, провалялся,

уставившись в потолок, почти целые сутки. Иногда, на час, на два, ему удавалось забыться сном.

17 октября. Утро

Иван поднялся ни свет ни заря. Живот скручивали спазмы. Из желудка раздавались пугающие звуки, похожие на скрежет барабана стиральной машины.

Напившись воды из-под крана, Иван навёл в квартире порядок, оделся и вышел на улицу. Проходя мимо продуктового магазина, а вслед за ним – чебуречной, насилу сдержался. Щипая себя за брюхо, устремился дальше. Пройдя через дворы, свернул на тропинку, ведущую вдоль оврага. Впереди был мост через речку. А сразу после моста – белел храм.

Уж и не вспомнить, когда он закахивал в эту церквушку, так удобно расположившуюся неподалёку от дома, в последний раз. Лет пять назад, не соvrать. А то и... шесть-семь. Иван приблизился к красивому, аккуратному храму с золотым куполком. Осенив себя крестным знаменем, зашёл под свод. Внутри было тихо, покойно и безлюдно. В небольшой выемке под аркой расположилась за деревянной стойкой тётка в платке, у которой можно было купить свечи.

– Можно мне свечку? – Иван ссыпал в блюдце всю имевшуюся наличность: два полтинника и мелочь.

– Какую?

– Вот эту можно? – ткнул пальцем.

Тётка стала что-то уточнять, выведывать – как показалось Ивану, несколько высокомерно и с обидной подозрительностью. Иван, потупив глаза, молчал как партизан и упрямо ждал свою свечку, всем своим видом показывая, что не будет отвечать на вопросы, кажущиеся ему излишними. Деньги он заплатил. Свечка явно столько не стоит. Что ещё от него нужно?

Заполучив свечку, специально ушёл в самую дальнюю часть храма, чтобы тётка за ним не наблюдала. Облюбовал маленький подсвечник на прямоугольном столике с распятием. К уже зажжённым до него трём свечкам присовокупил свою, четвёртую. Фитилёк пошипел и затух. Пришлось всё проделать заново. Со второго раза свечка стала гореть исправно. Иван хотел опуститься на колени (никто на него не смотрел), но в последний момент передумал, остался стоять. Никак не давала покоя покупка свечи: тётка выпытывала про «за здоровье» и «за упокой». Но ей-то зачем? Вперёд Бога влезет в чужую сложную душу и *отсортирует*?.. «Я вот сразу за всё! – утвердился в мысли Иван. – За родителей и за нас с Катей. Чтобы моё баловство без всяких последствий... И долететь хорошо до Пхукета...»

Покидая храм, Иван демонстративно не посмотрел в сторону тётки. Вместо смирения и душевного успокоения какое-то раздражение всё ещё накипало. «Люди сюда со своим интимным... а она со всякими формальностями...»

Сразу от храма – к метро. Чем ближе к метрополитену, тем быстрее шаг, чтобы не тянуть носом запахи, распространявшиеся из расположенных по соседству сосисочных и шашлычных. Через час Иван был уже дома. Его в прекрасном расположении духа встретила пакующая чемоданы Катя. Радовалась как девочка. У Ивана же на сердце скребли кошки. Да и в пустом желудке тоже явно кто-то скрёбся и неистовствовал. Катя усадила Ивана за стол,

накормила. Мужний аппетит вызвал у неё недоумение, но и весёлое удовольствие. Мол, ага, как я тебя понимаю: целых две недели на морепродуктах и всякой экзотике, успеешь загоревать без домашней стряпни.

Набив желудок, Иван ещё долго не мог себя заставить начать что-то делать. Катя даже попробовала обидеться. Она и вчера, и позавчера работала в авральном режиме, и сегодня с самого утра крутится дома как белка в колесе. А тут вот вам заявочка: царь-царевич, король-королевич пожаловал!

Ничего. Удалось всё обернуть в шутку и реабилитироваться. Оклемавшись после обжора, Иван как цуцик засуетился вокруг Кати, буквально хватывая любую работу из её рук, успевая и здесь, и там. Занятость делами здорово отвлекала от тяжких мыслей. К приезду в аэропорт Иван уже настолько успел развеяться, что почти не возвращался к прежним переживаниям. Заразившись Катиным настроением, он думал только о Пхукете, о двух предстоящих райских недельках...

18 октября. Ночь

Иван одним из первых почувствовал неладное. Катя, как и большинство пассажиров, встретила ночь в небе в состоянии безмятежного сна. Но тем, кто бодрствовал, с каждым мигом становилось всё тревожнее.

За иллюминатором клубился дым. Это был именно дым, а не облака, потому что с ним перемежались нервно трепещущие языки пламени. Зрелище было жуткое. Самолёт трясло.

Одинокая бортпроводница на грани потери самообладания вихрем пронеслась между рядами, налево и направо выплёвывая скороговорчатое малоубеждающее враньё про тёплые потоки воздуха, зону турбулентности, воздушные ямы... Иван глядел в иллюминатор и видел горящий мотор. Показалось, откуда-то из-за спины начало сквозить.

Вскоре из отсеков в спинках сидений выпали кислородные маски, что являлось прямым подтверждением: герметичность в самолёте нарушена. Никто из персонала больше не появился, чтобы объяснить, как этими масками правильно воспользоваться. Инструктаж перед полётом никто никогда не слушает...

В хвосте самолёта благим матом завыл малолетний ребёнок.

Пара крупных мужиков повскакивала с мест. Но бессмысленно пометавшись туда-сюда по проходу, спотыкаясь из-за тряски, они вернулись к своим перепуганным жёнам, покорно втиснулись в кресла и перехватились ремнями. Был совсем не тот случай, когда они могли показать свою привычную значимость и контроль над ситуацией.

Вот уже раздались первые вопли кликуш: «Мы падаем! Мы разобьёмся!» Горестно было это осознавать, но, похоже, их истерика вполне согласовывалась с истиной.

Иван озирался вокруг, ловя и зачем-то запечатлевая в памяти каждую гримасу ужаса, каждый всхлип, каждый окрик, словно ему отведена роль безучастного свидетеля творящейся катастрофы, о которой надо будет потом в деталях кому-то поведать. Но он вмиг опомнился, когда столкнулся взглядом с проснувшейся Катей. Защитная абстракция разрушилась, словно картонный домик. Они двое – тоже здесь, как и все эти несчастные, паникующие люди. Им уготовано разделить одну на всех судьбу. Они уже никогда не долетят до Пхукета...

Руки всё сделали сами. Сознание не поспевало за мышечными рефлексами, оно будто спало. Оба уже были с масками на лице. Иван и Катя видели только глаза друг друга. Два инопланетянина. Два двуглазья. Четыре выпученных белка с крупными зёрнами чёрных, расширившихся от страха безысходности зрачков.

В последние минуты жизни Иван подумал о том, что Кате намного страшнее умирать. Потому что перед смертью она не сделала ничего плохого. Да она вообще, о Господи Боже, никогда не делала ничего плохого!.. Она не знает, за что ей эта кара! Знает, за что это ему, только Иван...

Иван сдёрнул с лица маску и с надрывом прокричал, что любит её... Катя, показалось, сморгнула в ответ.

И ещё... ещё он хотел признаться, что изменил ей! И уже был готов произнести вертевную на пересохшем языке фразу, но захлебнулся потоком шального ветра, в котором совсем не ощущалось живительного кислорода.

Иван прищёпнул к лицу маску и больше не рисковал с ней расставаться. Он крепко сжал дрожащую Катину ладонь и не отпускал. Прожгло озарение – Катя и так всё поняла, без слов.

Два влажных двуглазья, – в которых истаявал земной страх, но росло предощущение долгого одиночества, – не отводили друг от друга взгляда до самого конца...

18 октября. День

Сообщение из новостной ленты:

На территории Узбекистана, близ города Каттакурган, потерпел крушение самолёт Boeing-747, следовавший рейсом UN 527, Москва-Домодедово – Пхукет. Что стало причиной катастрофы самолёта, пока определить не удалось. Скорее всего, у самолёта отказал один из двигателей. Погодные условия не могли спровоцировать аварию. В момент крушения небо было ясным. Все пассажиры погибли.

Моя Городомля

Рассказ

Фактически с пребывания на этом удивительном острове началась моя семейная жизнь. Если вспомните, в августе 2010-го Москва была задымлена необычайно. Стояла аномальная 40-градусная жара, всепожирающая стихия пожаров угрожающе расплзалась по средней полосе и уже взяла в блокадное кольцо столицу, подарив МЧСникам (и не только им) море головной боли. Сказать о том, что дышать было нечем – не сказать ни о чём. На свадебных фотографиях, как в диком тумане: Красная площадь, Лужков мост, Поклонная гора. За десять шагов уже мало что разглядишь. Счастливые и в то же время плачущие от въедливой гари глаза измученных молодожёнов и самых стойких гостей с респираторами вместо лиц... Спасибо чьей-то забавной

выдумке – на белых респираторах ярко-красной губной помадой подрисовывали смайлики, чтобы будущий свадебный фотоальбом хоть как-то поднимал настроение, а не походил на фоторепортаж из зоны экологического бедствия. Наше с молодой женой свадебное путешествие больше смахивало на бегство. Лишь бы куда из этого знойного, чумазого от сажи, до последней травинки выжженного мегаполиса. С вылетом за границу что-то тогда не получилось, зато молва своевременно донесла: в Тверской области всё не так удручающе. Эти края традиционно любимы москвичами-походниками за живописность верхней Волги и многочисленных озёр ледникового происхождения, с поросшими лесом мысами, причудливыми заливами и таящими в себе загадку островами. Не раздумывая, решились на молниеносный старт – и вот мы уже на втором по величине острове озера Селигер, посреди неопишимо красивых и величественных хвойных исполинов, в неге кислородного опьянения.

Что же такого особенного в Городомле? Чем этот остров удивителен? То, что могло бы выдать его секреты, не сразу бросается в глаза, но день ото дня станет неодолимо нарастать ощущение: место, куда ты попал, не столь простое, каким поначалу могло показаться. Хорошая изоляция острова уже заставляет о чём-то задуматься, а когда углубишься в сосново-еловый лес и наткнёшься на многокилометровой протяжённости заграждения из колючей проволоки, от возникающих вопросов уже совершенно точно не отбиться. Впоследствии, когда я заинтересовался историей острова и кое-что о нём узнал, вот какие всплыли факты. В 1929 году на острове началось строительство института, который позже начал проводить научные изыскания в области создания противоящурной сыворотки. Именно тогда на острове вырос посёлок, с колючей проволокой, охраной и статусом секретного объекта. Просуществовал Ящурный институт с 1932 года до начала Великой Отечественной, после чего объект эвакуировали, а на его месте разместили госпитали. К концу войны необходимость в госпиталях отпала, и с 1946 года на острове Городомля начался новый, так называемый «ракетный» период, самый яркий с точки зрения исторической важности и, я бы даже выразился, влияния на судьбы мира. После капитуляции фашистской Германии разведки США и СССР развернули активный поиск ракетных секретов проигравшей стороны. Практически все ведущие специалисты, вся верхушка немецкого ракетного проекта сдалась американским войскам. Но наши тоже были не лыком шиты. Более 150 немецких специалистов (а с семьями почти 500 человек), кто по желанию, а кто и против воли, приехал работать в СССР. Сначала в Химки, Моноино и Подлипки, а затем на райскую Городомлю, которая, впрочем, вряд ли показалась им тогда настолько райской, как мне в августе 2010-го... Я лишь знаю, что немцам было разрешено взять с собой членов семьи, домашних животных и любые вещи, какие им хотелось. Более того, можно было уехать с любой женщиной, совсем не обязательно с женой. Так что в этом отношении у них было даже своеобразное преимущество передо мной, так как в свадебное путешествие, как вы знаете, принято отправляться исключительно с новоиспечённой законной супругой, и другие варианты не рассматриваются. Немцев на острове разместили довольно неплохо, каждой дойч-семье выделили отдельную 2-х или 3-х-комнатную квартиру (большинство сотрудников советского НИИ, к слову, селили в бараках или, в лучшем случае, на частных квартирах), определили хорошую зарплату. Но всё-таки это был не отдых, это была напряжённая работа режимного предприятия. Остров охранялся строго, с часовыми и собаками. Вокруг острова курсировали сторожевые

катера. Хотя при этом немцы свободно выезжали в выходные дни в Осташков затариться свежим продовольствием на рынке, и послевоенное советское население, раздетое и голодное, в прямом смысле слова заглядывало им в рот и, пересиливая страх перед «сталинскими указами», пыталось им что-то продать по спекулятивной цене, дабы разжиться лишней копейкой для прокорма семерых по лавкам.

Но я не хочу сейчас углубляться в дебри житейских нюансов из тех времён, которые не застал самолично. По свидетельствам прямых очевидцев, к немцам относились хорошо, уважали их аккуратность и порядочность, а немцы в ответ всегда пытались как-то отблагодарить русских товарищей, украдкой делали им подарки за необязательные услуги. Поселившихся на острове немецких детей учили русские учителя. Русские и немецкие дети сумели хорошо поладить и понять друг друга, пока судьба вновь их не развела. Нынешнему поколению сложно разобраться в тех непростых и трогательных взаимоотношениях с немцами на стоящих перед глазами примерах своих туристических вылетов на курорты Анталии или Хургады... Чем занимались немцы и прикрепленные к ним советские учёные на острове? Программой пуска «ФАУ-2» и развёртывания производства этих ракет в СССР. Советская модификация ракеты «ФАУ-2» получила название «Р-1» и спустя время была принята на вооружение. Случалось слышать мнение, что «дорога в космос» начиналась именно отсюда, с Городомли. Но тут уж я не возьмусь ничего утверждать. Да и не все факты из нашей истории ещё рассекречены... В 1951 году немецкие специалисты с семьями были репатриированы в ГДР.

Свято место пусто не бывает. Началась новая жизнь, внедрили новое производство. Закрытое предприятие переродилось в завод «Звезда», который и поныне функционирует в посёлке «Солнечный». А что в нём производят, как-то неловко было спрашивать у местных жителей (примем, как версию, гироскопы высокой точности). Контрольно-пропускной режим до сих пор действует на острове, и это, конечно, непроизвольно навеивает разные вольноотпущенные мыслишки и фантазии. Самовольная высадка на остров до сих пор запрещена. Чтобы попасть на остров, нужен временный пропуск. Для собравшихся в гости родственников жители Городомли тоже заранее заказывают пропуск. На острове полностью автономная жизнь. Случись вдруг, тьфу-тьфу-тьфу, война, эпидемия, экологическая катастрофа на «большой земле» – на острове, ощущение, погорюют, но выживут и переживут. Местный менталитет – интереснейший гибрид между жителями далёкой русской глубинки, легкомысленными обитателями курортной зоны и высококвалифицированными технарями, готовыми поболтать о политике или рыбалке, но не о работе.

История Городомли началась, конечно же, намного раньше, чем взялся описывать её я. Совсем в седую глубь веков мы не полезем, но немножко углубиться в более раннее прошлое себе позволим. Когда-то остров принадлежал боярину Борису Фёдоровичу Лыкову, который в свою очередь подарил его в 1629 году мужскому монастырю Нило-Столобенская пустынь (о нём я отдельно расскажу ниже). Престарелые монахи получили остров с правом пахать, косить, рубить лес, а также ловить рыбу во внутреннем озере (называется оно Дивное и вполне оправдывает своё имя). Ещё они собирали грибы и ягоды. И даже выращивали плодовые сады. Так в восточной части острова возник Гефсиманский скит. Он и доныне хорошо сохранился и в комплексе с современными постройками стал частью дома отдыха «Селигер», в котором мы и

проживали (бывшие кельи превратили в уютные домики). В 1920-х годах скит был закрыт, а остров передан в распоряжение НКВД. Совершенно точно известно, что именно на острове Городомля великий русский художник, «певец русского леса» Иван Иванович Шишкин написал картину «Утро в сосновом лесу», известную всем сладкоежкам по репродукции на фантиках советских конфет «Мишка косолапый». Был у картины и соавтор – Константин Аполлонович Савицкий, написавший непосредственно медведей, но коллекционер Павел Михайлович Третьяков самовольно стёр с полотна его подпись, не посчитав вклад Савицкого существенным. Такие интересные перипетии. А в 1910 году на острове побывал, к примеру, фотограф царя Сергей Михайлович Прокудин-Горский, известный как пионер цветной фотографии в России. Тянуло, ох тянуло людей творчества на Городомлю. Вот и я, хоть и куда более скромный, но тоже человек к творческой деятельности причастный, почувствую в себе эту *тягу*, но о моих чаяниях и переживаниях – позже.

Итак, Нило-Столобенская пустынь. Расположен мужской монастырь на острове Столобный. История Столобного и Городомли так тесно переплелась, что нельзя рассказывать об одном острове, умолчав о другом. Именно из Ниловой пустыни перебрались на Городомлю первые монахи будущего Гефсиманского скита. Начиналось всё с того, что отсылали на необжитую Городомлю монахов за провинности. А как появилась сама Нило-Столобенская пустынь?

Преподобный Нил Столобенский родился в конце XV столетия (предположительно 1485 год) неподалёку от Великого Новгорода, в Валдайском уезде в погосте Жабенском. После смерти родителей отправился в Крыпецкий монастырь, где принял монашеский постриг с именем Нил в честь преподобного Нила Постника. В 1515 году Нил покинул монастырь и пришёл в лес близ реки Черемхи, где построил себе келью и прожил в ней отшельником 13 лет, питаясь травами, желудями и всё время проводя в молитвах. О Ниле прослышали, к нему стали приходить люди за наставлениями. Однажды к нему явились разбойники, чтобы его убить и чем-нибудь поживиться. Нил сотворил молитву и вышел к ним с иконой Пресвятой Богородицы. Разбойникам привиделось, что преподобный окружён множеством вооружённых людей. Они в ужасе упали к его ногам и раскаялись. Но это был нехарактерный случай – в основном, конечно, приходили за молитвами и утешением. Тяготясь вниманием, в 1528 году Нил переселяется на остров Столобный на озере Селигер. Сначала вырыл там себе землянку, через год построил деревянную келью и часовню. В одиночестве Нил Столобенский 27 лет прожил на острове. Почему «Столобенский»? Разгадка термина в особом (достаточно редком и неподдающемся нашему пониманию по сложности) виде христианского аскетизма. Не желая спать лёжа, Нил вбил в стену кельи крюки и, опираясь на них, отдыхал. Иными словами, он долгие годы не позволял себе ни прилечь, ни присесть, даря своё терпение и подвиг Богу. Когда я узнал, как он жил, меня это поразило. Желая поделиться впечатлением, я много раз рассказывал о Ниле Столобенском собеседникам. Чаще все замирали, пропускали через себя и дивились точно так же, как дивился я. Но однажды, на свою беду, я нарвался на прожжённого хама и нигилиста. «А что, он и *это* стоя делал, и по ляжкам текло?..» Признаюсь, я не нашёлся что ответить. Мне было горько и обидно, что моё восхищение силой человеческого духа так легко опошляется напоминанием особенностей человеческой физиологии. Этого остряка я стал обходить стороной, но моё восприятие *чудесного* он, как ноншалантный хирург,

цинично смолящий сигарку перед операцией, искромсал, запачкал, инфицировал навсегда... Зачем я об этом вспомнил и испортил рассказ?.. Наверное, потому, что я сейчас слаб, растерян. Мне очень плохо. Но об этом речь тоже впереди, если хватит сил дописать начатую историю.

В построенной собственными руками часовенке выкопал Нил себе могилу и уложил туда струганный гроб, чтобы не забывать никогда о смертном часе и ответе на страшном Суде. 7 декабря 1555 года Нил Столобенский преставился. Прославление святого произошло в конце XVI века, но точный год канонизации неизвестен. Обретение мощей совершилось во время строительства каменного Богоявленского храма на месте кельи преподобного 27 мая 1667 года. А в феврале 1919 года над останками Нила Столобенского публично надругались...

Историю обители я описывать не возьмусь. Много было интересных фактов, были и чудеса. Но обо всём этом, кто возымеет желание, пусть узнает самостоятельно из других источников, более достоверных, нежели моё вольное авторское повествование. С историческим обзором я закругляюсь. Хочу лишь вернуть напоследок интригу для сведения кладоискателей. Когда большевики, вволю попав в Нилову пустынь из пушек, ворвались в её пределы, то не нашли и малой доли тех богатств, на которые рассчитывали. Существует гипотеза, что монахи успели захоронить не имеющую цены церковную утварь на дне Дивного озера на острове Городомля...

Вот мы и вернулись опять на Городомлю, в 2010 год... Я гребу на лодке по озеру Дивное. Где-то там, внизу, под слоем ила, возможно, таятся несметные сокровища Ниловой пустыни. Но я не думаю о них. Моё *сокровище* сидит сейчас вместе со мной в этой уютной двухвёсельной плоскодонке и влюблёнными глазами смотрит в мои влюблённые глаза... Она мне ласково выговаривает, что это наш медовый месяц, и я не должен так много рыбачить, а побольше времени уделять ей. В этой прелестной румяной девушке напротив – вся моя жизнь, все мои желания и стремления, вся моя судьба... На любые её капризы я с готовностью киваю головой, хотя и немножко расстраиваюсь, как расстроился бы на моём месте любой заядлый рыбак, которого ограничивают в свободе погружения в свою любимую стихию... Никогда я не был и, наверное, уже не буду счастливее, чем тогда. А эти велосипедные прогулки? А купание вдвоём на пустынном пляже? А гуляния с фотоаппаратом по лесу? Эти встречи, меня промокшего, продрогшего, стучащего зубами, на зябком берегу возле пристани, на последнем издыхании врезающего нос лодки в песок? Мы оба там неприятно переболели, и всё-таки помнится только хорошее. Наташкино горлышко мы лечили по подсказке местных знахарей прикладыванием на ночь потрохов свежевспоротой рыбы, а мои занывшие от ледяной воды зубы – парацетамолом и её медово-сладкими любящими поцелуйчиками...

Хотя, что я себя обманываю? Она никогда не будет считать этот отдых лучшим. До и после были более интересные в её понимании поездки. Мне пришлось влюбиться в Городомлю в одиночку, ни с кем, ни с единой живой душой эту влюбленность не разделив.

Спустя год я вернулся на Городомлю со своим старшим братом. Я хотел чуть не силком раскрыть ему веки и скомандовать: «Гляди! Дыши! Разгрузись! Проникнись...» Но он только отшучивался и, похоже, тоже ничего не понял из того, что чувствую здесь я. Ловля на фидер нас очень увлекла, и даже не успелось поболтать по душам за целую неделю, хотя это был наш первый совместный отдых за всю жизнь. Два родных брата, планомерно

приближающихся к рубежу в 40 лет (он раньше, я почти следом с разницей в четыре с половиной года) – первая возможность без беготни поговорить о чём-то жизненном, философском, непреходящем, и... не до этого совсем. Чем же больше всего запомнился отдых с братом? Тем, как глупо обгорели на солнце. Наши ступни, наиболее пострадавшие по сравнению с другими частями тела, были похожи на вздувшиеся, так и пышущие жаром лепёшки, только-только вынутые из печки. Ходили как парализованные, смеша местный персонал и отдыхающих стариков. Еле уехали на полусогнутых восвояси, ещё и нагруженные уловом, на треть закопчённым, на две трети замороженным для московских жарок...

В третий раз я посетил Городомлю в компании самого себя. За полтора месяца до моего отъезда умер после продолжительной мучительной болезни отец. Мне надо было побыть одному. Жизненно необходимо. Я должен был в тишине, глядя на голубую водную гладь, сказать себе, произнести в полный голос: «Ну всё, парень, ты теперь сирота»... Мать я похоронил в семнадцать, а теперь отец... «Будь сильным, умеи слушать дождь», – так звучала строчка из забытой песни, которую я сочинил в ту пору, когда умерла мама. И вот я сижу, смотрю на молчащие колокольчики закинутых фидеров, и... как по колдовству, начинается дождь... Такой проливной, что даже дождевик не спасает.

У каждого человека на этой земле должно быть какое-то убежище от шумного мира, недосыгаемый, милый сердцу сохран, где в тиши и спокойствии он клеточка за клеточкой может восстановить себя, отринуть всё накипевшее, очиститься и возродиться. Сдуть с себя расклокотавшуюся пену и почувствовать, как душа вместе с порами бледной городской кожи задышала жизнью. Настоящей, всамделишной, без обмана. Мне порой кажется, я изначально явился на этот свет с заложенной в меня ласковой мечтой о своём уютном мирке, где меня не коснутся никакие горести и треволения. Порой даже нет-нет да и возникнет нелепое ощущение: я так сильно устал *ещё до рождения*, что какой уж вы от меня активности хотите *здесь*... И вот я ищу, ищу, всю свою жизнь ищу контуры и месторасположение этого неуловимого *мирка-райка* – и никак не нахожу. Вместо этого жизнь продолжает муштровывать меня без поблажек, и дух перевести попросту некогда. Я молю только о спокойствии и о тихой красоте.

Мне казалось, в четвёртый раз я поеду на Городомлю, уже многое поняв о жизни, во многом разобравшись, что я к этому времени сакраментально близко приближусь к осмыслению земного счастья и чуть ли не научусь ходить по воде, побросав на берегу глупые бесполезные садки, рогатки, подсачеки и фидеры... Но не тут-то было. Моя почти на три года повзрослевшая с момента свадьбы жена, моя Татуля, объявила, что ошиблась во мне, что разлюбила... и я со своими манатками могу убираться на все четыре стороны, лить слёзы по мне никто не станет. Я смотрел в холодные стекляшки её глаз и долго не мог понять, шутит она или говорит всерьёз. Куда это в одночасье делось, куда ушло, кем украдено? Где эти лучащиеся влюблённые глаза моего милого пассажира, сидящего в лодке напротив, посреди озера Дивного?.. Нет, это всё-таки какой-то розыгрыш, думал я. Такого не бывает. Такого не должно быть. Бог насквозь видит мою душу, Он знает, как я люблю её всем сердцем. Почему же Он это попускает? За что приготовил мне это испытание?..

Мне пришлось согласиться на развод и уехать. Ни ласка, ни вразумляющие разговоры, ни скандалы – ничего не помогло. Я где-то был не прав, где-то

допустил ошибку – но где именно, поздно было соображать. Невольно всплыл и монополизировал мои умственные лабиринты вечный неразрешимый вопрос: «Что важнее: быть любимым или любить самому?» Наверное, она всегда отдавала мне больше, чем умел отдавать ей я. Крен нарастал, и конструкция разрушилась. Когда хоронил родителей, мне было горько и больно, как любящему сыну, но я хотя бы умом понимал, что свершилась неизбежность. Когда хоронишь брак с человеком, с которым хотел прожить долгую жизнь, до дна испив чашу радостей и горестей – ненамного легче, а может, в чём-то и потяжелее. Потому что не было никакой неизбежности, а была лишь неспособность на поступок, который бы всё изменил и исправил... Не сумев придумать, что это мог бы быть за *поступок*, я отступил. Мне хотелось, чтобы она просто была счастлива. Если разучилась быть счастливой со мной – пускай без меня... Лишь бы ей было хорошо...

Переехав, я не позволял себе унывать, я искусственно-злорадно бодрился. Какие перспективы впереди! Полная свобода! Сейчас перепробую новых женских тел! Буду, как король, выбирать из выстроившихся в очередь за дверью моей опочивальни красоток!.. Но до мстительной вакханалии так и не дошло. В одно «прекрасное» утро я не смог подняться с постели. Меня всего колотило, я закутывался в ватное одеяло посреди жаркого лета, обливался липким потом, меня тошнило. В общем, я в одночасье расклеился – видимо, на нервной почве. Я всё-таки решился на попытку добрести до кухни приготовить себе чай, но посреди коридора ноги, как иструхлявившие, подломились из-за головокружения. Я почти что на коленках дополз обратно и попытался уснуть, но даже спать у меня не получалось. Я мог только страдать, боясь любого своего неосторожного движения, причиняющего боль...

Всю эту историю я записал под гнётом неотступного страха, что в любую секунду умру. Меня найдут спустя неделю, отдавшим Богу душу в забвении и одиночестве, отвратительным, разложившимся – один в один, как умер несколько лет назад в своей гиблой коммунальной комнатухе мой несчастный товарищ Ромка Ледяев, в 33, совсем молодой... Пару абзацев назад я наступил на горло своей гордости и позвонил своей бывшей. Она удивилась. Она сказала: «Неожиданно». А я ей сказал: «Просто приезжай, если можешь». Я лежу, подобрав ноги. Две прислонившиеся друг к дружке коленки топорщат одеяло, туго натянув его от живота. Грифель карандаша скрипит по бумаге. Разбрасываю вокруг себя испещрённые каракулями листы. И жду... Я хочу увидеть её хотя бы в последний раз и попросить за всё прощения.

Меня выкинули на свалку, чтобы я тихо окочурился, никому при этом не испортив настроения. Я словно детдомовский ребёнок, от которого отказались как от надоевшей игрушки. Я взрослый мужик, а реву в подушку. Стыдоба стыдобой. Колочу в стену сведённой судорогой ногой, отравляя покой ни в чём неповинным добродушным старикам-соседям. Моя наволочка так отсырела и просолилась, что хорошо бы её поменять. Впрочем, я вряд ли заставлю себя совершить вторую попытку, чтобы на своих двоих добраться до шкафа с запасным бельём. Но хоть я и брюзжу – нет у меня в душе подлинной обиды или злости. Не чувствую я этого. Хочется уметь ценить жизнь в любых её проявлениях. Даже к своему отчаянию хочется попробовать отнестись с благодарностью. За то, что оно меня чему-то учит...

На минуту забываюсь в спасительной дрёме и вижу, как выхожу из своего деревянного домика и бреду по извилистой тропинке меж хвойных стен к большой воде. Вот маленькая пушистая королева, белочка, перебежала мне

дорогу. На удачу. Иду дальше, и в стороне, в частоколе деревьев, дятел долбит огромный столетний пенёк. Всегда думал, что дятлы – это такие миниатюрные пташки, вроде цыплят. Но сейчас передо мною не цыплёнок, а целый петух, да ещё и увеличенный в полтора раза. Огромная чёрная птица с красным хохолком, не обращающая на меня ровно никакого внимания, а, знай своё дело, мерно выбивающая щепы из трухлявого горемыки-пня. Продолжаю променаду. Хвойные великаны расступаются, и передо мною чудо голубой водной глади, чуть подёрнутой перекатывающимися морщинками. Знаю, что эта вода бывает и сурова. И на лодке тебя так отнесёт «погулять» куда подальше, что потом, возжелав вернуться обратно, двух вёсел покажется мало... Но сегодня я ловлю с берега, и вода селигерская – как колыбель. Кругом радуется глаз жизнь. Журавли, чайки, утки, стрекозы, шмели. Щука бьёт хвостом, охотясь за мальком, и окунь здесь же, наготове, и угорь притаился где-то на дне, и мясистый лещ подходит близко к берегу подкормиться после нереста. Славная идиллия. Только человек здесь лишний. Я... я... здесь лишний.

Всегда представлялось, что напишу о Городомле с натуры. Проезжая на велосипеде по цветущим аллеям посёлка «Солнечный». Гуляя по лесу в окрестностях озера Дивное. Вдыхая полной грудью вольный целебный воздух, гребя против ветра с набором удилищ навстречу дальним камышам. Провожая закаты и встречая рассветы на Майской косе... Не сложилось. А откладывать до вилами по воде написанного раза побоялся. На полке, куда не достать рукой, стоит деревянная фигурка Нила Столобенского. Гляжу на маленького Нила и улыбаюсь.

*Приедет она всё-таки или нет?
Даже если нет...
Я её люблю...
Её...
И мою Городомлю.*

Ирина Владимировна Щербина – художник, поэт, прозаик. Член Московской городской организации Союза писателей России. Является автором ряда поэтических циклов и книги рассказов «Бинокль». Награждена Дипломом «За верность идеалам добра и чести» с вручением медали А.С. Грибоедова и медалью «55 лет Московской городской организации Союза писателей России», удостоена Почётного Диплома имени А.Т. Твардовского. Член клуба профессиональных писательниц «Московитянка» при ЦДЛ, участник литературно-поэтического объединения «Складень» при Общественном Международном Фонде славянской письменности и культуры. Номинант ежегодного литературного альманаха «Поэты Москвы и России», участник проекта «Золотое перо Московии». Публикуется в сборниках избранных стихотворений «Родники Подмосковья», в альманахах «Славянские встречи», «Православная Лира», «Литературная республика», «Пушкинский бюллетень» (г. Сочи). Имеет публикации в журнале «Поэзия», газете «Московский литератор», в сборниках проекта «Библиотека современной поэзии».

Живёт в Москве.

Хрупок счастья ковчег...

***

Было то или не было?
Лучше бы и не знать...
Стрелка шальная бегала
По циферблату вспять.

Щедро соря минутами,
В окнах метался снег,
Вьюжно-седыми путами
Души сковав навек.

Ночью глухою, тёмною
Чувства опять просты.
Рамы дрожат оконные,
Чертят во тьме кресты.

И пустотою ёмкою
Веет из всех прорех.
Путь заметён позёмкою,
Как искуплённый грех.

Радостью очищения –
Зимняя канитель...
– Боже! Пошли прощение
Тем, кто ушёл в метель.

На рассвете

Рассвета бледные страницы
Ещё чисты, но вдалеке
Машины длинной вереницей
Скользят, как лодки по реке.

Одно мгновенье, и погаснут –
Вслед звёздам – брызги фонарей.
Качнётся диск тревожно-красный,
Прогонит сон:
– Скорей! Скорей!

Очнитесь, снежные просторы,
Заря звонит в колокола!
И все в округе, утру вторя,
Начнут привычные дела.

Помчится гул земного боя
Над чередой белёных крыш.
Как тих последний миг покоя!
Весь мир молчит... и ты молчишь...

***

Москва осталась там, за поворотом,
За дымкой смога, за клубами пыли.
Опять дорога... Мы почти забыли
Про птичий гам и торжество полёта.

Минувшее уходит понемногу,
Теряется в бескрайних перелесках.
Мир кажется расплывчатым, не резким...
То – весело, то – не унять тревогу.

И рвутся мысли – оголтело, нервно.
Боль неизбежна. Нежно, как ребёнку,
Мне шлёт благословение вдогонку
Тот город, что любила я безмерно.

***

Бледнолицее солнце зимы
Прячет взор свой двенадцать недель,
Погребальной холстиной холмы
Пеленает седая метель.
Вновь двенадцать апостолов – в ряд,
Чутким голубем в сердце – любовь,
И безжалостно вечер распят
На крестах телеграфных столбов.

***

Отдаю тебе, снег,
Тело, душу, лицо...
День закончит свой бег
И замкнётся кольцом.

Где-то плещет капель,
За спиной – листопад.
Сквозь глухую метель
Я бреду наугад.

И не может сказать
Декабря круговерть:
Где зыбучая гадь?
Где священная твердь?

Хрупок счастья ковчег.
Спят в мгновеньях века...
А дорога сквозь снег
Далека-далека...

***

Прикосновение к чужой душе,
Наверно, невозможно, но уже
Открыты двери тайного познания.
И целый мир стоит на рубеже,
На роковой мучительной меже,
На грани между долгом и желаньем.

***

Какая быстрая луна
 В парящих тучах.
 Двух душ незримая война,
 А может – случай.
 И не дописана глава,
 И свет ночами.
 Какие мудрые слова
 Хранит молчанье?
 Тревожных мыслей кутерьма...
 Ах нет, не троньте!
 Какие мрачные дома
 На горизонте!
 И звёзды, исчезая вновь,
 Закрыли очи.
 Какая странная любовь
 Из многоточий...

***

От мороза стёкла плакали.
 На слезящемся окне
 Ночь загадочными знаками
 Путь указывала мне.

Вся в снегу дорога дальняя.
 Где здесь запад? Где восток?
 Как судьбы проклятье тайное –
 Белой лилии цветок.

Перемен пороги зыбкие...
 Не упасть бы на ходу!
 А зима, слепя улыбкою,
 Предрекала вновь беду.

В темноте сверкала искрами,
 Обещала непокой.
 И текли узоры льдистые
 Под трепещущей рукой.

***

Ты помнишь фьорды? Берег мшистый
 Тонул в тиши.
 Изгиб дороги каменистой
 Манил:
 – Спешите!

И неумелое слиянье
 Заблудших душ
 Скрывал под млечным одеяньем
 Небесный плюш.

А на российских полустанках
 Опять зима.
 Колёсный стук, пустая склянка...
 И чья вина,

Что жизнь мелеет понемногу?
 – Молчи... молчи...
 Лишь неуёмная тревога
 Свечой в ночи.

ПОЭЗИЯ

Анатолий ПЯТОВ

АНАТОЛИЙ ПЯТОВ

Анатолий Иванович Пятов – член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии. Кавалер ордена «В.В. Маяковский» и литературно-общественной премии «Светить всегда», Золотой Есенинской медали. Лауреат премии «Золотое перо Московии», премии имени А.П. Чехова, ордена «М.Ю. Лермонтов» и литературно-общественной премии «Герой нашего времени». Автор семи сборников стихотворений.

Живёт в Москве.

«Пускай мои стихи заговорят...»

Память

Это – истинная правда, ведь то, что знаешь ты, не знает никто другой.

А как забыть слёзы седого ветерана, который исцеловал меня за книгу «Розовый снег» («Ветеран Советского Союза») или маленькую девочку шести лет, читающую стихотворение «Осень над Россией» в детском саду!

Правда – она у каждого своя. Моя – вот такая.

Маме

Я вернулся в свой дом.
Тихо вскрикнула мать:
Здравствуй, здравствуй, сынок.
Как же долго ты ехал?
Расскажи, сколько дров
Ты сумел наломать
На погибель свою
Иль врагу на утеху?
А в углу образа
Задрожали чуть-чуть.
От нежданной слезы
Затуманились веки.
Я прижался щекой
К дорогому плечу

И от грусти моей
Переполнились реки.
Я приехал к тебе
За прощеньем твоим.
Ты меня не ругай,
Дорогая, не надо.
Знаешь, мама, я зла
Никому не творил,
Оттого и горят
Мои дни листопадом.
Каждый миг суеты,
Что с судьбою торги,
Но всегда, как итог
Завершённого дела,
Только чувствую я
Отголоски пурги,
На которой печаль
От тебя прилетела.
Ты себя не терзай
И меня не кори.
Я тебя не забыл.
Ты со мною повсюду.
Моя память к тебе
Над землёю парит
И во славе моей,
И в людских пересудах.

Отцу

Старая Русса, старая Русса –
Это отсюда отец мой вернулся
С вечною памятью-пулей в ноге.
С сердцем героя, а в списках – никем.
Просто солдат, получивший раненье,
Словно подарок на свой день рожденья.
Просто калека, да мало ль их было,
Тех, кого смерть таки не долюбила.
Просто живой, испытавший разлуку
С жизнью своей, а душевные муки
Стали обычным свиданьем с войной,
С теми, кто всё ж не вернулся домой.
С ними и шёл он опять в наступленье
И доводил себя до исступленья.
Ад не кончался. Он вновь воевал.
Ужас войны ему спать не давал.

...Немец дня за два до этого боя
 Нашу пехоту увлѣк за собою
 В топи болот и хитро, и с издѣвкой.
 Там не спасѣт никакая поддѣвка.
 Всѣ так и вышло, и к ночи морозы
 Льдами сковали не только берѣзы,
 Но и солдат, что увязли в трясине,
 Словно листочки с упавшей осины.
 Немец стрелял вверх голов, а не в тело,
 Так, что бы каждый присел, онемело,
 А поутру, что шинель, то могила.
 Господи! Всех сохрани и помилуй.
 Не сохранил, но помиловал, может.
 На небесах он их душам поможет.
 К ним же на помощь спешили ребята,
 Да опоздали в дороге проклятой.
 В той рукопашной и был мой отец.
 Там и настиг его лютый свинец.
 В ней он убил одного молодого:
 Наглого, сытого, но не второго.
 Тот и поставил на подвигах точку.
 Жизнь для отца продолжалась в рассрочку.
 Тяжко болели треклятые раны –
 Горькая правда для всех ветеранов.
 Вырвала всё же февральская вьюга
 Душу его из семейного круга.
 Память о нём над землёю летит
 В песнях моих, а душа всё болит,
 А душа всё болит,
 А душа всё болит...

Чечня! Чечня?

Чечня! Чечня? И нет весомей слова
 Для русских матерей который год.
 Там сыновья, а значит, есть и повод
 Поднять бокал за тот десантный взвод.
 Политика патрона и кинжала
 Там не решают вовсе ничего.
 Война полмиллиона душ сожрала
 И столько же спалила очагов.
 Кавказ – ты был велик, велик и будешь!
 Ты мудрым был и будешь им всегда!
 Пройдут года, ты эту боль забудешь,
 Но почему должны пройти года?

Чечня! Чечня? И нет весомей слова
 Для русских матерей который год.
 Там сыновья, а значит, есть и повод
 Поднять бокал за тот десантный взвод.

Алая заря

Когда заплачет алая заря,
 А грусть расколет душу на осколки,
 Пускай мои стихи заговорят
 И, может быть, печаль твоя умолкнет.

Не стоит удивляться рифме слов,
 Что сердцу принесут воспоминанья,
 В которых жизнь одним из лучших снов
 Окажется для твоего сознанья.

Что прожито, уже не пережить –
 То славы миг или испуг позора,
 Но как приятно голову кружит
 Поэзия словесного узора,

Где краткость мысли тоненькая нить
 На память узелков таких навяжет,
 Что даже при желании забыть
 Один намѣк, обратное докажет.

Когда заплачет алая заря,
 А грусть расколет душу на осколки,
 Пускай мои стихи заговорят
 И, может быть, печаль твоя умолкнет.

***

Чья же правда больше виновата
 В том, что нету мира на земле:
 Та, что обрекла на смерть солдата
 Или та, что выжила во зле?
 Совесть, одичавшая от горя,
 Бережѣт сей битвы имена,
 Оттого, наверное, и спорят
 До сих пор людские племена.

Нет у победителя покоя,
 Как и проигравшего тот бой.
 Господи! Да что это такое?
 Мы ведь все помазаны Тобой...

Осень над Россией

Дождик к озеру уносит.
 Встал под крышу. Подождал.
 Оглянулся. Следом осень.
 Вот кого не ожидал!
 Шапка рыжая над лесом,
 Что лисица на снегу.
 Пригляделся с интересом –
 Оторваться не могу.
 Клён, что был меня красивей
 Стал во много раз старей.
 Осень, осень над Россией.
 Над Россиюшкой моей.

Сыплет снег

Сыплет снег на голову седую,
 Да куда же мне ещё сесть.
 Испытал и радость, и беду я,
 Не пришлось лишь с Богом посидеть.
 Тучи заволакивали небо.
 Сутками с небес лилась вода.
 Где я в этой жизни только не был,
 Лишь у Бога не был никогда.
 Я к нему стремлюсь на эту встречу,
 Зная, что назад дороги нет,
 Но не он ли ласково за плечи
 Не пускает в ангельский рассвет.

ПРОЗА

Анатолий УВАРОВ

Сом

Эта история произошла со мной, молодым тогда офицером, во время службы в Восточной Германии в 1956 году.

Мы плыли вдвоём с капитаном Пащенко на небольшой надувной резиновой лодочке к противоположному берегу озера Фалькензее, входившего в систему Мекленбургского поозёрья, расположенного в 70-80 километрах северо-западнее Берлина, чтобы спрятаться там в зарослях камыша и ждать возвращающихся на ночёвку с осенних прибрежных полей диких гусей. Охота на перелётных гусей и уток в октябре-ноябре была излюбленным занятием офицеров-охотников штаба 71 истребительного авиационного корпуса, дислоцировавшегося в городе Виттштоке. Каждые выходные дни председатель 231-ого охотничьего коллектива подполковник Георгий Новиков или я, как секретарь охотколлектива, готовили и подписывали у командира корпуса специальный приказ, определявший список охотников, время выезда, возвращения и порядок ведения охоты.

Мекленбургское поозёрье – это целая система озёр. Самым большим озером является Мюрицзее. Глубина его доходит до 30 метров, оно соединено протоками с другими многочисленными озёрами. По берегам озёр растут сосновые, буковые и вязовые леса, там много болот, пустошей и полей сельскохозяйственного назначения. В этой обширной зоне расположен орнитологический заповедник, где гнездуются журавли, лебеди-шипуны, скопы, орланы-белохвосты и другие птицы. Веками сюда привлекало перелётных птиц: они здесь отдыхали, кормились и набирались сил перед дальней воздушной дорогой в Средиземноморье и Африку. В водах озёр и проток водится большое количество пресноводных пород рыб: сом, щука, сазан, карась. Особенно славятся водоёмы крупными сомами и щуками: некоторые экземпляры сомов достигают 5 метров в длину и весом до 300 килограммов, а щуки до 1,5 метров и весом до 35 килограммов. Я сам однажды видел пойманную немецким

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Памятной медалью «А.П.Чехов. 1860-1904» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веги» (2011), «Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013).

Живёт в Москве.

рыбаком полутораметровую щуку, которая лежала в огромном жестяном тазу во дворе его рыбацкого дома, стоявшего на берегу протоки Мекленбургского поозёрья.

Вечер был тихим и безветренным. Над чёрно-глянцевою поверхностью воды едва заметными паутинками зарождались белёсые нити тумана. Солнце уже зашло за густые, овальные кроны растущих по берегам озера огромных вязов. Возвышаясь над водой, они заслонили собой затухавшую полосу света на западном вечернем небе и образовали глубокий котлован, в котором сейчас неотвратимо чувствовалось приближение темноты. Но света было ещё достаточно, чтобы видеть, как несколько таких же лодочек, с охотниками нашего коллектива, торопились занять укромные местечки на наиболее вероятных направлениях перелёта гусей с прибрежных полей на воду озера для ночёвки. Я сидел на носу лодочки и держал на коленях незаряженные ружья, а Пащенко, мерно взмахивая небольшими составными пластмассовыми вёселками, держал курс к заранее облюбованному нами месту. В лодке было тесно, наши ноги находились в полусогнутом положении, и сделать какое-либо быстрое движение было невозможно. Сомневаясь в успехе стрельбы по гусям с такой зыбкой позиции, я тайком ругал себя, что не остался на берегу. Пащенко же, словно угадав мои мысли, поучительно сказал:

– Приедем на место, сидеть в лодке будем спиной друг к другу. И чтобы резко не двигаться! – а то можно «сыграть» к рыбам. Стрелять будем только каждый в своём направлении. Такое заявление ещё больше усилило моё сомнение в успехе предстоящей охоты.

Незаметно выплыли на середину озера. Облокотившись на мягкий борт лодочки, я спокойно смотрел на ровную, покрывавшуюся туманом воду и любовался причудливо вырисовывающимися на фоне затухающего неба вершинами вязов, которые застыли в молчании, охраняя торжественную тишину засыпавшего озера. Вдруг, слева, метрах в тридцати от нас, моё внимание привлёк какой-то тёмный предмет, медленно показавшийся из воды. Пробыв две-три секунды на поверхности озера, предмет исчез. Я подумал, что это одиночное плавучее бревно, но в 4–5 метрах от того места, где это «бревно» было раньше, предмет появился снова.

«Сом!» – мелькнуло в моём сознании, и я сразу вспомнил, что сомы любят гулять в вечернее и ночное время и поднимаются из глубин на поверхность подышать кислородом. Рука невольно метнулась к патронташу, находившемуся у меня на животе. Нащупав быстрым, привычным движением патроны, я вложил их в патронник своего «Зимсона» и прицелился в то место, где только что был сом. Пащенко, не понимая в чём дело, перестал грести и удивлённо вертел головой, стараясь увидеть, по кому же я собираюсь стрелять.

– Чего встрепенулся? – недоверчиво произнёс Пащенко, но не грёб, а продолжал смотреть то на меня, то в сторону, куда я целился, и едва заметным движением весла развернул и удерживал лодку в удобном для стрельбы положении.

– Тише... сом... держи так... – процедил я сквозь зубы, и только проговорил это – снова увидел показавшуюся из воды огромную чёрную голову сома. Два хлётких выстрела, один за другим, разорвали тишину дремавшего озера. Над головой сома с бурлящим шипеньем взметнулись и прошлись пенящейся полосой два бурунчика от дроби. Не дожидаясь результата выстрелов, я торопливо перезарядил ружьё и снова был готов к повторной стрельбе.

– Помирать поплыл, – язвительно-спокойно, всё в том же недоверчивом тоне, проговорил Пащенко и начал было грести. Но в это время, на том месте, куда я только что стрелял, из воды взметнулось упругое, полусогнутое тело огромной рыбы. Тёмно-синее зеркало озера вдруг пришло в движение. Вода забурлила под могучими ударами саблеобразного хвоста, который, извиваясь, беспорядочно хлестал и бил по воде. Я снова выстрелил дуплетом в бушующий клубок воды. Сом ещё сильнее забился в судорожных движениях, вздымая волны, которые уже дошли до нас и раскачивали нашу маленькую лодочку. Иногда упругое тело сома высоко взлетало вверх и гулко шлёпалось обратно в воду, поднимая густой сноп водяных брызг. Пащенко, наконец-то понявший, в чём дело и моментально войдя в охотничий азарт, изо всех сил работая вёслами и стараясь подплыть ближе к сому.

– Стреляй, стреляй ещё! – кричал Пащенко.

И когда лодка приблизилась к месту агонии сома на расстояние десяти-двенадцати метров, третий дуплет прогремел так же торопливо, как и два первых. На секунду голова сома задержалась над водой, потом, тяжело осев вниз, скрылась в озёрной пучине. Томительное время ожидания казалось нам вечным. Мы жадно всматривались в центр расходившихся кругом волн и с нескрываемой надеждой ждали появления рыбы. Прошло около двух минут, вода успокоилась, на её поверхности отчётливо были видны расплывшиеся пятна крови. Наша охотничья страсть поубавилась, и мы стали безнадежно сознавать, что сом ушёл, как вдруг из воды, тихо и незаметно, почти рядом с нами, показалось пепельно-серое брюхо трёхметрового сома.

– Ура! – закричали мы с Пащенко в один голос.

Подплыв вплотную к сому, Пащенко ткнул веслом плавно колыхавшуюся тушу, она чуть углубилась в воду, потом снова всплыла. Сом был мёртв.

– Вот так зверюга! Швартуй его к лодке! – с торжествующей радостью воскликнул Пащенко. В глазах у него блеснул тот задорный, весёлый огонёк, какой бывает у охотника, когда в руках у него находится только что добытый им желанный охотничий трофей. Я ухватил сома за жабру, притянул к лодке, проткнул ножом его верхнюю, упругую губу, продёрнул в рану кожаную гусиную удавку и стал удерживать её в своих руках. Ранее недоступный хозяин озёрных глубин был наш...

Между тем, темнота над озером сгущалась. Над водой уже клубилась довольно густая молочная пелена тумана. Берега и лес превратились в сумрачную, малоразличимую, иссиня-чёрную массу. Где-то в стороне послышались слабые, приглушённые расстоянием, крики подлетающих косяков гусей. Пащенко налёг на вёсла, и лодка бесшумно направилась к берегу, увлекая за собой длинное и скользкое тело сома. Его огромная чёрная голова была покрыта мхом, а торпедообразное тело оказалось длиннее на треть нашей двухметровой лодочки. Такого сома-гиганта я видел в первый раз. Сознание того, что он стал моим охотничьим трофеем, возбуждало во мне чувство неподдельной радости и гордости.

В разных местах озера начали раздаваться первые выстрелы охотников по гусям. Гуси шли, в основном, с фрейнштайнских полей. Выбранное Пащенко место для охоты на гусей оказалось не на «главном направлении». Подхлётнутые выстрелами расположившихся вдоль юго-западного берега охотников, гуси взмывали вверх и проходили над нами на недосягаемой высоте. Некоторые косяки гусей, не попав под выстрелы, с хода, пикируя, садились на воду на самой середине озера, там, где мы только что были с сомом. Было

ясно, в охоте на гусей нам с Пащенко на этот раз не повезло. Но ничто, в том числе и неудачно выбранное охотничье место, ни часто слышимые выстрелы других охотников – уже не могло вызвать в нас, как бывало в таких случаях раньше, ни зависти, ни тем более досады. Мы твёрдо знали, что трёхметровый гигант – сом, пришвартованный к нашей лодке, будет самым лучшим охотничьим трофеем дня и вызовет немало приятных удивлений, суждений и взволнованных восклицаний наших товарищей – охотников.

Март

По календарю март – месяц весенний.

Я люблю, когда природа становится светлее, веселее и добрее. Но доброта её, порой, бывает только с виду и обманчивой: иногда март весенний так закрутит, что позавидует ему январь морозный, да ахнет от удивления февраль – сосед заиндевелый. Недаром говорят, что «март коровий рог сшибает».

Ещё бы: окрепла, накопила силушку за долгие три месяца румяная зима-красавица, теперь резвится вволюшку.

Да пусть её резвится, всё это ненадолго: последние шумят метели, слабеют с каждым днём морозы...

Дыхание другой красавицы всё ближе и заметнее, и не справиться обречённой зимушке с соперницей своею – лучезарною весною!

Тихий дождь

Идёт тихий дождь...

Хорошо в это время открыть окно и слушать шорох кленовых листьев под дождевыми струями и монотонную капель на подоконнике.

Эти звуки увлекают меня: они уводят от повседневной заботы, растворяют в себе мою напряжённую житейскую действительность, зовут помечтать и прислушаться к малознакомому миру.

Мысли сливаются воедино с ласкающим шумом дождя, вторят ему. Мне кажется, что я общаюсь и разговариваю с каким-то неведомым существом, пришедшем из другого мира, делюсь с ним своими чувствами: радостью, сомнениями, переживаниями, а существо это, в свою очередь, что-то говорит мне, и мы хотим понять друг друга...

Сиреневое спасибо

В июле 2010 года в Москве не было ни прохлады, ни облачка, ни тучки, ни малейшей дождевой или росинки – только гарь от горящих на востоке Московской области торфяников.

Всё замерло и изнывало под палящими лучами неистового июльского солнца. Дорожный и тротуарный асфальт пылал жаром, до него нельзя было дотронуться, он был мягким и прогибался.

Деревья и кустарники стояли неподвижными, покрылись серой пылью, сникли, выглядели угрюмыми, притихшими, сиротливыми.

Вокруг – нестерпимое печло и гарь: людей от них сморило, все попрятались в тень, обливаясь потом, тяжело дышали...

Возле дома, где я живу, растёт сирень. Каждый вечер, после работы, я поливал её водой из резинового шланга, подключённого к кухонному крану квартиры.

Ветки сирени, под напором водяной струи, то наклонялись, то выпрямлялись и блестели радостным серебристо-глянцевым светом.

В это время мне казалось, что сирень своими поклонами выражает мне благодарность и говорит «сиреневое спасибо».

Зеркала природы

Зеркала есть не только у людей, они есть и у природы.

Вот, например, маленькая лужица, оставшаяся после дождя. Над ней свисают зелёные косы белоствольной красавицы берёзки, лужица отражает их – это зеркальце берёзки, она любит себя в ней собой. Вот тихое высокогорное озеро, вокруг него и над ним – голубое небо с белоснежными вершинами гор. С изумительной чёткостью и полнотой отражает озеро их величие и красоту – это зеркало гор, они любят себя в нём собой. Гигантскими зеркалами природы являются безбрежные просторы морей и океанов, в них отражаются лебединные вереницы облаков, золотые зори восходов и заходов солнца, величественный и таинственный блеск луны и мириад звёзд – это зеркала необъятных просторов вселенной, она любит себя в них собой. Вода – зеркало природы.

ПОЭЗИЯ

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА

Галина Васильевна Черноголовина – член Союза писателей России, автор книг для детей, повестей и романов о жизни тружеников целинных земель, исторических произведений, поэт, публицист. Родилась 15 марта 1929 г. в с. Знаменское Омской области. Отец, Василий Петрович Черноголовин – доктор сельскохозяйственных наук, мать, Мария Евгеньевна – учительница. В 1950 году после окончания Хабаровского пединститута вместе с мужем, также учителем, была направлена в Новокуровскую среднюю школу, где работала сначала учительницей, затем директором школы. Автор цикла лирических стихов «Венок для Княгини», поэтической хроники «Княгиня Северной Весны», изданной Московским Гуманитарным Институтом имени Е.Р. Дашковой в 2003 г.

Живёт в Протвино.

К 270-летию со дня рождения княгини Е.Р. Дашковой (1743-1910)

Княгиня Северной Весны

Клеветникам княгини

...Прощайте, простите моим клеветникам, пожалейте или презирайте их вместе со мной.

Из письма Е. Р. Дашковой ирландской подруге Кэтрин Гамильтон. 1785 г.

Чужая слава – нам на сплетни право.

Новелла Матвеева. Сonetы к Дашковой. Санкт-Петербург. 1998 г.

И откуда берётесь такие,
Злобным ядом напитаны впрок?
Всё, что дорого сердцу России,
То вам горла встаёт поперёк.

Ваш расчёт хладнокровен и точен:
Если славен герой и любим,
В нём побольше найти червоточин,
Не найдётся – придумать самим.

Продаётся солидная книга:
На обложке княгиня – мечта!
Но открой – и обрушатся мигом
Подтасовки, цинизм, клевета.

Препараторский кожаный фартук –
Вижу автора, как наяву:
На помосте кромсает с азартом
Он княгинину душу живу.

Гонит пасквили жёлтая пресса,
Оседлал интернет дашкофоб,
В «телеящике» поп-поэтесса
Лжи табун выпускает в галоп...

В вакханалии бешеной этой,
Где ни правды, ни совести нет,
Пляшут сплетен и слухов скелеты,
Коим двести и более лет.

Сотни лет вы уже выливали
На княгиню взведённую грязь,
Сотни раз вы её убивали,
Сотни раз хоронили, глумясь...

Но при всех роковых переменах
Воскресает она вновь и вновь,
Потому что вовеки нетленны
Светлый УМ и к ОТЧИЗНЕ ЛЮБОВЬ!

В старом храме

Я по шатким мосткам перейду эту тёмную речку,
По росистой тропе на пологий тот холм подымусь,
В бедном храме старинном затеплю Спасителю свечку,
За детей и за внуков Всевышнему я помолюсь.

Из окошек под куполом хлынут полдневные блики,
И подымутся ввысь благовонного дыма столбы,
И проступят на сводах кощунственно стёртые лики,
Как свидетели грозной, трагической храма судьбы.

Ты прости мне, Господь, суесловие, скверну гордыни,
Пепелит мою душу отчаянья позднего ад...
И тогда подойдёт, станет рядом неслышно Княгиня,
Опочившая здесь вот уж скоро два века назад...

– Значит, всё же пришла, – она скажет мне грустно и строго, –
Вы, такие, всё чаще тревожите душу мою.
И прошу я за вас и молю милосердного Бога,
Чтоб простил, может быть, на последнем на страшном краю.

На безвинной крови понастроили замков воздушных,
 На родные святыни пошли оголтелой войной,
 Ослеплённые злом, превращали вы храмы в конюшни,
 Как и сей, возведённый на веки грядущие мной.
 Но в метаньях и муках Россию Господь не покинет.
 И прозреют слепцы, и услышать заставят глухих...
 Помни – верой одной... – в светлом дыме исчезнет Княгиня,
 И седой иерей недостойной отпустит грехи.

Подмывает вода тальниковые заросли – кущи,
 Непрерывна в веках эта тёмная струй круговерть...
 Ах, как шатки мостки! Но дорогу осилит идущий,
 И с надеждой гляжу на высокую синюю твердь.

Предстательница муз

*А ты, имея ум пространный,
 Чувствительность и тонкий вкус,
 Предстательница здешних муз,
 Свершай тобою путь избранный.*

Я. Княжнин, 1783 г.

В мир пришла под звон капели,
 Ей от самой колыбели
 Снились песенные сны.
 И врывались с ветром вешним
 Звуки музыки нездешней,
 Неразгаданной весны...

Рядом в жизни – детский лепет
 И мечтания, и трепет
 Чистой девичьей любви,
 А в звучанье клавесина
 Всё слышней напев России,
 Что с рождения в крови.

И в салонах чужестранных
 Восхитительно и странно
 Льётся нежный голосок.
 Потрясён седой философ:
 Как в стране суровых россов
 Мог возрасти такой цветок!

Свыше жребий был намечен,
 Чтоб взяла она на плечи
 Не по-женски тяжкий груз,
 В звёздный час необычайный

Поверяли Музы тайны
 Ей, ПРЕДСТАТЕЛЬНИЦЕ МУЗ!
 Вьётся снег дороги дальней,
 Хмуры дни в глуши опальной,
 Ночи зимние длинные.
 А в душе неодолимо
 Воскресают звуки гимна,
 Веры пламенной полны.

Несравненные мгновенья,
 В тайну чувств проникновенье
 Унесла она с собой?
 Нет, витают где-то звуки,
 Что творили эти руки
 Слитно с сердцем и судьбой!

Прозвенят опять капели,
 Стихнут буйные метели,
 Станут дали вновь ясны.
 После нас придут другие,
 Но останется княгиня
 В светлой музыке весны.

Быль

*Vita brevis, ars longa –
 Жизнь коротка, искусство вечно (лат.).*

Продышала в окошечке иней,
 Мчит карета по снежному хрусту:
 Пospешает молодая княгиня
 Прикоснуться к шедеврам искусства.

С любопытством взирают германцы:
 Сразу видно, что знатная дама...
 А её озадачил вдруг Данциг:
 Два полотнища в новеньких рамах.

Безымянный какой-то художник –
 И плодятся такие на свете! –
 Разразился бессовестной ложью
 О недавней войне Семилетней.

На стенах постоялой квартиры –
 Как душе это вынести русской!
 Победённые в наших мундирах
 На коленях пред воинством прусским...

На российских, видать, постояльцев
И рассчитаны были картины,
Ну а как же поверженный Пальциг?
Ну а как же ключи от Берлина?!

И находит княгинюшка выход:
Слуг за краской бегом отправляет
И без сна, вдохновенно и лихо,
На мундирах цвета исправляет.

Ай, княгинюшка! Сделано чисто,
Это сколько же выдумки надо,
Чтоб, покорные яростной кисти,
Пруссаки запросили пощады...

Было в жизни потом не до шуток,
Но с улыбкою – и не однажды –
Вспоминала про эти минуты
Торжества над кичливостью вражьей.

И к сему добавляла княгиня:
«Жизнь мгновенна – Отечество вечно»,
Изречение древней латыни
На свой лад переделав беспечно.

Начертают грядущие годы
Продолжение были старинной:
Так истории будет угодно,
Чтоб нам снова дойти до Берлина.

Но до этого с силой несметной
Насмерть биться под самой Москвою,
На Оке и на Волге заветной,
Над кипящей от крови Протвою.

Спит княгинюшка в Троицком милом,
Ныне пухом у ней в изголовье
Та ж земля, что и в братских могилах,
И в окопах лесов Подмосковья.

На холме, пред огнём негасимым,
В день весенний Великой Победы,
Собираются внуки и деды
Вспомнить павших героев России.

Внуки слушают дедов преданья,
Ветеранов невиданной битвы,
И звучат при свечей трепетанье
Наших предков святыя молитвы.

Светлым чувством сердца омывая,
Отзываются в Храме заречном,
В беспредельную высь уплывают...
Жизнь мгновенна – Отечество вечно!

Скупая

Бабье солнечное лето,
Травы в лёгкой паутине.
Едут брички и кареты –
Нынче гости у княгини.

И улыбкой ясной грея,
Их хозяйка привечает
И в саду, в оранжерее
Всех плодами угощает.

А по выходу оттуда
Молвит: «Господа и дамы!
Кирпичей вот этих груды
Перенести бы надо к храму.

По цепочке, друг за другом,
Перед ужином полезно...»
И судачит вся округа
О причуднице железной:

«В чём уж только не скупится,
Запрягает всех в работу...
Ну, потешится столица
Над готовым анекдотом!»

...Вот и снова бабье лето...
Третий век уж храму ныне,
Возведённые княгиней,
Стены солнцем разогреты.

Все уходим, раньше-позже,
И не надо делать драму,
Только каждый пусть положит
Хоть кирпичик в Зданье Храма.

Баллада о графе

Со смертью Павла Михайловича (сына Е.Р. Дашковой) род Дашковых пресекался. Екатерина Романовна добивается высочайшего соизволения на то, чтобы её двоюродный племянник Иван Илларионович принял двойную фамилию Воронцов-Дашков, сохранив свой графский титул, и назначает его наследником Троицкого.

Почти два века спустя, в начале девяностых годов прошлого столетия, отдалённый потомок первого Воронцова-Дашкова побывал в Троицком.

Историю эту поведать в обычной манере как?
Но где подыскать мне высоких словесных гонцов?
На родину предков из дальней богатой Америки
В связи с перестройкой приехал к нам граф Воронцов.

Умела княгиня во мраке уныния тяжкого
Провидческий взор устремить на два века вперёд,
И в древо одно проросли Воронцовы и Дашковы,
Прославив делами и графский, и княжеский род.

Министры, фельдмаршалы – гордые, честные жизни,
Хотя бы сегодня их вспомни, Россия, добром...
И верой, и правдой любимой служили Отчизне,
Не грянул пока Революции яростный гром.

Приехал он к нам эрудитом-профессором,
Страны своей кровной влюблённый по книгам знаток,
И в Храм на холме потянулась наутро процессия,
И каждый начальник учтив быть старался, как мог:

«Могила княгини? Простите, порушена...
Хранились запчасти, потом семена...
Да, пахнет, пожалуй, чуть-чуть и конюшнею,
Такие, вы знаете, были у нас времена...»

Но мы заверяем вас: будет здесь всё восстановлено...»
Пока ж в грубых ящиках свечи горели в песке,
И стёртые лики святых проступали сквозь пень нестройное,
И граф цепенел в безысходной тяжёлой тоске.

Хватало за сердце дыхание стужи промозглое...
О, как вы наивны, о встрече с Отчизной мечты!
И в Храме просторном ему не достало вдруг воздуха,
И вышел, и сел он на кромку могильной плиты.

Заморский потомок российской когорты прославленной,
Сидел он и плакал в бессилии горьком своём,
Плыл в замети мартовской Храм обезглавленный,
И с криком азартным носилось над ним вороньё.

Вы, чёрные вётылы, ровесницы войн и разрухи,
Скажите, за что на страдания отдана эта земля?
Но крючились ветви, как стариковские руки,
И к небу вздымались, беззвучно о чём-то моля...

Поднялся он резко, порыву мгновенному следуя,
И грозно взмахнул пред смущённым начальством рукой:
«Что вы натворили? Нет, больше сюда никогда не приеду я!»
А в Храме звучало: «Прости... Упокой...»

...Зовёт новый колокол на Светлую службу Пасхальную,
Ликуя, возносится к небу: «Смертию смерть поправ!»
Что ж мыслью опять улетаю в Америку дальнюю,
И видится снова разгневанный плачущий граф?..

С засилием бездны сражается воинство горнее,
Опять прорастает заглохшего поля зерно:
Из тысяч, миллионов историй творится ИСТОРИЯ,
Но Промысл Божий постичь никому не дано.

Сверкает Америка светом победно-неоновым,
Ей мнится Россия в опасно-таинственной мгле,
И всё же мы ждём Вас, родной Александр Ларионович,
На многострадальной, на Дашковской грешной земле!

Музейные сны

Е.Н. Фирсовой посвящается

В Государственном Историческом музее на выставке к 260-летию со дня рождения Е.Р. Дашковой, был представлен медный лист с эпитафией, сорванный с надгробья княгини во время разорения Храма Святой Живоначальной Троицы. Лишь спустя годы лист был обнаружен учительницей Марией Сергеевной Кузиной и её учениками на крестьянском подворье, где служил крышкой для казана, в котором варился корм для животных.

Вхожу под своды, благоговей:
Века и годы величьем веют.
Мир златотканый и мир кисейный
В тиши стеклянной, во снах музейных.

Где я? Подлунное сместилось время,
Княгиня юная вспорхнула в стремя,
Две амазонки – Екатерины...
Ах, как всё звонко и как картинно!

Но тлен уж точит, желтит страницы,
Где властный почерк Императрицы...
Ревнивой яростью и мезтью тёмной
Грозит сподвижнице неуёмной...

Словарь – награда за жизни подвиг,
Как щит от яда наветов подлых,
В нём всё, что в жизни ей перепало:
ЛЮБОВЬ, ОТЧИЗНА, СКОРБЬ и ОПАЛА...

А чуть поодаль – зелёно-медный
Тот лист с надгробья княгини бедной...
Даны ли злости пределы в мире?
Где были гвозди – зияют дыры!

О, кто пел гимны грядущим гуннам?
На печке дымной казан чугунный,
Закупоросилась крышка медная...
Прости им, Господи: творят – не ведают...

Но тех, неистовых в «работе адовой»,
В котёл нечистый спровадить надо бы!

Блеснула молния – и мрак, и пепел
Взамен безмолвного великолепья.
Взорвалось громом стекло витринное,
Лишь метрономом – стук гильотины...

Век Просвещенья, век сумасбродный,
Не ты ль со мщеньем скрестил свободу?
Молчат портреты и смотрят сироты...
За что себе-то ты мстишь, Россия?

Сон был иль не был? Я дома снова,
Под мудрым небом родства лесного.
Здесь сосны медные на вольном ветре
Хранят наследие тысячелетий...

Но что за росчерк суровой чернью
На алом шёлке зари вечерней?
Кем он оставлен? Кому на память?
А ввысь уходят лучи столпами,
Как будто отблеск скрижали медной,
Неугасимой и заповедной.

Наш язык

Воплотил ты Отечества лик
И бессмертные строки Поэта,
Наш великий, наш русский язык,
О тебе ещё песня не спета.

Ты доносишь к нам отзвуки битв,
Незабвенные предков напевы,
Ты звучание древних молитв,
Ты живое, растущее древо!

Всё в тебе: детский смех поутру
И бездонное небо над нами,
Колыхание трав на ветру
И Победы заветное знамя.

Как же нужно тебя нам беречь
От губительных плевел, юродства,
Да хранит наша русская речь
Честь, достоинство и благородство!

Как постичь необъятную даль
В океане твоём бесконечном?
Ограничен предел человеческий,
Но за Дашковой следует Даль!

Великая и Малая

...И.И. Шувалов, самый низкий и самый подлый из людей, говорят, написал Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина перевернула правление этой Империи, выведите, пожалуйста, из заблуждения этого великого писателя.

Из письма Екатерины II 2 августа (старого стиля) 1762 г.

...На основании решения от 1 сентября 1993 г. Международного Астрономического союза малая планета, зарегистрированная в Международном каталоге под № 4524, получила имя Dashkova в честь Екатерины Романовны Дашковой.

Из официального свидетельства Российской Академии наук.

– ...Эта сумасбродная юница
Разделить со мной дерзнула славу!
Пишет разъярённая царица
Польскому аманту Станиславу.

– ...Mon ami, к Европе Вы поближе –
Толк идёт в салонах импозантных –
Так уж вы в Берлине и в Париже
Развенчайте эту самозванку.

Вдруг, того гляди, возьмут на веру,
Что горячка впрямь чего-то стоит.
Главное – разубедить Вольтера,
А уж дома всё сама устрою...

Жанна Д'Арк, отважная княгиня,
Полуженщина, полуребёнок,
Ты ещё не знаешь, что отныне
Лёд паркетный будет слишком тонок.

И покуда вы с Великой рядом,
Неуютно будет ей на троне,
Потому что под безгрешным взглядом
Проступают пятна на короне.

Под завесой милости притворной,
В мстительных уколах подвизаясь,
Взрастила преданную свору:
Клевету, злорадство, сплетни, зависть...

Всё проходит в мире многоликом,
И тысячелетье поменялось,
И давно на свете нет Великой,
Но живучей свора оказалась.

Как и встарь, одна у ней забота:
Домыслы кривые и косые,
Впрочем, есть и новенькое что-то:
Бьют по Дашковой, а целятся в Россию...

Но над мутной пеной злоязычья –
Так, в итоге, Время рассудило –
В ореоле скромного величья
Малая всё выше восходила.

И в чертогах солнечного света,
В королевском сонме звёздных мантий,
Засияла Малюю Планетой...
– Эй, внизу! Попробуйте, достаньте!

***

Где поросла полынью арка
Ворот, ведущих в никуда,
В провале призрачного парка
Восходит вечная звезда.

На глыбы каменных развалин
Легла холодная роса,
Мерцает свет незримых спален,
Слышны, – и нет их, – голоса...

Ищу у прошлого ответа,
Глухими тропами брожу,
Ловлю случайные приметы,
Пылинкой каждой дорожу.

Забвеньё всё не уничтожит,
И пусть веков меж нами даль,
Но почему меня тревожит
Её любовь, её печаль?

И вижу я, как в дымке синей,
Развеив сумрачные сны,
Проходит юная Княгиня,
Княгиня Северной весны.

1993–2012, Троицкое-Протвино

Автор сердечно благодарит И.Б. Карпову, заведующую информационно-библиографическим отделом Центральной библиотеки им. Е.Р. Дашковой города Протвино за помощь в подборе исторического материала.

Сон в зимнюю ночь

Наблюдение

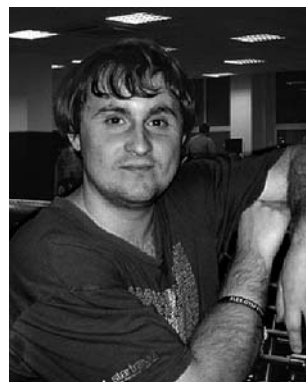
Монотонное проживание на земле гомо сапиенсы разнообразят различными способами. Главное – занятие должно приносить удовольствие, не оставляя рутине серых будней шанса растворить духовную монаду.

Проще говоря, чтобы реальность не наскучила, и дни не превращались в тусклое скопление безвкусного воздуха, активные люди подсознательно стремятся заполнить окружающее пространство впечатлениями. Они с переменным успехом пробуют себя в разных сферах деятельности: ходят в спортивные секции, «дабы не одряхлеть совсем», в экстремальные походы, на акулю рыбалку, в тайгу – кормить комаров и тигров. Любое движение мысли или мышц сулит прогресс бытию – так считают романтики.

Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не вешалось, – парируют циники, предпочитающие увлекательным впечатлениям приятные ощущения. Они играют в крутые компьютерные игры, требующие недешёвого графического оборудования, просматривают красочные фильмы – фэнтези, где рыцари размахивают магическими мечами, вытаскивая из плена всяких там девушек. Иные развлекаются по-старинке – читают книги, отлёживая бока, напрягая зрение, искривляя позвоночник.

В среднем, компромиссном варианте, все мы, слушая музыку, посещая какие-то мероприятия, мечтаем, общаемся, становясь друг для друга позитивными или негативными раздражителями, полезными или вредными – зависит от дозы и дистанции общения.

Но есть и такие, кто в ситуации душевного распада и лени не померно разросшегося тела ничего не делают, уповая на произвольную перемену существования, на помощь друзей и знакомых. Если ожидаемого поворота событий не происходит, – они ставят на себе крест,

Виктор Витальевич Власов – родился в 1987 г., окончил Московский Институт Иностранных Языков (Омский филиал). Участник редколлегии современного журнала независимой литературы «Вольный лист». Член Союза Писателей XXI век. Председатель правления омского отделения Всемирной Корпорации Писателей. В настоящее время работает в школе преподавателем английского языка. Автор восьми книг прозы.

Живёт в Омске

и становится хуже. Апатичность да бесцветность мира отравляют их бытие навсегда.

Не всякому дана выносливость переть по жизни, высунув язык, не каждому доступен кайф от мелких радостей. Но если хочется «такого-такого»... что делать человеку, которого уже напрягает общество, но ещё не разложившемуся морально и не разросшемуся телесами, точно гибридный вид, а просто ленивому? Такому как мне? Поспать...

Глава 1

Суровое сибирское утро

Голос мамы, добрый и тихий по жизни, сквозь сон слышался противно и глубоко, словно исходил из недр Марианской впадины:

– Витя, пора вставать.

От резкого электрического света, ужалившего сквозь приоткрытые веки, я напряжённо зажмурился, вдавил голову в подушку. Мама не выключала свет, не уходила из комнаты – задалась целью разбудить в семь утра единственного сына.

– Опоздаешь в институт, – её голос смягчился.

– Отстань, уйди! – я поразился, как чуждо прозвучал мой собственный голос.

Она наклонилась, стянула одеяло, и холод обуял меня вместе с гневом, я вздрогнул. Волей-неволей, поднялся, пошёл в душевую. Из красного крана горячая вода пошла не сразу.

– Бли-ин, на фиг! – бросил я, отскочив. Надо было матери соврать, что мне ко второй или к третьей паре.

Позже, сидя за столом и тупо глядя на гречку с жирной сарделькой, припоминал, какие пары сегодня ждут и какое домашнее задание к ним требовалось.

– Отец два часа назад пошёл на работу, а ты дрыхнешь, как сурок! – улыбнулась мама. Я всегда удивлялся способности отца вставать мгновенно, «как штык». Щёлк – и к бою готов. Так говаривал дед, ветеран войны, а я сравнил бы с роботом...

На улице очень холодно, градусов сорок, не меньше. Голубовато-серыми буграми в палисаднике лежал снег; из сугробов безжизненными острыми клешнями торчали голые ветки кустарника, деревья поднимались кривыми метёлками к бледно-фиолетовому, как раствор марганца, небу. Подъездная дорога вдоль палисадника моего дома пятнистая из-за утечек масла у снующих день и ночь автомобилей. С тёмно-коричневыми и лиловыми разводами застывшей грязи, она ныряла между огромных труб, упакованных в задубевшую рыжую монтажную пену, огибала коллектор теплотрассы, из которого валили облака белоснежного пара; там всю зиму, как фрицы в доте, жили бомжи. Земля у теплотрассы – цвета сожжённой резины, словно впрямь тут гремели бои; в дни потеплее здесь грелись несколько бездомных кошек – куда они девались в самые холода, непонятно. Во дворе между турниками на верёвке, выставляя, болталась белая замёрзшая футболка, от мороза превратившаяся в пластмассовую ледянку. Оставленная тут со вчерашнего дня хозяйкой, она подыгрывала скрипом окостеневшему, словно хвост гремучей змеи, шуршащему воздуху. Толстый снеговик с окоченевшей морковкой

вместо носа, облитый водой, застыл и превратился в сосульку. Брызги воды попали на крашеное резиновое колесо от К-700, потрескавшееся от времени и облюбованное ребячьей под лавочку для вечерних шумных посиделок. Своре этих пакостников принадлежали кучи кожур от семечек и следы на снегу вокруг снежной горки, разваленной пинками. Снова наша старшая по дому отправится в поход по квартирам, чтобы найти разрушителей и заставить их восстановить детский городок. В очередной раз пропал металлический мини-аттракцион: на месте детских качелей торчала из снега отрезанная кусачками проволока. Знакомый бомж, припарковав тележку с огромным капроновым мешком, сколоченную умелыми руками, подобрал «улики» – банки из-под пива. Медленно толкнув свой «грузовик», он покотился к теплотрассе, вопрошающе оглядывая невыспавшихся прохожих. Кто-нибудь замечал, что человек в семь-восемь утра, в лютый мороз, не похож сам на себя? Каждая клетка организма, сжимаясь, сохраняет тепло, и потому в такую минуту люди кажутся инопланетянами. Белый пар струями выходит из покрасневших носов, а щеки румяные, словно тесто слоёного печенья.

Я шёл, не торопясь, размеренными шагами, не хотел поскользнуться, как в прошлый раз – ботинки у меня скорее осенние, не зимние. Слабое мяуканье царапнуло сердце и заставило меня взглядом пошарить по земле. Крохотный чёрный котёнок с горящими глазками дрожал и жался к трубе теплотрассы. Мы глядели друг на друга. Я не мог взять его домой – Барсик будет страшно недоволен. Вытащив из сумки бутерброд, я лишил его толстых кусков колбасы и сыра. Котёнок облизнулся, продолжал дрожать и глядеть преданными глазами. Взяв кроху в руки, я нашёл отверстие подвала в кирпичном доме, где тепло. Засунул туда котёнка, колбасу да сыр. На миг я точно прозрел, обрадовался тому, что сделал кое-что хорошее – уберёт пушистое создание от голода.

Сзади раздался короткий громкий сигнал – водителю наскучило тянуться за мной и моими минорными мыслями.

– Козёл! – ринулся на обочину я.

На остановке – толпа раздражённого народа. Встречая и провожая бело-серые и чёрные маршрутки, люди топтались на месте, словно стадо баранов перед закрытыми воротами. Среди их сутулых, широких и покатых плеч показалось маленькое треугольное лицо, обтянутое сеткой длинных морщин; на голове выбивалась из-под шапки засаленная копна крашенных бледно-жёлтых волос. Тулуп сидел на женщине неловко, словно вывернутый наизнанку.

– Я внештатная сотрудница мэра, кожу, смотрю, чтобы порядок соблюдали. Бывают, занимаются незаконной продажей несертифицированных продуктов у магазина. За аренду площади надо платить.

– Тебя знаю... больная, – отмахнулся один, прижав к себе сумку. – Вали отсюда!

– Как смеете? Милиция!.. Помогите, – приковыляла она к знакомому мне таксисту, Илюхе, который, махнув рукой, поздоровался со мной.

– Ненормальная, иди в баню, пока монтировкой не огрел!

– Ты импотент, не мужчина, раз так отзываешься о женщине... обо мне.

– А-а, притворяешься больной, да? Подойди, – Илюха расстегнул ширинку. – Залазь и щупай!

Сумасшедшая, не дожидаясь зелёного сигнала светофора, побежала через дорогу к стационарной милицейской будке. Ей невдомёк, что зимой «сторожка» пуста. Она, впрочем, всегда пуста, когда вам, бывает, нужен страж

порядка – те чаще появляются, чтоб уличить вас в превышении предела самообороны и оставлении хулигана и грабителя в беспомощном состоянии, угрожающем его здоровью.

В углу остановки, «карманном местечке»* таксистов, свои выгоняли двоих чужих. Залётные, держа оборону, стращали связями с криминальными кругами. Но местные таксисты тоже не вчера родились. В гневе, они походили на псов, у которых отбирали сахарную кость – подумал я, забывая о том, что работяги кормят семьи, им конкуренты-бомбилы не нужны. Парни уехали.

Поверх мигающих поворотниками легковушек уныло смотрели глухими окнами частные дома. Струи дыма из труб и кирпичных дымоходов стекались в пепельное вонючее облако, и оно напоминало гигантскую многоногую инфузорию, монстра-душителя.

Токоприёмники троллейбуса сошли с проводов; большой железный таракан встал, шевеля усами, за ним образовалась пробка. Оранжевая женщина, выпрыгнувшая из кабины, залезла на крышу.

Нужная мне маршрутка стояла на светофоре, готовилась вильнуть к толпящемуся народу. Все торопятся, всем нужно уехать! Адреналин взбодрил кровь, разогрел мышцы, отогнал собачий холод. И это называется «Посёлок Южный»! Что тогда делается на улицах «Северных»?..

«Триста девятнадцатая» издала протяжный сигнал – толпа настолько заполонила остановку, что вылилась и на дорогу.

– Стоя не берём! – крикнул водитель.

– Что вы делаете, женщина? – возмутился мужик; его подтолкнула старуха, которую в свою очередь пихал я. – Как звери! Красные наступают, что ли? – у водилы ещё оставались нервы на юмор.

Попытка проехать стоя была принята в штыки.

– Не поеду, выходите! – отказался водитель. – Пятьсот рублей у меня не лишние, а вы штраф платить не станете.

– Опаздываю, командир, – парень с «дипломатом» искажился в лице.

– Нет.

– Сволочь! – хлопнул дверью в ответ «отверженный».

Водитель – тёртый калач, на хамство не ответил. «Тяжела и неказиста жизнь маршрутного таксиста» – вспомнил я читанное на чьём-то грязном борту.

Музыка в маршрутке стала чуть тише, яркий свет резко очертил досыпающих людей. Довольный удачей, я оглядел счастливо расслабившихся пассажиров, заметил девушку, которая, наверняка, тоже не выпалась, но узнала меня, каждое утро пробивавшегося в маршрутку сквозь толпу. Её глаза, большие и шальные, украдкой пробежали по мне и скользнули за окно. Девушка сняла чёрные кожаные перчатки, нетерпеливыми руками раскрыла сумочку. Белые, как сливочный крем, продолговатые пальцы достали мобильный телефон. Ангельское, обрамлённое волнистыми локонами лицо оживилось: мечтательная улыбка, очаровательные ямочки в уголках пухлых, слегка крашенных красноватых губ. Белые цветы на коричневых блестящих ногтях легко сплясали по клавиатуре. Сжав телефон в руке, она сидела, не шелохнувшись. Прошло несколько секунд, – и никакого ответа. Губы её дрогнули, она раздражённо забросила телефон в звонкое содержимое сумочки. Несколько

* На сленге таксистов означало постоянное место для ожидания клиентов.

минут сидела смиренно, затем поёжилась, и снова её пальцы забрались в сумочку, достали блокнот. Острый взгляд опустился на строчки, аккуратный носик задёргался точно у хорька, едва слышно втянув воздух.

Я любовался ею в третий, а то и в четвёртый раз. Уходя в мысли, засматривался на неё, медленно переводя взгляд сверху вниз и снизу вверх. Куртка наверняка скрывала стройное тело с довольно большой грудью, сильно натянувшей серебристую молнию замка. Линия бедра, подчёркнутая красной полосой на брюках... фигура привлекательная, ладная, словно у спортсменки по фитнесу. Сапоги длинные, лакированные, на высоком каблуке, голяшки завязаны крупным бантиком кожаными шнурками.

«Столько раз встречаемся, и не могу познакомиться! – подумал я раздосадованно, быстро отведя глаза, чтобы ускользнуть от кроткого таинственного взгляда девушки. – У неё волосок с чёлки на реснице мешает глазам. Неужели не чувствует?»

Моя предприимчивая сторона подталкивала на подвиг:

«Наклонись, да скажи ей чего повеселей, не грузись!»

А малодушная словно держала в тисках рассудок и тело:

«Я толстый! Зачем красивой девушке парень, который бекает-мекает, как прыщавый школьник? Наверняка она подумает, что я навязчивый, глупый и скучный... Может, я просто ЛОХ?!»

Так бился я меж двух стихий, упуская шанс познакомиться с девушкой.

Мой институт из-за отказа в аренде переехал в район Старо-загородной рощи. От «Южного» туда шли немногие маршрутки, а ездить с пересадкой, выходило накладно – поэтому почти каждое утро я опаздывал на учёбу.

В это утро мне повезло – Маргарита Афанасьевна, мой нелюбимый учитель аналитического чтения, сама опаздывала на занятие.

После пяти пар хотелось спать, но по расписанию шла тренировка.

Под вечер мне сделалось дурно, а к ночи поднялась температура и морозило. Продуло, промёрз, простыл. Я проклинал сибирскую зиму и Сибирь вообще. Не моя земля, думал, принимая с маминой руки аспирин и малиновый сироп. Вот бы сейчас слетать на юг и понежиться на солнце! Болезни как рукой смахнуло бы. Тяжело вздохнув, я забрался под одеяло, а мама сверху вдобавок укрыла тёплым пледом:

– Завтра на улице потеплеет. К утру всё пройдёт. Спи, мальчик мой.

Неизвестно, от лекарства, или от материнской любви, но через некоторое время я почувствовал, как температура спала. Было легко, и сон сладко манил в свои объятия. Надежда на лучший день – без хвори, серости и мрачных мыслей, – загорелась со звёздами на лиловом небе, принесла успокоение в душу. Наверное, подумал я, простуда так быстро отступила потому, что мама меня очень любит.

Глава 2 Вторая жизнь

Перед глазами, словно на повышенной скорости кто-то прогоняет яркую киноленту, пролетает целая жизнь. Чужая жизнь! Я не узнаю родной город – здесь всё не так. В этой жизни я, молодой учёный – программист-конструктор. У меня интересная и важная тема. Несколько лет я пишу обучающие

программы для аппаратов, обслуживающих инвалидов... то есть, извините, людей с ограниченными физическими возможностями. Наш отраслевой НИИ Технического Машиностроения когда-то в стародавние времена создавался как бюро по автоматизации, внедрению робототехники и отладки конвейерных линий. Меня, молодого специалиста, назначили в проект, в успех которого никто не верил – сидя на голом окладе, я принимал участие в опытном производстве механических игрушек, имитирующих поведение животных. Ну, как японцы... почти. Штучные игрушки, даже для богатых фирм – дорогое удовольствие.

В отделе мы занялись миниатюризацией электронных схем и подстройкой киберинформации к управляющим импульсам мозга. В коридорах и в столовке замелькали люди в белых халатах не нашего кроя – медички, нейрорфизиологи. Это дело было новое, неопробованное, «старые кадры» только похлопывали нас по плечу да иронично улыбались, проводя параллели с первыми ракетчиками, ГИРДом – «группой инженеров, работающих даром». Сравнение лестное, но потянем ли мы?

Никто не верил, да, а мы, пораскинув мозгами, обкури с медициной кой-какие идеи, изготовили-таки препарат... Я не должен рассказывать детали, даже намекать не вправе – подписку давал о неразглашении – может быть, вам покажется неправдоподобным... да и хорошо.

Очередная, уже традиционная «Выставка вооружений и военной техники». НИИТМ тоже презентовал несколько своих разработок. Наш отдел приготовил сюрприз – дроида, неотличимого от живого существа. Собственно говоря, произошло тихое ЧП. Наш дроид... сбежал от Анжелки, молодой симпатичной блондинки – сотрудницы ТВК Континент, и, пока она ела «Валемидин», истерично рыдая в медкабинете, он неопознанный болтался под ногами посетителей выставки, которые только молча косились на средних размеров чёрную кошку. Чёрт, в общем, и на самом деле был кошкой – только дохлой; моя опытная микросистема поддерживала в теле животного жизненные функции и принимала решения, имитируя поведение. Самое смешное, мы и не ожидали такого качества адаптации от системы Чёрта – в отделе он ни разу не показал ничего столь же совершенного. Тканевый гомеостаз в норме, рефлекс в норме, простейшие команды более-менее исполняются. Игрушка, словом: всё понимает, только не говорит. А тут – кошка-кошкой! Высочайшая имитация. Поймал его секьюрити замминистра, которому Чёрт прилюдно нагадил на башмак. И как угадал?

Скандал утрясли, а я запатентовал изобретение – микросистему ОКС-Био... Потом мне позвонил одноклассник, сообщил, что мною интересовался сам г-н Юхан Винкстрём, и предложил переехать в столицу. Я, разумеется, не отказался – работать в «Анимал Системз» значило быть на пике современной науки и технологии – это престижно и интересно. Теперь пишу подстроечные, по сути фрикерские, программы для обучения распознающих блоков искусственно выращенных организмов.

Широкая презентация нашей продукции устраивалась впервые. Дело в том, что депутаты городской Управы облажались в прогнозах и спешно секвестрировали бюджет. На академические разработки, соответственно, денег не дали. А процесс запущен, нужны ингредиенты, дефицитные, недешёвые... Зарубежные партнёры раскошелились на аренду зала на Красной Пресне и этажа в гостинице Украина.

Большой зал был полон людьми, часть из которых мотается по всему миру

с саммита на форум, с форума на международный салон, оттуда на дефиле, фестиваль или карнавал – и так по кругу. Вторая половина – тихие и незаметные фигуры, чьё мнение всегда компетентное и решающее. Иностранцы профессора заинтересованно переговаривались вполголоса, крупные бизнесмены молча ожидали, что перед ними появится нечто, способное дать им бесконечное счастье в виде барыша. Всех сопровождали старые крашенные жёны или юные голубоглазые секретарши. Мой шеф, Юхан Винкстрём, хитро и таинственно улыбался, наблюдая, как в кулуарах гостей обслуживают и лёгким флиртом развлекают стройные красавицы в дизайнерской униформе с эмблемой ASY.

В тихом ропоте ожидания различалось не менее пяти языков. Мужчина в халате с бейджем, полным лицом с голубыми глазами, походивший на моего отца, оставшегося в Омске, – Джек Маккол. Он профессор одного из университетов Америки. Протянув несколько строк из гимна корпорации ASY, он гордо взял край занавески и, не торопясь, явил гостям ЭТО. Игроков в покер в зале не оказалось. Выражение на лицах стало умиленным, ахали на разных языках, восторженно тянули гласные. Как замороженные, серьёзные взрослые, даже старые, люди входили в экстаз, глаза горели азартным огнём. Каждый желал говорить с Юханом, увидеть учёных, каким будет уготована работа над... *идеальной женщиной*, но не синтетической и холодной, а живой и тёплой.

Узрев большой, в человеческий рост, аквариум – «капсулу жизни», гости благоговели, бормоча невразумительное – то, что понималось с трудом. Что там говорить, даже я и мой японский друг Норимура, некоторым образом связанные с этим процессом, не могли отвести взгляда от красивой девушки, спящей в капсуле; мои руки невольно тёрли одна другую, шарили в карманах белого халата. Внутри закрытой светофильтром и обёрнутой в тёмную полиэтиленовую оболочку «капсулы», точно замаринованный в маслянистом растворе, едва заметно покачивался силуэт андроида. Цепочки пузырей, бурля, тянулись из кольца форсунок в никелированном основании, играли с длинными волосами, волнами разбрасывая их по плечам и груди искусственного тела.

– Все мы, дамы и господа, мечтаем об идеальном партнёре. Я говорю о партнёре не только по бизнесу! – улыбнулся Джек в сторону раззявивших рты «денежных мешков». – А теперь! – нащупав пульт в кармане пиджака, он сменил фоновую экспозицию. Волосы девушки медленно сползли на стройное тело. – Проект «Идеал» к вашим услугам!

Многоязыкий ропот слился в один протяжный вздох, и вот, вперёд шагнул пухлый араб в клетчатой «арафатке», с лицом, напоминавшим дублёрную кожу. Правой рукой он прикоснулся к тёплой капсуле и несколько секунд оглаживал колбу аквариума, схватившись левой рукой за край своей ослепительно белой мешковатой одежды. Олигарх из пустыни от волнения забыл вступительную речь, и его помощник тихо подсказал. Вопрошающе протянув волосатые руки, Фарух Насри проговорил длинную фразу, смысл которой переводчик пересказал по-английски. Юхан Винкстрём молчал, испытующе глядя арабу в глаза, тот стоял, скрестив руки; пальцы унизаны перстнями с крупными бриллиантами и рубинами.

– Если не ошибаюсь, – ответил Алексей, тот самый одноклассник, на мой вопросительный взгляд, – он запал на пупсика и хочет эту... сделать любимой

наташкой.

– Впечатляет!.. – только и произнёс я. – И почему это у «южных человек» все белые женщины – Наташки?

– Фиг поймёт! По-ихнему «натака» – говорить. Это по-латыни «наталья» – м-м-м... рождающая. Гарем – это типа «пашня» или «нива», в Коране написано...

– Вот обломается! – добавил он.

Эмоциональная речь, произнесённая Фарухом с переводом по-английски, без труда понималась как предложение о дальнейшем эксклюзивном финансировании проекта. Разногласия возникли мгновенно: не один араб заправлял большими венчурными фондами, нашлись и другие, жаждущие вложиться в проект.

– У него наверняка полно наложниц, – предположил я, рассматривая панель управления системы жизнеобеспечения и ЖК-монитор, являвший кардиограмму спокойного пульса девушки-андроида в режиме сна.

Джек Маккол, услышав это, усмехнулся, и, коснувшись пальцем ямки под правым ухом, словно нажимал невидимую кнопку, пояснил такой свой жест... и я вздрогнул, смысл потряс меня! «Человек, не рождённый из чрева матери, мог быть человеком только внешне, это и привлекало богачей!» Им настолько приелись земные существа...

***

Царила праздничная атмосфера: гости со своими супругами и секретаршами разошлись по Экспоцентру, благополучно забыв и устроителей презентации, и «гвоздь программы». Девицы из ASY снова без промедления приступили к своим «динамическим» обязанностям, соблазняя раскошелиться на пожертвования в пользу бездомных поросят.

Несколько невзрачных фигур окружили капсулу – продолговатую прозрачную стеклянную ёмкость, расположенную горизонтально. Они разглядывали содержимое с нескрываемым интересом.

– Г-н Винкстрём, – строгая дама в сером, с причёской каре и глазами навыкат пожевала дёснами, – неужели так необходимо представлять образец в обнажённом виде? Весь прогрессивный мир стремится освободиться от предрассудков, и никого уже не раздражает появление людей обоёго пола в общественных местах в стиле «ню». Но не кажется ли вам, что представлять искусственного раба в облике женского тела – недопустимый сексизм и мужской шовинизм!?

– Уважаемая э-э... Люциферия Христофаговна, – встрял немолодой худощавый очкарик в твидовом пиджаке.

– Люция Христофановна, – сварливо одёрнула его дама. – Попрошу не ёрничать, мсье Габриелян!

– Господа, не ссорьтесь, будем корректны! – призвал шеф. – Ваша размова на симпозиуме в Хельсинки... Извините.

Джек Маккол приступил к объяснениям, благо, аудитория осталась понятливой.

Медленно обойдя вокруг капсулы, всяк выражал изумление согласно национальным особенностям. Некоторые раскрыли рты, округлив глаза, другие морщились, будто проглотили противную микстуру: на шее и вдоль позвоночника девушки, на руках, на чуть согнутых коленях – с наборами

миниатюрных канюль, доставляющих организму питание, и тончайших золотых электродов, крепились большие пластины; назначение всей этой арматуры сейчас со слов Джека излагали на нескольких языках переводчики. Большинство присутствующих экспертов отпускали скептические реплики.

Уловив суть возражений, Алексей пояснил и мне, и я, вытянув губы, кивнул с видом знатока. «Недостаточна культура производства» – это фактор, способный влёт сшибить любую смелую новаторскую идею.

Пластины служили временным интерфейсом сложного генератора, вызывающего специализацию стволовых клеток «зародышевой нити» – исходной биотехнической цепочки – и дальнейший ускоренный рост. Внешние импульсы способствовали крайне быстрому обмену веществ: синтетическое существо росло не по дням, а по часам. Этому образцу было месяцев семь, а выглядел он как пятнадцатилетняя девушка. Сложная технология, разработанная одним из японских профессоров, который с достоинством принимал поздравления. Правда, не все так высоко ценили вклад учёного Востока. Джек, постучав указкой по стеклу капсулы, ткнул её именно в те места, где крепились хромированные пластины. Упомянув фамилию профессора, исковеркал имя и добавил, что тот немного поспособствовал в конструировании генератора. Профессор встrepенулcя, как воробей, вперив полный возмущения взгляд в американца. Джек, виновато улыбнувшись, не извинился.

Эксперты и деловые господа, осмотрев и выслушав всё, что мы имели им предложить, отправились в номера гостиницы «Украина». Шеф с присными также переместились туда, чтобы порешать вопросы подписания контрактов. А мы – Алексей, Норимура и я, остались разбирать экспозицию.

– Слушайте! Мы их больше не увидим, – тихо произнёс Норимура. – Проект переходит к другой группе.

– Кому? – быстро спросил Алексей.

– Как? – побледнел я. Казалось, мир, теряя цвет, безнадежно рушился.

– Сасаки-сэмпай уверен, что араб увезёт их. С арабом прибыл знакомый ему ихтиолог-генетик. Они задумали модифицировать образцы.

Образцов было несколько. Я не знал, сколько – допуска в отделение доращивания не имел. Но, судя по вариантам собственного задания, не меньше трёх. Я выпросил фото у шефа – для вдохновения, так сказать. Приятно ведь трудиться над абстракциями, если представляешь, для кого твои труды предназначаются. Я подозревал, что хитрый Юхан подсунул мне фотку собственной дочери. Впрочем, даже обмануться был рад – девчонка миленькая, даже красавица. Над программой её обучения я трудился охотнее всего... И только тут, в момент презентации, когда Джон сорвал покровы тайны, я узнал ЕЁ...

Они... пропадут... их изуродуют, отрастят плавники и жабры, от неё, лупоглазой, с мелкими острыми зубами, станет вонять тинной и тухлыми ракушками – исчезнет из мироздания единственная понравившаяся мне девушка, – чистая, тёплая, нежная, – а с ней перестану жить и я.

Перспективка! Снова окунусь в неинтересную реальность: стану пропадать за созданием примитивных программ для бестолковых игрушек. Суцим ужасом для меня была бы потеря тайной любви, открывавшей во мне запас тепла и терпения ради лучшей жизни, бытия без мрака порой докучавших перед сном мыслей.

А вернулся домой опустошённый. Копаясь в себе и рассматривая с балкона маленькие фигурки людей, спящих по Новому Арбату, не мог понять

ту странную силу притяжения, подействовавшую на меня. Неужели фраза Джона Маккола относится и ко мне самому? Неужели я тоже пресыщенный извращенец, мечтающий о женщине-роботе оттого, что боюсь трудностей отношений с женщиной настоящей? И не потому ли я стал программистом – так выражается моя трусость. Я хочу контролировать чужие мысли. Я опасюсь, что та, с кем мне придётся связать судьбу, не оценит меня как мужчину – не сможет или не захочет меня понять, не станет делать для меня то, что я пожелаю, и начнёт манипулировать мной. Появятся тягостные подозрения, что она, таща меня в брак после первого поцелуя, намеревалась использовать меня и выбросить. А я, распалённый непривычными желаниями, знал, и с совестью шёл на компромисс – я соглашался быть её рабом ради крошек со стола её жизненного пиршества. И с этим уже ничего не поделаешь, кроме возможности научиться лгать... себе.

На исходе дня, изголодавшийся желудком и уставший от душевного самоедства, я одиноко сидел за столом. Поглощая торт маленькими кусочками, перелистывал толстую кипу иностранных научных журналов. Буквы расплывались. Перестав обращать на них внимание, я нашёл фоторепортаж исследования некоего профессора А. Эми, связанного с клонированием высших приматов.

Опыты, похожие на вскрытие в морге заживо, наводили жуть. Я в прошлом не касался физиологических аспектов нашей работы – этим занимались медики – препарировали, вживляли, чего-то там лечили-налаживали... Моя запатентованная микросистема была теоретической находкой.

Картинки Москвы, винтажно уложенные под стеклом на столешнице, поплыли, сливаясь мутными пятнами. В голове не укладывались приёмы, использованные подручными профессора-людоведа.

– Неужели и мы в «Анимал системз» творим такое с неудачными образцами? – ужаснулся я. – И теперь какой-нибудь потный волосатый Саид-бай-оглы вскрыет позвоночник моей нежно любимой красавицы ржавым лазерным скальпелем, чтобы переделать в вонючую рыбу?

Они не «образцы» – живые люди, а их превратили в подопытных кроликов!

С небывалым отвращением я почувствовал тошнотворный комок в горле.

***

Страх улетучился, лишь я миновал охранника. Пропуск подделан – нарыл в базе бланков АСУ похожий, и офототошил по памяти, чтобы выглядело как вчерашний, полученный для сопровождения «образца». Юхан теперь уволит ответственную секретаршу... или собственноручно утопит, если она не сумеет превратиться в рыбу.

Внутри помещения ангара царила приятная прохлада – кондиционер едва шуршал, настроенный на мягкий режим. Полумрак, пронизанный тусклым вечерним светом, создавал атмосферу таинственности. Слышалось ритмичное пиканье вразной панели управления. Капсул для доращивания было шесть – в два ряда, между ними проход прямо от двери.

Ноги привели меня к длинному шнуру, уходящему в потолок. Недоверчиво поглядев на дверь, я, подбадривая себя верой в правое дело, нагнулся и отсоединил кабель антенны.

– Идиот! – обругал я сам себя. – Влюблённая тетеря!

Внезапно меня осенило предположение, от которого руки затряслись,

страх вернулся: сигнал, оповещающий о неполадках системы, о непредвиденном изменении статуса образцов внутри капсул, мог быть закодирован на контрольные отметки, периодичности которых я не знал.

Я нервно сглотнул комок в горле и шагнул вперёд. Действовать нужно по-мужски – быстро, решительно, грубо. Я робот-варвар – опустошитель! Но, как назло, дыхание стало неровным, сбивчивым, выступил холодный пот, сдавило виски. Пройдя между капсул и облокотившись о холодный пластик панели, едва не упёршись носом в толстое стекло, я разглядел в мутной суспензии силуэт той девушки, что мучила разум во сне, не давала покоя днём. Колотило дрожью, ноги и руки не слушались, в голове царил пустота, перед глазами туман. Очки запотели? Спину лизнул обжигающий холод – крайне неприятно жить, когда родился трусом!

Таинственный естественный свет внутри капсулы обнаружил движение тёмного силуэта. Образец не спал! Неясным осторожным привидением искусственное существо качнулось в мою сторону, приблизилось настолько, что моментально вспыхнувший лазурный блеск двух глаз-топазов ослепил меня. Огромные глаза пристально взирали мне в лицо, казалось, изучали с бесконечным интересом. Я понимал, что отступить поздно. В начале драки трус вроде меня всегда ощущает кратковременный истерически неистовый прилив сил. С таким ощущением я никогда не мог справиться, и вот это накатило на меня – в ответственный миг борьбы за любовь мои ноги снова подкосились. Я сдавленно закричал, падая и скользя, задел кнопки. Основание капсулы треснуло, выпустив с шипением какой-то газ – звякнув о стеклянный корпус никелированными втулками, отскочили пневматические замки. Капсула покачнулась, выпала из основы. Дрогнув на высоте полутора метров, колба лопнула, выстрелив маслянистой водой, крупные толстостенные обломки с грохотом рухнули на пол. Всхлипывая, изгибаясь нагим телом, девушка упала на порог тревожно зазвеневшей панели. Иглы и канюли, понатыканные в тело девушки, по моей вине утратившей состояние блаженного барометрического равновесия, врезались глубже, разрывая и ранив. Издав крик, тут же перешедший в плач, она отдирала пластины, полные золотых иглолок, судорожно вытаскивала из себя катетеры. Кровь брызнула тонкими струями, окропив монитор и никелированное основание капсулы.

Я не великий умелец в оказании медпомощи, – так, кое-в чём разбираюсь, – но в тот момент меня это даже не беспокоило. Залижем, заклеим, залечим потом – главное бежать! Грохот был такой, что вот-вот сюда примчится вся охрана.

Кровь моя неистово билась о стенки сосудов, будоража сознание. Кровь струилась на пол из ран моей освобождённой, нет, «новорождённой» любви!.. Её тут немеренно! – стиснув зубы, прикинул я. Вспоминая названия сильных противовоспалительных и бодрящих препаратов, я торопливо снял со стены аптечку. Открыл, провёл пальцем по иностранным названиям. Слава Богу и неутраченному навыку чтения иноземных букв, что их произношение совпадало с теми названиями! «Никтоферол», «Ксозин», «Тригермол»... мощнейший транквиль... они что же, нарочно тут держат химическое оружие, придурки? – хмыкнул я. – Или кто-то, имеющий доступ, тоже?.. Джек?.. Не важно!.. Она не погибнет, нет, она – моя!

Всосав нужную ампулу в пистолет-шприц Калашникова, я «стрельнул» в подключичную впадину девушки. В шею, как в кино, не рискнул – вспомнил, в отечественной медицине это запрещено. Она перестала трястись, обмякла, дыхание восстановилось.

На удивление долго не реагировала охрана, наверное, поблизости никто не маячил. Это прибавило мне смелости – я присел рядом с девушкой, приподнял ей голову и энергично растёр затылок и лоб, стимулируя кровоснабжение мозга. Она вздрогнула, охвативший шок, казалось, нагревал тело. Лоб и щёки её запылали огнём. Мою ладонь даже обожгло, затем температура стремительно восстановилась, и девушка меня увидела.

– I am...I am...What's happened? – глаза неистово горели, словно два светло-синих драгоценных камня. Их мерцающая тревожная глубина требовала ответа. Маленькие ноздри подрагивали, медленно, будто бы с опаской втягивая воздух. Я растерялся. Она в принципе не должна ещё разговаривать! А тут – грамотное построение фраз, чистое произношение... Как? Кто??? Не ища ответа, я кивнул, а она, моргнув, отрешённо проговорила:

– What...was that? It hurts...*

Я, сглотнул, метнув недоверчивый взгляд на дверь ангара. Стимулятор, казалось, насытил кровь не ей, а мне. Зарядив в пистолет большую ампулу транквилизатора, я положил палец девушке на губы, прислушался. Громко плакала лишь одна панель.

– Answer me, please ***! – болезненно прошептала она, приподнявшись.

Гулкие шаги снаружи не сулили ничего кроме головной боли. Я быстро встал у двери. Охранник, держа половину пирожка, заглянул внутрь:

– Что случилось?.. Вы...

Я, вытащив из-за спины пистолет-шприц, вколол бедняге импортный транквилизатор мгновенного действия. Дитина, не успев ахнуть, свалился тут же у порога и погрузился в глубокий долгий счастливый сон, отогнать который вряд ли мог даже нашатырный спирт.

Девушка неловко села, прислонившись плечом к панели своей родной взломанной капсулы, непонимающим взглядом окинула помещение, утонувшее в полумраке. Проведя босой ногой по скользкому полу, попыталась подняться, но, стиснув зубы, только всплакнула. Боль возвращалась, и силы покидали тело. Всё-таки у неё нечеловеческий метаболизм.

Я понял, разнообразные сюрпризы неминуемы. Выудив из гардеробной рабочий халат, я вернулся. Без сознания она лежала на полу. С трудом приподняв и надев на неё чистый халат, я подхватил девушку на руки. Ноша оказалась мне лёгкой и холодной, точно снежинка.

Я беспрепятственно вынес её за территорию на улицу, побежал на стоянку, где заметил машину с чёрно-жёлтыми шашечками. Люди останавливались, бросали на меня изумлённые взгляды.

– Несчастный случай! – повторял я срывающимся голосом.

– Куда едем, к Склифосовскому или сразу в ЗАГС? – спросил догадливый таксист; голос был смутно знакомый.

***

Словно джигит, умыкнувший невесту, не дожидаясь лифта, с ношей на руках взбежал я по лестнице, прыгая через ступеньки. Руки онемели, но адреналин жёг кровь, а кровь давила виски. У двери в квартиру мне пришлось повозиться с замком, но я победил – пинком распахнув створку, втиснулся,

* Я...Я... Что произошло?

** Что...это было? Больно...

***Ответь мне, пожалуйста!

наконец, в своё логово. Обессилив и свалившись на диван вместе с ней, я пролежал без движения некоторое время. Пелена безумия медленно сходила с глаз, и теперь тревога неотвязчиво отдавалась в груди.

Я не верил себе, не признавал свой поступок целесообразным. Невольно обронив несколько бессвязных фраз, сел у стены. Как я мог решиться на столь необдуманный поступок? Беззаконие! Крах всей моей жизни, такой устроенной, такой успешной... Охранник меня видел, сейчас меня ищут. Придут сюда – знают, где я живу...

Сомнения навевались в голову снова и снова до тех пор, пока я не услышал тяжёлый вздох, который будто застрял в лёгких девушки и кашлем вырвался наружу. Свесив голову и руки, она повернулась удобнее, волна всё ещё влажных тёмных волос упала на щёку.

Девушка пришла в сознание, и по тому, как она поджала дрожащие руки под намокший халат, я понял, что её морозило. Пришла пора действовать разумно! Без слов я накрыл её одеялом, достал из шкафа кое-какую свою одежду – водолазку, шерстяной свитер и тёплое трико, вязаные толстые носки. Вещи выложил перед девушкой на тумбочку и деликатно удалился в кухню готовить горячий напиток. Несколько минут хватило, чтобы она переоделась, и, по знакомому характерному скрипу дивана, я понял, что девушка вновь спряталась под одеялом.

***

Are you ok? – спросила она дрожащим шёпотом, отставив пустой бокал на тумбочку.

Огромные печально-взволнованные глаза излучали лихорадочный блеск. Она то и дело прищуривалась и вздрагивала, замирала, будто прислушиваясь к стуку собственного сердца. Отирая слёзы, облизывала пересохшие губы.

– Ты порядок? – Остренький носик придал ей сходство с любопытным хорьком.

Я вскинул брови. Человеческая радость в груди от того, что моя любимая сама проявила интерес и заговорила со мной, смешалась с удивлением учёного. Первая осмысленная фраза её, обращённая ко мне, по идее должна быть иной. Я же программист, у меня профессиональная логика. На мой лоб заползли морщины, но лицо просияло. Девушка недоумённо взглядела в меня, пытаясь отыскать в своих файлах объяснение такой эмоции.

– Твоими журналы русский, я так узнать – показала она, истолковав мою гримасу как недоумение. – Русский я уметь мало – учи не хотеть, – она улыбнулась. – Джулис меня имя.

– Виктор... Витя! – радостно ответил я. – Можешь по-английски, я понимаю.

– Do you live here? – спросила она, оглядывая мою холостяцкую однушку. – Твой жильё такой, мусорный? Я потом всё тут убирать, я уставать очень.

Она подтянула коленки к груди, свернувшись в клубок, плотнее укуталась одеялом. А я, подложив под её голову подушку, не осмеливался будить.

«Почему нас не искали? А вдруг я убил охранника... передоз, там, или аллергия? – мучительно гадал я. Чёрт! Что же я натворил, влюблённый кретин! Надо собраться... иначе с ума сойду. Буду считать, что никто не умер – просто на меня не думают, мне ведь нечего делать в зоне доразвивания образцов! Так

же точно могут подозревать и Алексея, и Норимуру... этого в первую голову – у японцев, как я понимаю, свои тёрки с Джеком. Наверняка в лаборатории уже шуруют криминалисты из ФСБ, кровь охранника промоют, вены ему прокапают... Часа два у меня, похоже, есть форы».

Через некоторое время я почувствовал – нам пора собираться, спать совсем не следовало. Я занервничал. Когда же она очухается-то? Будить девушку не хотелось. Чтобы отвлечься, я в уме подсчитал заработок за период работы на Юхана – на карточке должна скопиться приличная сумма. Блин! А если карта заблокирована! Повышенная нервозность как всегда растравила у меня неуёмный жор и погнала к холодильнику. Подкрепившись остатками торта, я подождал ещё немного. Поёрзал на стуле рядом со спящей Джулис, заглянул ей в лицо. Она срубилась основательно и, похоже, надолго – в мёртвый сон, тяжёлую пелену которого ничем не удастся снять. Вот когда я пожалел, что не держу дома мощной стимулирующей химии! Не кофе же ей вливать в ухо! Смех!

Время реально поджимало, с каждой минутой на душе становилось тревожней. С остервенением я продолжал сжимать в руках телефон и готов был задушить его – дабы тот ни в коем случае не зазвенел, высветив нежелательные имена.

– Джулис... – погладил я девушку по щеке, тёплой, точно розовый мрамор. Потрогал холодный нос... когда мой Барсик болел, то нос у него был тёплый, почти горячий... успокоился. – Джу...

Она будто кошка фыркнула, недовольно поёжившись. Не открывая глаз, показала маленькие клыки. Я, сглотнув, предпринял другую попытку – пощекотал шею. Джулис что-то пробормотав в ответ, всё-таки открыла глаза.

– Вставай! Мы опоздаем! – прошептал я. – Отдохнёшь потом. Поспишь хоть десять часов.

– What's wrong, Vitya? Calm down* ...

Я проявил настойчивость и сам удивился, как девушка послушалась.

– Спина больно, – пожаловалась она, повернулась на живот, подняла кофту. – Что такое?

Я ужаснулся количеству красных точек, оставшихся после длинных иголок. Молчал, подыскивая нужные слова.

– Ничего страшного, – ответил я неуверенно. – Бывало и похуже.

– Ок... Завтра Эндру взять я на «Грифон»**, – медленно и осторожно, чтобы не растревожить боль, Джулис, держась за мою руку, поднялась. – Мы ехать к ним?

– Конечно, – улыбнулся я, погрузнев.

Вот так. Уму непостижимо, как можно было объяснить, что она являлась заложницей виртуального мира? Я, значит, писал алгоритмы параллельного мышления, корпел над характерами, а кто-то другой программировал им реальность, чтобы спали и видели всякое «про жизнь»... Кроме Джека некому... А теперь, когда тот араб начнёт кромсать им геном, что девчонки увидят в кошмарных снах, превращаясь в русалок? Жуть какая!

– Ты английский говорить можешь?

Я покачал головой:

* Что не так, Витя? Успокойся...

** Парк аттракционов в городе Вильямсбург.

– Учился в институте иностранных языков – давно, – и на стажировку ездил в США, а теперь подзабыл.

– У-ум, – раздосадовано протянула она, потупившись. – Я не понимаю, почему я учить русский язык... заставил Эндрю... Столько падежей, окончаний тоже много. Не удержать их в голове.

– Солнце моё, – подумал я, – это тебе ещё финский не преподавали... там не семь, а тринадцать падежей...

Девушка, слабая, точно пробившийся сквозь старый асфальт весенний росток, всё ещё дрожала. Поморщилась, выказав пренебрежение к пельменям в сметане. Чем кормят андроидов, я понятия не имел. Аппетит не вернулся, заключил я, отыскивая номер телефона службы такси в справочнике.

– Есть у тебя такие – красные... смотри?... – бледными тонкими пальцами она пыталась изобразить что-то похожее на бублик. – Они не варёные и не жареные. Салат с ними не сделать – фигуру толстый, некрасивый. Понимаешь?

– Примерно. В буфете покажешь – я куплю. Поторопимся! Можем попасть в пробку: много машин и медленно ехать!..

– Rush-hour!*

– Точно.

Я оглядел её целиком. Смущённо пропустив взглядом большую грудь, прикинул возможные варианты одежды. Она выглядела вялой, точно варёный стебель спаржи, норовила упасть на диван и проспять ещё долгое время. Силы восстанавливались медленно и неохотно, спина, наверное, продолжала ныть, и голова держалась на шее слабо, падала на плечо, отчего ей пришлось вцепиться пятернёй в волосы на затылке. Сведя плечи назад, и выгнув поясницу, она дёрнулась, будто кто её укусил.

– Внутри – не понимаю, – пожаловалась она, сдвинув густые чёрные брови.

Ощущение было такое, что каждое движение давалось ей с трудом. Естественно, её реальностью до сих пор был герметичный покой и контролируемый мир воображения. А теперь, принимая непривычные физические нагрузки нелогичного и грубого реального мира, девушка испытывала дискомфорт. Подняв дерзкий, выпирающий точно полумесяц, подбородок, она неуверенно прошла до окна. На улице темно, и разглядеть ничего, кроме огней фонарных столбов и освещённых окон напротив, не удавалось.

– Погаси... бра!

Я выключил светильник, и Джулис, вытянув шею, ударила лбом о стекло.

– Ауч! – потёрла она лоб и резко повернулась. Волна очень длинных вьющихся волос прикрывала лицо наполовину. На фоне широкого окна, в ореоле лунного света темнела её изящная фигура. – Там не Америка.

– Москва. Россия, – пояснил я, изумившись, с какой гордостью произнёс два простых слова. – Мы летим в Америку. На Гавайи. Для начала одежду подыщем тебе. Согрелась? Ну... тепло тебе?

Грея одну ступню о щиколотку другой, она переминалась с ноги на ногу.

– Лучше, но внутри не очень, и спина – тоже, – Джулис включила свет, быстро подошла ко мне. На круглых щеках появился здоровый румянец. – Покупка... люблю шоппинг, – глаза, в которых сочеталось множество цветов,

попыхнули азартными искорками, отразив радугу сливающихся оттенков.

Хлопая ресницами, она загадочно смотрела на меня. Что-то во взгляде Джулис меня напугало. Сквозь палитру сияющих влажных радужек, сквозь чёрные расширенные в сумраке зрачки на меня изучающе воззрилось нечто магическое, зародившееся в ней давно, и отвести глаза оказалось непросто.

Скрыв необъяснимый, кольнувший душу испуг, я присел на одно колено, уткнулся в справочник. Джулис, тяжело вздохнув, легла на диван, свесила голову на плечико, молчала. Просто молчала и глядела на меня, но я чувствовал на себе пристальный взгляд. Что происходит с женской душой, когда так смотрят? Не хотелось верить, что это всего лишь аппаратная подстройка портов моей любимой... Непонятно почему пробило мелкой дрожью, и в руках возникло напряжение, будто некая сила, взломавшая мой геном, пыталась управлять на уровне клеток. Так, наверное, разогревается еда в микроволновке. Так, быть может, чувствует себя и растущий, изменяющийся образец-андроид – они тоже летают во снах?

Невольно избегая заинтересованного взгляда Джулис, я нашёл единственное рациональное объяснение – перетерпел сегодня чересчур, перенервничал. Выдаст себя и поёжится только слабак, я в этом был убеждён. Заложив между страниц телефон, деловито собирал сумку.

Зазвонил мобильник.

Сердце ёкнуло, трясущимися руками я схватил трубку. Алексей...

– Да, Лёха!

– Привет, Витёк, как там она?

– Нормально... А кто? – тупанул я.

– Да вот, я сегодня ехал на обед и подвозил влюблённых – Кинг-Конга с Дженни... Ты чего, меня не узнал?

Я промолчал, с трудом соображая, зачем он звонит? Может, меня пытаются засечь?

– Слышь, Витя, не тормози. Я всё понимаю. Тут скандал до небес из-за тебя, но ты молодец, поступил по-пацански. Короче, слушай: на тебя не думают пока – трясут Юхана. Он выращивал твою невесту для своей дочери. Девчонка большая смертельно, и никак не спасти. Винкстрёмы собирались переселить её в это тело, которое ты спёр. Ты уже заметил – она нереально восприимчива, как пылесос «Ракета»? Хотя откуда тебе... неопытный... В общем, денежку, если накопил, с карты снимать всю не обязательно, сотни четыре баксов хватит – это раз. С бортом в Шереметьево я устрою – явитесь к 2.15 на грузовой терминал. Опоздаешь – убью. Это два. Всё, Ромео, отбой!

Я глянул на время: 21.20. На душе праздник – Лёха, вот настоящий корифей!

Проститься с Новым Арбатом не составило труда – после Нью-Йорка, ошеломившего меня когда-то, я не сумел привязаться к Москве. Тоски по родным местам словно не существовало; она воспарила, растворилась в ночном прохладном воздухе, смешалась со звёздами в чернильно-синем небе, попала под сильные чары бледно-жёлтого круга луны и не возвращалась на землю. Остались продукты в холодильнике, жидкокристаллический дисплей с крутой акустикой, мебель, недоработанные программы и нереализованные идеи, но сожаление не навещало. Я расставался всего лишь с помещением, где жил как многие люди. Точно заряженные током, мысли мои обшаривали заметки на полях случайной памяти, изощряли способы транспортировки нас двоих через океан без заграничных паспортов.

* Час-пик.

***

В двери магазина одежды Джулис вошла впереди меня. Менеджер торгового зала – солидная вунен в светло-фиолетовом костюме и на высоких каблуках, поглядела на мою девушку как на Свету из Иваново.

– Подберите ей что-нибудь для роли, только срочно – массовка ждёт, – небрежно ляпнул я, раскрыв портмоне и вынув карту «Америкен экспресс».

– А кем мы должны выглядеть? – поинтересовалась администратор.

– Пассажирка лайнера, сбежала на Гавайи с бойфрендом от жениха-педофила.

Или мой расчёт на женскую солидарность оказался верен, или менеджеров специально обучают не задавать лишних вопросов. Дама указала примерочную, а сама нырнула между вешалками.

Меня это устраивало. Только моя Джулис осталась недовольна процедурой подбора одежды: издёргалась, тяжело вздохнула.

– Извините, Маргарита, – прочитал я визитку, – нам бы вместе походить, повыбирать, пусть Юля вживётся в образ.

Джулис засияла, чмокнув меня в щёку, поспешила к тряпкам. Промчалась мимо дешёвого ширпотреба, словно и не заметив, и с видом опытного товароведки принялась перебирать вечерние женские платья. Менеджер Маргарита понимающе улыбалась. А меня совершенно не устраивало, чтобы украденная невеста привлекала взгляды. И деньги надо же экономить! Мне ведь ещё таможне взятки давать...

– Почему нельзя эту платё, Витя? Ты очень бедный – бомж? Эндрю покупать, что я хотеть!

Джек, зараза подлая! Как мне теперь бороться с твоим глюком, Джулис, девочка моя?

После того, как подбор вещей на моё усмотрение закончился, она раздражённо растягивала воротник серого фирменного свитера, ёжилась – шерсть покалывала грудь.

– Витя... одеть сюда... на них. Понимаешь? Не очень внутри.

Поняв, я беззвучно рассмеялся.

– Не ха-ха! At all...*

Чёрные облегающие утеплённые штаны не нравились девушке. Объяснение, дескать, в самолёте холодно, – не принимались, как исходившее от меня, не от неё.

– Ум-м! – капризничала она, сжимая губы. – Тут много, – указывала на талию. – Видишь?

Она присела, бока и карманы вздулись мешками.

– Гавайи жарко, нужна лёгкий одежда, надо отдать эту... – но тут же парадоксальным образом поправились. – А, нет, в самолёт бывает холодно...

– Хорошо-хорошо! – я стёр ладонью влагу, проступившую на лбу. Ты сказала. – Иди, смотри. Я тоже выберу себе что-нибудь полегче.

Она выбирала долго.

– Слушай: мы опаздываем! – бросил я. – Бижутерию хочешь? Ободок для волос? Тебе их рукой откидывать не надоело?.. И кольцо золотое?

– Выбрала! – голубые глаза Джулис вспыхнули. Выражение острого недовольства пропало – девушка излучала тепло утреннего рассвета.

Я никогда не дарил девушкам украшений, поэтому предоставил ей выбор.

* Совсем.

Исполненная радости и чувства творческой свободы, она выбрала ободок из слоновой кости и кольцо белого золота с крохотным бриллиантом.

– Тридцать пять тысяч, со скидкой, – уточнила продавец-кассир.

– Спасибо, сдачи не нужно – легко отмахнулся я, выложив наличными свой недельный заработок.

Заметив точки запёкшейся крови, я накинул на шею девушке шарф, вымученно улыбнулся работникам магазина и менеджеру, сказал, что хотел бы следовать московской моде.

Недовольство неподходящим нарядом исчезло, будто не возникало никогда. Кольцо красиво сидело на тонком длинном среднем пальце левой руки. Бриллиант, поблёскивающий сотней манящих огней, ласкал, радовал и согревал взгляд. Я был согласен с Джулис – бриллиант на пальчике красавицы лучше всякой одежды.

Тихо сидя в такси, она рассматривала кольцо в разных проекциях: то, приподнимая, отводя в сторону руку, то приближая, прищуриваясь. Счастливая улыбка не сходила с лица по-детски наивного и кроткого. В качестве благодарности Джулис опустила голову на моё плечо, погладив по руке, взяла мои пальцы. Пощекотала холодным носом моё ухо и хихикнула, потому что я вздрогнул как от лёгкого разряда тока. Пощупав мой подбородок, качнула головой.

– Не очень гладко, и волосы – неправильно, слишком много. Эндрю не дарить мне украшения. Я хотеть узнать: кто ты?

Вопрос и обрадовал, и немало смутил меня. Виртуал Эндрю дал слабинку передо мной, и это несомненный плюс. А как объяснить, что это именно я навеки угробил её райский мирок? Я ответил, что устал и не могу говорить.

– Я много устала тоже. Много моментов происходить.

***

Мы улетали глубокой ночью. По лётному полю аэродрома блуждал холодный ветер, ветер дул нам в спину, казалось, подгонял нас. Алексей ждал меня у самых дверей грузового склада, курил.

– Ну как ты, готов? – коротко кивнул он. – Бабосы обналичил? Айда! – Мы втроём прошли в ангар через служебный ход. Сторож отсутствовал.

Лёха переговорил в стороне с бригадиром грузчиков, и нас усадили в тележку на какой-то баул. Кар шустро доставил багаж к «Боингу» с открытым транспортным люком. Неся сумку, два пакета с одеждой, я и Джулис пошли на указанный самолёт.

– Джуниор! – позвал кого-то «бортпроводник №3», принимающий груз по описи и документам, и подал фонариком несколько световых сигналов.

Человек, вышедший из багажного отделения, сопровождал нас на борт. Самолёт внутри походил на чрево кита, что сожрал пророка Иону.

– На той этой... сидеть, а спать? – уныло протянула Джулис. – Холодно тут!

– Времени нет! – только и ответил я, поёживаясь от холода. – Может, у них есть плед или одеяло.

– Не понимать.

– Поднимайся, поднимайся, – подтолкнул я, взяв её подмышку. – Тёплое... накрыться дадут.

Дыхание со свистом вырывалось у неё из горла; лицо излучало столько

негодования и злости, что я замер, пребывая в растерянности. Решить что-либо, и действовать сейчас было труднее, чем писать сложные программы. Шатаюсь как маятник, она тянула в обратную сторону, шипела и повизгивала. Её маленькая рука сжалась в кулак, взвилась в отчаянном ударе. Я отклонился. Чей-то негромкий голос послышался из-за ящиков, упакованных группами в несколько рядов:

– Чувак, тащи её сюда!

Отчасти, мне он помог собрать волю в кулак. Я грубо схватил Джулис за шиворот, затащил девушку в самолёт и крепко держал, пока закрывался люк. Она послушной марионеткой повисла на моих руках. Нервное напряжение исчезло. Лампы испускали мягкий рассеянный свет, который мерцал в огромных немигающих глазах Джулис. Она плакала. Румянец, нагревавший щёки докрасна, сошёл. Почувствовав, что она успокоилась, я ослабил хватку. Дрожь и внезапная анемия овладели мной. Ноги подкосились; не подавая виду, я отступил на шаг, сдавленно спросил, нарушая воцарившуюся тишину:

– Еда и чем накрыться?..

– Как я могу довести клиентов живыми через полмира без еды и хороших условий? – хмыкнул Джуниор. – Добро пожаловать на территорию Соединённых Штатов! – «бортпроводник №2» подал мне шоколадный батончик.

Джулис протянула руку к знакомой обёртке. Только сейчас я въехал, что она голодна, я ведь обещал купить еду в буфете.

Наш проводник, одевшийся в толстые ватные хаки и длинную серую кофту не по размеру, помимо собственной располагающей манеры поведения не хранил ни капли недоверия в хитрых лисьих глазах. Контрабандный канал надёжен, словно мы для него – груз карго с банковской страховкой. Внешность Джуниора неброская, типичная для белых и чёрных пиндосов, неприятно разве что отсутствие бровей, усов и волос на голове вообще. Он наклонил овальную, как яйцо, переливающуюся на свету голову и надел чёрную шапку. Пожилой мужчина походил на располневшего после длительного отдыха со шведским столом туриста.

– Сервис не люкс, но чемоданы не жаловались! Я приготовил вам замечательное ложе! Скамейка – моё место. Вы зря возмущались, красавица.

Джуниор объяснял, каким образом дошлые люди устраиваются в Америке без визы на неограниченный период, но я отвлекался на посторонние мысли и почти не слушал. Понимая, что мне не до вариантов, наш словоохотливый Харон сунул мне в руки фотографию с подписью «Лейджелл», отрекомендовав этого человека как хорошего знакомого, привечающего нелегалов.

Выложив немаленькую сумму «индейских рублей», я лежал на картоне, припоминая, что когда-то подрабатывал охранником в аптеке и, порвав раскладушку, тоже спал на разложенных картонках. Джулис заснула рядом, между поручнями и ящиками.

***

Ажей Эф Кей* встретил нас влажным приморским воздухом, в котором витал странный сладковатый привкус, и персоналом с натянутыми улыбками на разноцветных лицах. Джулис, казалось, прорвало; она без умолка болтала

* J. F. K. – международный аэропорт имени Кеннеди в США.

с двумя подъехавшими на карах работниками аэропорта, перетаскивающих короба и ящики с помощью компактных манипуляторов. Джуниор, перекинувшись парой быстрых фраз, передал им две купюры по сто долларов. Получил взамен униформу и два бейджика.

Униформа чистая, прохладная, и пахнущая душистой травой, прекрасно сидела на мне и на моей девушке.

Американский самолёт, доставивший нас сюда, улетал обратно в Москву, а ценный груз, сопровождаемый Джуниором, немедленно отправлялся в Голлулу чартерным рейсом. У нас появилась возможность в качестве помощников экспедитора из грузового отделения «Боинга» пересечь в салон С-35 «Лирджет». Удобства для экипажа и пассажиров в нём хоть отбавляй и, несмотря на то, что перелёты я вообще переносил тяжело и потому чувствовал себя как выжатый лимон, лететь теперь бизнес-классом было одно удовольствие.

Джуниор в статусе нашего «начальника» пояснял по-русски правила выживания американского бойскаута на незнакомой местности. Затем, якобы то же самое повторил на английском девушке. Команда рассмеялась от души, а в глазах Джулис сверкнули сердитые огоньки. Весь полёт мне казалось, что они, переглядываясь, шутили надо мной, пользуясь моим слабым знанием «международного языка», донимали Джулис утончёнными непристойностями. Джуниор, потупившись и придав выражению лица наивность, быстро говорил и жестикнул – удивлялся, вскидывая брови и, произнося некоторые слова с особым прилежанием, преображал свою речь, добываясь забавного, с его точки зрения, русского акцента.

***

Среди аборигенов – истинных гавайцев – существовала легенда о Хуле, «божественном огне, расширяющем мир». Она гласила: тому, кто узрел огненное озеро с высоты птичьего полёта, даёт мудрость сама Пеле – богиня огня. Однажды Наигарахо, великий воин, взошёл на высокий вулкан и наблюдал за извержением малого. Его посетила одна, но мудрая мысль – в долине оказалась погребена под лавовым слоем его старая хижина со свиньёй, толстой старой женой и всеми многочисленными детьми. Наигарахо, мудрый из мудрейших, понял, что богиня огня Пеле, являя свою изначальную силу, Ай-лаау, посылает ему знак – отказаться от семейного счастья и идти тропой вождя, объединяющего племена. Тогда он пошёл к людям, уча их колдовать, исполняя танец огня Хула и наставляя, что всегда виновен белый человек, потому что он дурак.

– Ты ведь уверяешь, что узрел «живой огонь» с высоты птичьего полёта! – сказал ему один шаман, продавший душу белым за сладкую жвачку. – Но никому, кроме шамана, не удавалось обратиться в птицу!..

Украдкой улыбнувшись, не ответив шаману, Наигарахо тут же воспылал огнём и дымом, и остался силуэтом, изображённым на камне – петроглифом.

Джуниор рассказывал одну и ту же историю всем тем, кого перевозил в страну, где и сейчас курился непотухший вулкан.

Самолёт держался невысоко, но на достаточном для безопасного полёта расстоянии от земли.

– Смотреть, Ви-итя! – позвала Джулис. – Хули ай-лаау!

Камни, видимые сквозь горячее марево над лавой, дрожали. Выходящие

из-под земли газы волновали малиново-янтарную массу. Нагреваясь докрасна, расплавленный базальт моментами будто усиливал кипение и высоко выбрасывал огненный гейзер, рассыпавшийся, как салют. Лавовое озеро в кратере Мауна-Лоа представляло собой ни с чем несравнимое величественное зрелище: через подвижную сеть ярко светящихся зигзагообразных трещин, разделявших чёрные участки подстывшей лавы, озеро норовило излиться наружу. Из трещин вылетали золотые искры, прорывались светящиеся фонтаны быстро застывающей лавы.

Кипящая масса базальта поднималась, словно дрожжевое тесто в опаре. Вот-вот «божественный огонь» выберется из храма-жилища Пеле – хейау, – где она одновременно молился в танце богине сил дикой природы – Лака, – и сердился на Полиаху, богиню снега, свою вечную соперницу, что своими чарами усыпила самый большой в мире вулкан Мауна-Кеа. Другой вулкан – по имени Килауэа – приходился единственным сыном Мауна-Лоа и представлял собой уступ на его склоне. По древней легенде бессмертный Мауна-Лоа приходился отцом всем существующим на Гавайских островах вулканам – детям, отправившимся на поиски счастья, а Килауэа – пожелал остаться с отцом до конца времён. Сейчас они действовали сообща. Слившиеся «дымокуры» имели форму опрокинутого щита, образованного из волн застывших слоёв чёрной лавы. Широкие края трещин, расколовших опрокинутый волнообразный щит, покрывали снежно-белые дымящиеся налёты гипса. Вокруг некоторых кривых шрамов, бороздящих такую необычную поверхность вулкана, возвышались бесформенные фигуры; вытянутые и подкошенные уродцы состояли из наплывов и комков застывшей лавы, когда-то выдавленной из трещин. Из отверстий в вершинах этих причудливых «мундштуков» вырывались струи пара. Оставшись позади, Мауна-Лоа напоминал разъевшегося, вросшего в землю гигантского ежа, на выпуклой спине которого клубились белым паром кривые иголки.

Внизу моросил дождь – дно и края впадины окутались облаками тёплого пара.

– Ва-ау! – алые губы Джулис вытянулись, как бутон розы. Девушка обняла меня, с открытым ртом наблюдавшего рядом. Завораживающим видом из иллюминатора смыло утомление перелётом у нас обоих.

Тёмный, казалось бесконечно продолжающийся пологий склон Мауна-Лоа, покрыло множество раскалённых капель. Через образовавшиеся от газа и чудовищной вибрации отверстия выбрасывались мощные красные потоки. Из окна самолёта виднелись языки лавы, со скоростью железнодорожного экспресса проходящие по суше огромные расстояния. Достигшие кипящего моря, они медленно застывали навеки, расширяя острова.

– Столько лавы! – отойдя от окна, Джуниор разминал пальцами виски. – Эта гора, считая от самого океанского дна, повыше Эвереста!

Напряжение перелёта через несколько часовых поясов всё-таки напомнило о себе.

– В некоторых местах «Островов мечты» лучше не появляться. Лейджелл предупредит вас. Он занятой человек, но дождитесь его обязательно, не ищите приключений!

– Что? А-а, – я отвлёкся, изумлённый. – Подождём, прогуляемся. В банках меняют русские деньги?

– Русские – нет, но я по знакомству смогу разменять вам сколько-то.

Вынырнув из лёгкой пастилы облаков, самолёт снижался медленно и плавно, райская голубая лагуна манила завораживающе, словно топазовые глаза Джулис, и ласкала взгляд сочными красками.

Самолёт вновь набрал приличную высоту. С высоты полторы тысячи метров сквозь лоскуты облаков остров Оаху представлялся необитаемым. Тёмная извилистая линия горного хребта Коолау точно ленивой змеёй протянулась по зелёному морю растительности. В бухте Канеохе, меж двух длинных выступов, вдававшихся далеко в океан, ждали пропуска несколько грузовых судов. Они, как уставшие на жаре черепахи, томилась в ожидании отдыха в тени. С громадного, похожего на пустую баржу, по очереди в воздух поднималось множество точек. Вероятно, проводили учебные вылеты на вертолётах. До посадочного полотна аэропорта оставалось минут двадцать, уточнил проводник. Я, не отрываясь, глядел в иллюминатор. Один из испано-говорящих работников заигрывал с Джулис: показывая ей фотографии из своего бумажника, обнимал её одной рукой, но девушка что-то сосредоточенно выписывала в моём наладонном компьютере, почти не отвлекаясь.

– Я сделать часы сейчас... время – правильно! – улыбнулась девушка и, отогнав недовольным взглядом навязчивого испанца, снова увлечённо нажимала на клавиши компьютера.

– Да-да... – рассеянно ответил я. – Переодеться надо.

От причала стремительно отделилась группа парусников – пёстрая, как стайка экзотических аквариумных рыбок, – и вскоре яхты вышли из моего поля зрения. Откуда-то из густой кудрявой растительности, окружавшей два высоченных горных пика, что облачились в белые шапки, выплыл воздушный шар. Глянцевая шёлковая материя шара, тросами разделённая на дольки мандарина, переливалась на солнце оранжевым огнём.

Мы приближались, и картина острова прояснилась: серые камушки увеличились, превратившись в здания военных объектов базы ВМС Перл-Харбор. Миновав открытую стоянку, ангары военно-воздушных единиц, наш грузовой самолёт шёл на посадку в аэропорт Гонолулу. Впечатление складывалось такое, что люди и здания возникли как молния, напитав влажный жаркий воздух запахами цивилизации. Группа истребителей, беззвучно мелькнув в моих глазах, оставила ровные пористые полосы вспененного воздуха.

– Кухня Хавай* – хороший место для релакс**!

Шум реактивных турбин только сейчас глухо прозвучал в моих ушах.

Описав полукруг, три «Орла» высоко поднялись, исчезли, воткнув в облако пористую стрелу реактивного следа.

Добросовестный международный жулик, Джуниор отнёсся к нам как к родным: пояснил, где можно бесплатно получить страховой полис, перечислил наиболее цепкие на этой территории болезни, напомнил про карту города, посоветовал приступить к изучению английского языка, если мы собрались пробыть на островах долгое время. Скептически скривившись, я кивнул.

– Учебник на русском... В.Д. Аракин – неплохое пособие. Тем более, у вас будет иностранный учитель!

– I speak good English, – вспомнила Джулис, опустив блеснувшие лукавством глаза. – Выход, выход!..

* Hawaii – Гавайи.

** Relax – отдых.

– Документы, где?.. – недоверчиво спросил я.

– No problem! Получите на выходе из аэропорта. Моя визитка потребуется? Берите на всякий случай. И помните – жёлтая лихорадка трудно переносится.

Терминал аэропорта Гонолулу заполнили контейнеровозы, фуры, пикапы и фургоны; между ними суетились электрокары, шустрые компактные штабелёры непонятных конструкций, с вилками и крюками, бригады торопливых разномастных грузчиков в мокрых от пота майках и закатанных под самые бёдра штанах с опознавательными знаками в виде зелёных линий. Несколько военных в кепках и солнцезащитных очках «обнюхивали» содержимое грузов тройкой проворных натренированных псин. Мастиф, чёрная длинношерстная овчарка и рыжая такса деловито тыкались носами в каждый ящик, короб или тюк. Их чёрные ноздри беспрерывно раздувались, втягивая запах указанного груза. Уши взлетали вверх острыми стрелами и поворачивались, словно локаторы.

– Ф-фу! Псиной несёт! – я сжал губы. Аллергия на собак у меня с детских лет, появилась, когда однажды пёс хорошего знакомого обнюхивал новый папин «системник», который я любил рассматривать сквозь увеличительное стекло.

– What a *?..

Псы, отфыркиваясь, брезгливо повели носами. Военные напряглись, им пришлось проверить данный груз. Подозрительная коробка была вскрыта и досмотрена. Отыскав протухшую крысу, солдаты рассмеялись. Отшучиваясь и подталкивая собак к зловонной плоти, крепкий кудрявый негр с покатыми плечами улыбнулся Джулис, которая на миг замерла.

– Чего встала? – недовольно сказал я, чихнув. – Ну и ну! Задохнуться можно. Уходим, скорее!

Джуниор, помахав на прощание рукой, удовлетворённо коснулся нагрудного кармана, где лежал расчёт за его услуги. Подошедший к нему офицер в форме авиации ВМС США был встречен дружеским кивком, и кое-чем ещё – совсем недавно я назвал бы это своей заначкой.

Мастиф внимательными глазами оглядел меня с головы до ног. Под испытующим взором собаки я пошатнулся. Если нас остановят и обнаружится, что мы нелегалы и что моя спутница не совсем человек... Оскалив зубы, псина молча дёрнулась в мою сторону, потянув сжавшуюся в кулак руку военного.

– Come on, stupid dog? I'm sorry, buddy, I don't know what's wrong with it! **

Я пожал плечами, забросил сумку на спину и слегка сторбился, чтобы придать себе вид обычного пассажира.

***

А для моего сердца не нашлось больней занозы, чем мягкий женский голос. Я сопротивлялся, как мог: делал вид, что не слышу, ускорял шаг или, внезапно оборачиваясь, отвлекал внимание девушки на магазины и всякую местную экзотику, завёл её в лавку и купил одежду для жары – длинные, словно надувные, бермуды и просторную блузку-безрукавку со шнурами по бокам.

* Что за?

** Ну что ты, глупая псина? Прости приятель, не знаю, что на него нашло!?

– Витя, я устать долго ходить. Мне хотеть сесть. Руки болею: зачем несла старый одежда, два пакеты?

Мы проделали немалую дорогу пешком – от аэропорта я не решился добраться до места на такси. Уговаривая девушку идти пешком, я тем самым невольно напрашивался на странные жесты и не менее непонятные телодвижения, например: обнять её или поправить волосы, завязать сзади на бантик приобретённые шорты. Алая шнуровка на безрукавке сбоку постоянно растягивалась то ли под весом груди, то ли потому что девушка, оттирая пот со лба, случайно задевала её рукой. Миновав кольцевой бульвар на улице Saint Vrelog, обсаженный красными кустарниками, она оторвала шнурок вовсе. Если бы грудь её была чуть больше, то наверняка бы вывалилась из образовавшегося декольте, а так – только дерзко топорщилась, сдерживаемая тонкими краями прорези безрукавки. Она шла в сланцах, поэтому жаловалась на покалывание стопы через тонкую подошву.

– Такой вот маленькая иголочка... тонкая и не очень хорошая внутри ноги. Посмотри!..

Джулис надела солнцезащитные очки, уселась на пакет, протянула правую ногу. Выжидающе воззрившись на меня, достала воду в тетрапаке. Прикладывая горлышко к губам, она неотрывно наблюдала за моими действиями

– Здесь... как? – надавливая пальцем на гладкую стопу, уточнял я, щурясь от огромного яркого солнца; мой озабоченный вид вызывал у неё улыбку.

– Нету... Может, выпала?

– Не видно... чтоб тебя! Вставай, пошли!

Потрясающий факт – люди, проходившие мимо, совсем не обращали на нас внимания. Девушка провела «анестезию стопы» в холодном ручье, выбившемся из мелких камешков, рассыпанных по газону, на который принесли рассаду цветов. Хохоча и разбрызгивая воду ногами, она оживилась.

Потрясающие экзотические растения гармонировали с каменными постройками, в которых искрились бриллиантами маленькие стёкла окон. Гудящая тень напозла на дома, задрожала, пробиваясь лучами солнца, извиваясь, точно змея – где-то рядом на площадку приземлялся частный вертолёт.

У подножья бело-серо-коричневых каменных высоток собралась шумная толпа. Безликой волной она подталкивала местного скалолаза-любителя обогнать другого – того, что уже преодолел четверть расстояния, держась за канат и забираясь по выступам окон. Пластмассовая бутылка с расплескавшейся водой, выпавшая из кармана, показывала, в каком сильном напряжении находился лидер «гонки». Гул толпы или хлопок вылетевшей пробки шампанского послужили стимулом для местного скалолаза, я не знал, но увидел, как быстро тот закарбался по второму канату, свисающему с крыши...

Парнишка-негритёнок в коротких шортах забрался на пальму в саду и сбросил тёмно-коричневые кокосы, до зелёных не смог дотянуться даже хвостиком. Посидев на дереве, о чём-то оторопело подумав, он резко схватился за губкообразное гнездо папоротника-эпифита, вымахавшего прямо на плотном шатре из пальмовых листьев. Просовывая босые ноги меж листвы и ветвей и не находя поверхности, он всхлипнул. Слезть не получалось, поэтому он огласил окрестности местного даунтауна испуганным криком.

– Витя – помощи! – с надеждой провозгласила Джулис.

К счастью, мне геройствовать не пришлось. Полицейский, подоспевший к изгороди сада на двухколёсном электросамокате, говорил по радию. Пару

минут спустя, к месту происшествия прибыл некий механизм, мягко жужжащий, словно аквариумный насос, раскрыл W-образную металлическую лестницу, проложив спасённому любителю чужих орехов путь к земле. Парнишку, напуганного и рыдающего, аккуратно снял влезший по трапу полицейский. Исполнив долг, приставив руку к виску под широкополой соломенной шляпой с ленточкой, полицейский вернулся на пост.

А так жизнь в чертовски великой гамме красок Гонолулу текла размеренно: никаких пробок на дорогах, никакой суеты, лишь весёлые детские голоса... То у одного магазина, то у другого – супермаркета – периодически открывалась отполированная до блеска колонка пожарного гидранта, и шланг выплёвывал холодную воду на раскалённый асфальт площадки, где резвились дети. Стоило работнику забыть гаечный ключ на шестерне колонки, и дети превращали в мокрых цыплят не только своих гладкошёрстных питомцев, но умудрялись «спасать от жары» и туристов. Попав под мощную струю, я даже обрадовался, протёр очки сухим местом шорт и подождал новую порцию. Не скрывая радости, Джулис тормознула около меня и тоже приняла водяной удар. Мы стояли и наблюдали за малышнёй. Проезжавший мимо мороженщик, остановившись на обочине, весёлой музыкой отвлек детей.

В витрине супермаркета отражались парень с босоногой девушкой, то есть я и Джулис – мокрые до нитки, мы ели клубничное мороженное. Два стройных и крепких кудрявых сёрфера – близнецы – переходили дорогу. Их золотистые костюмы отливали на солнце. Переноса натёртую воском доску подмышкой, они ослепительно улыбались окружающим.

– Посмотри... какие кул гайс*!

– Да, гейс**, скорее всего, – не поняв, ответил я. – Неудивительно.

Повсюду райские пейзажи, яркий свет, дарящий земле тепло, а людям приятную усталость.

Жаркий воздух у блестящих вымытых витрин вибрировал, создавая миражи. Казалось, толстое стекло вот-вот расплавится, потечёт на расчерченную белым дорожку для велосипедистов, заезд на которую Джулис прикрыла своим великолепным упругим станом. Она, согнувшись до асфальта, перебирала что-то в пакетах с одеждой.

– Пропусти людей, а?

Прижав девушку к себе, я позволил группе велосипедистов проехать мимо нас.

– Оу, – игриво подалась вперёд Джулис, хотела завалиться на меня, но я оттащил девушку с дороги.

– Видела, там... стройматериалы торчали из кузова. – Я указал на грузовую машину. – Могли задеть.

– Я ценить ты!

На лужайке – ковре из мелкой мягкой травы – мы отдохнули в шезлонгах под раскидистыми кущами деревьев, их стволы напоминали множество сросшихся гладко вытесанных досок. Прячась от солнца, в тени кучковались приятно пахнущие растения, ветви которых походили на длинные широкие иглы; на них селились серебристо-синие ворсистые подушечки мхов. Джулис дотянулась и ошмыгнула между пальцев одну такую ветку, облизала липкий сок.

– Я не знаю, как это по-русски... название.

* Cool guys – клёвые парни.

** Gays – гомосексуалисты.

– Ничего. Необязательно знать.

– Знаешь, что? Ты – малоговорительный. Мне нравится человеки-загадки... понимаешь?

– Очень приятно, – кивнул я, улыбнувшись. – Ты мне тоже очень нравишься.

– Правда? Я чувствовать это мало... – пожаловалась она.

Поведя плечами, я уклонился от заинтересованного взгляда Джулис. С загадочной улыбкой она коснулась липкими пальцами моих губ. Я, расслабившийся и закрывший глаза, не сразу понял... Резкий запах заставил сморщиться:

– Ты!..

– Сок сладко, Витя. Пробовай.

– Не хочу.

Девушка демонстративно обсосала пальцы, а я, отвернувшись, нахмурился.

Солнце сквозь сито листвы ласкало взгляд, прохладный ветерок навевал лень. Встать и покинуть сладкую тень райских кущ оказалось страсть, как трудно.

– Куда? – повысил я голос, не успев поймать за пакет.

Она спряталась в густых зарослях, а когда, хихикая, вернулась, попросила осмотреть натёртое место на внутренней части бедра, мол, испытывала неудобство из-за грубой ткани штанов. Да, с такой подругой не заскучаешь!

Но в целом девушка вела себя спокойно. Бывало, останавливалась, щупала асфальт, оглядывалась на аборигенов, что-то спрашивала. Потом, срываясь с места, спешила меня обнять, затопить в потоке благодарности, щебетала по-английски. На Гавайи она не путешествовала ни разу.

– Я не из-за денег с ты, – уверяла она. – У ты нет масклз* и кожа не шоколад, но ты я нравиться вэри! Я учить русский много!

– Я тоже учить английский немало! – замученно отозвался я, поразившись тому, что голос прозвучал сипло, словно из уст чужого человека с одышкой.

Попеняв на гавайский воздух, душный, жаркий и с непонятным привкусом, я успокоился. Не хватало кислорода – воздух, казалось, нагрелись в лёгких, осел липкой массой на дне и вот-вот заполнит грудь целиком, и тогда будет совсем не продохнуть. Откашлявшись, я не освободился от чувства недостаточности кислорода в лёгких. Ладонка Джулис плавно опустилась на мокрую, прилипшую от пота к спине майку, погладила, затем сильно хлопнула меня между лопаток.

– Теперь лучше? Я знаю про это из... просто знаю... делать так, когда что-то застревает внутри.

Уставшие от ходьбы по жаре, мы расположились под сенью низких пальм, отбрасывающих длинные тени на дорогу, свалили на сумку пакеты со старыми вещами, упали на них.

В кафе напротив, на открытом воздухе, группа аборигенов в набедренных повязках из больших широких листьев устроила концерт в честь изображённого на стенде осьминога. Засмотревшись на вибрирующую туго натянутую кожу барабана с рисунком, похожим на герб родного Омска, я не заметил, как передо мной поставили сок в удивительной ёмкости, походившей на незрелый кокос с толстыми колючками.

* Muscles – мышцы.

– Гуанабана... пей, Витя! – от удовольствия Джулис урчала и сладко жмурилась, похожая на ленивую кошку. – Я закажи, тебе нравится!

Прохладный сок, вкус которого напоминал коктейль из клубники, манго, корицы и ананаса не утолял жажду, а наоборот усиливал.

– Чересчур сладкий, маслянистый, – оценил я, потеряв покрасневшие плечи и шею. Негритянка, поднёсшая рагу из мяса, кабачков и других нераспознаваемых овощей, заметила резкую красноту моих плеч. Обратившись к Джулис, посоветовала вызвать такси. Мы так и поступили. Не в силах спрятать от яркого света слезящиеся глаза даже под затемнёнными стёклами очков, я ехал с закрытыми глазами. И вообще чувствовал себя весьма скверно – тепловой удар!

Выбравшись за черту города, таксист завернул на металлический мост, выводящий на дорогу вокруг горы Каала. По её причудливым, покрытым зеленью уступам алмазными осколками спадала струя водопада. Только теперь, вдали от влажной жары низовий, мне стало полегче; в открытое окно авто я ощущал на лице свежий приятный бриз. Над круглым озером, глянец поблёскивающим в громадной чаше выветрившейся скалы, кристальная пыль заволокла изумрудные кроны тропических деревьев. Шофёр, смуглокожий, с чёрной вьющейся шевелюрой, напоминавшей шар из губки на эстрадном микрофоне, рассказывал Джулис о каких-то своих «тараканах». Скаля белые крупные зубы и выпячивая толстые как пироги губы, водитель толковал о ценах, установленных на рынке, непомерных для рядовых гавайцев. Привожу его речь в пересказе:

– Никогда не берите ничего в супермаркетах сети «Гаент» или «Шоперс»*. Возишь, возишь целый день туристов, а потом придёшь и наберёшь искусственной жратвы, от которой растёт вес! В этих магазинах самую дрянь сбывают, что даже псы не едят – только свиньям в корыто. Водный рынок есть у мыса Кахуку. Увидите, куда плывут лодки, туда и вы гребите. Спросите Улуи Сернера... чёрт, фамилию пришлось сменить... Мой отец вам предложит настоящую рыбу, мясо, овощи. Есть даже курительная трава высшего качества.

Огибая каменные углы, изборождённые корнями, точно венами, таксист перебирал события из истории штата, по своей воле примкнувшего к США, по его мнению, совершенно не улучшившие жизнь на островах, предназначенных для райского отдыха и нетяжёлой работы. Приводя примеры из жизни своих предков и родственников, доказывал девушке, что без выносливости и силы простых людей пропадёт любой урожай, не соберётся мешок кофе, не наберётся корзины ананасов, не вырубится и трёх фунтов тростника. Вычислив, что я по-английски немного понимал, он стал меньше корить белое население, но всё-таки пропустил пару колких фраз. Джулис, усмехнувшись, искоса поглядела на меня, задумчиво рассматривавшего красоты тропиков.

– Я – Раел Сернер! – как бы невзначай сказал шофёр, подметив необычный интерес девушки к своим рассказам, и бесцеремонно всучил ей визитку. – На лавовом грунте боги взрастили тропические чащи красивейших в мире деревьев, а ушные янки их вырубали, выжгли под плантации тростника, понастроили контор и за гроши вербовали рабочих.

Кто бы мог подумать, что Сернер совсем не поклонник команданте Че, а всего лишь хотел произвести впечатление на мою девушку! Где-то внутри я начал размышлять об этом, но головокружение и жар с трудом допускали любые доводы.

* «Giant», «Shoppers» – сеть популярных американских супермаркетов.

– Кокосовые пальмы, принадлежащие коренному населению, – мне, моей семье – теперь собственность американского дяди и япошек всяких, и китайцев, и филиппинцев! Нас совсем не осталось, три четвёртых гавайцев – приезжие отовсюду. Всяких чужестранных зверей завезли, растения не наши, болезни. Богов чужих! Наша природа, радует глаз и душу, а превратилась в чужую собственность, в заповедник, проникнув в который, ты, местный, престаупаешь закон. Военных объектов много. Один только остров как остров – Ниихау. Он тоже частная собственность, но пускают туда только коренных. И разговаривают по-человечески, только на гавайском. Мой отец теперь только помнит, когда росло сандаловое дерево. Лесорубы выкосили всё, вывозили древесину на рынок в Китай... Из-за аромата, можете представить? Всё у нас было своё, настоящее. А теперь... Заболел и пришёл к врачу, а тот дал таблетки! Вернулся и жалуешься на другой недуг, а тебе выписали больше всякого яду. Так и зачахнешь, не зная от чего, глупый человек! Травы лечебные когда-то знали многие, а теперь секрет лечения – достояние немногих лекарей из нашего народа... да и те вспомнят об их целебном действии – за доллар! А народ травят нарочно – жгут тростниковые поля, чтобы урожай повышались, а у людей обостряются лёгочные болезни, аллергия. Всё для дохода! Прав старина Маркс. Да, я разбираюсь в политэкономии и книги читаю. Что остаётся делать? Не поглощать ведь бездумно химические пирожки! А вы думали, туземцы как нигеры получают образование на улицах? Нет, ошибаетесь! Я закончил колледж имени Харисона в Нью-Джерси и работал в нём некоторое время. Знаете, что я там понял? Да ни черта не понял, вот как! Вернулся на родину и развожу туристов. Сейчас грамотные люди зарабатывают другим способом... да вы как с луны, ребята, свалились? Хорошие связи – полдела, остальное – коммерческая смекалка; удачная спекуляция обеспечивает прибыль живее и легче, чем возделывание садов и плантаций особенно. Народ очень наивный, знаете ли?! Что касается религии, то никогда мы не исповедовали ни католицизм, ни ислам, ни, тем более, иудаизм и конфуцианство. Океан их смоеет волной или сожжёт лавой, мы подождём... Будь им неладно!.. – он резко затормозил.

Водный поток с горы выбил осколки камней и хлестал через дорогу, словно из брандсбойта. Корни, кое-как препятствовавшие росту трещины, оголились и, омытые, походили на желтоватых огромных червей.

– Не первый раз! Подземное давление тут выгоняет воду неравномерно. И хоть бы кто пожаловался? Пока сам каменщиков не вызовешь, никто не придёт!

Выждав момент слабого напора, таксист надавил на педаль газа. С победным криком Сернер бросил тачку сквозь холодную воду, затем надолго замолчал.

Придорожная закусочная-магазинчик заманивала путешественников указателями «Heaven's Hill»*. На каждом щите красовалось изображение бизнес-ланча и количество остававшихся ярдов.

«Небесный Холм», притаившийся среди древовидных папоротников, был закрыт. Висевшая на дверях табличка, указывала время, в какое собирался вернуться владелец. Я приуныл, пройдя вдоль невысокой папоротниковой изгороди заднего двора, выходящего на каменную площадку, дальше

* «Небесный Холм».

начинался отлогий подъём в гору. Вокруг ни души.

– Давай в гостиницу. Не смогу я ждать тут!

Джулис пояснила моё желание, и Сернер отвез нас в ближайшую недорогую гостиницу. Пожалев болящего меня, или свои несбыточные фантазии, он посоветовал девушке верный способ лечения от всякой хворобы, который, судя по бурной реакции, пришёлся Джулис по душе.

Заплатив за несколько дней вперёд, я подсчитал финансы, установил, что больше трети накоплений незаметно улетучились. Я не был жадным человеком, относился к деньгам точно к средству достижения благ и только.

Джулис увидела, что в гостинице «шведский стол», и словно ошалела: тащила в рот всё, что попадалось под руку, не обращая внимания на чопорных матрон, поражавшихся такой невоспитанности. Они пытались привлечь моё внимание к неподобающему поведению девушки, но мне было стыдно, я лишь пожимал плечами, рассеянно глядя по сторонам. Джулис, быстро прожевав, заявила, что «шведский стол» – её любимое мероприятие. Вдогонку яствам она проглотила абрикосовый сок с мякотью. Плоский живот Джулис теперь выдавался, но от этого она не делалась менее привлекательной.

– Витя, иди сюда! Тут люди знакомиться!.. – она потянула меня за руку.

Две дамы преклонного возраста, близняшки, в светло-синих сарафанах, тоже увлеклись чревоугодием, не используя вилки и ножи. Одна, Клер, с причёской, похожей на двойной узел, в который воткнули золотистую спицу, расправившись с брокколи, изящно держала кремовое пирожное двумя крохотными пальцами с пёстрыми длинными ногтями и мило улыбалась. Другая, Фейри, медленно поднесла ко рту, к бледно-красным пухлым губам, ломтик белого мяса. Узнать их можно по родинкам на щеках: лицо Клер белое от пудры, без родинок, а на левой щеке Фейри сквозь пудру виднелись несколько крохотных точек.

Стараясь держаться смело, обыкновенно, я поклонился:

– Хай, ледис!

– Ваш английский довольно неплох! – похвалила Клер, выставив напоказ ровный ряд мелких идеально белых зубов.

– Олрайт, – улыбнулся я.

Беседа между нами оказалась короткой и неловкой, но приятной обеим сторонам. А вообще – не беда, Джулис радостно болтала вместо меня. И, наверное, раз женщины приятно удивлялись, высоко вскидывая брови, рассказывала интересное. Судя по выражению лица девушки, она хвалила меня и немного сердилась одновременно. Чёрные точки на её спине и шее ни у кого не вызвали удивления. Татуировка, если что... вот на руках и ногах следы уколов настораживали бы. Наконец, взяв у новой знакомой, с родинками, визитку, Джулис пояснила мне, что на острове Гавайи популярен клуб под названием... она не знала, как озвучить по-русски.

– Там хорош еда... есть, сколько хочешь, и смотреть интересные... вещи.

Запомнив короткое название клуба на английском, я решил узнать у Фейри, пусть не дословно, но какой всё же смысл в его посещении. Я говорил с трудом, но понимал английскую речь, однако Джулис звала знакомиться с официантом, который, оказалось, посещал тот клуб, и неизменно оставался доволен тамошним эксклюзивным сервисом.

Вдруг подавившись креветками, она выкашляла их на скатерть стола и, оглядев смущённые лица окружающих, едва не заплакала. Я не знал, как принять такое событие, поэтому просто похлопал её по спине. Прижавшись

подбородком к моему плечу, Джулис только теперь заплакала, некрасиво зашмыгала носом.

– Some bad events passed away, everything gonna be ok, if you help her to relax!..* – подмигнула дама в сиреновом сарафане, переведя многозначительный взгляд на её подругу, засмотревшуюся на чернокожего красавца – официанта.

***

Мы «по легенде» не были женаты, поэтому снимали двухкомнатный номер, с душевой и общей лоджией, с которой открывался вид на пальмовый сад с бассейном. Лучшего способа расслабиться не находилось, чем...

– Нет, приму душ один, не надо мне помогать, – отказался я, приложив силу к двери, чтобы Джулис не вошла.

Охлаждая разгорячённое тело под струями прохладной воды, я приводил себя в норму. Мысли клубились в голове точно клочья тумана, не давали сосредоточиться. Хорошо хоть, не свалился в постель от перегрева!

Внизу, в баре есть алкоголь! – вспомнил я. – Надо бы грамм полста, для здоровья.

Энергично сгибая и разгибая руки, увеличил приток крови. Напряг, как бодибилдер, мышцы рук, груди и вытянулся в струну, гордо задрал голову. Посмотрел в зеркало на своё белое щуплое и слабое, блестящее от воды тело. Я похудел?!

И что с того? Всегда мечтал быть стройным. Но тут меня внезапно скрутил приступ тошноты. Желудок сводили спазмы.

– Нахватался всякой заморской гадости, не переваривается ни черта!..

Тень мелькнула в просвете между дверью и полом – Джулис прошла мимо... или решила подслушивать?.. Выключив воду, подождал, но ничего осторожного дыхания за дверями не уловил – лишь грубоватый голос из радиоприёмника о чём-то монотонно рассказывал. Я вытерся, оделся. Открыл скрипнувшую дверь, осторожно высунул голову, огляделся. Никого. Прошёл в комнату Джулис.

Она сидела на бледно-зелёном покрывале на кровати, поджав ноги, обхватив их руками. Прямые лучи света через открытое окно без штор падали на её тело. Недовольное выражение лица говорило моему невеликому опыту о приближающейся грозе, но ярости как таковой не проявилось. Казалось, она смогла запереть гнев глубоко внутри, но нет, надвинувшись и привстав мне навстречу, Джулис упала ничком на кровать и всхлинула. Открытая, зарумянившаяся под солнцем спина покрылась мелкими капельками пота.

Что это? Когда я до смерти её обидел? Или это сбой... потому что она робот?

Не двигаясь, она повернула голову, искоса посмотрела на меня, а я застыл на пороге, не находя рационального объяснения происходящему. Волосы её свесились набок, прикрыли одну сторону лица. В другом, неприкрытом глазу Джулис сверкала гнев, перемешанный со страхом. Что-то с досадой пробормотав себе под нос, она снова села и, подобрав ноги, с ледяным безразличием заняла прежнее положение. Перемена в чертах Джулис породила горячий комок страха в моей груди, ладони повлажнели, словно у воришки.

«Проявишь страх и потеряешь власть» – отозвалось у меня в голове.

* Девушка претерпела, всё будет хорошо, если вы сможете расслабиться ей.

Взгляд Джулис как-то непонятно замерцал.

– Что, Витя? – ослабевшим голосом спросила она. Слова, точнее отзвук, созданный отступающими волнами тревоги, повисли над моими ушами; и почему-то смысл этих слов никак не протиснется внутрь головы?

А что, собственно, «что?» «Что стал как истукан?» Или «что тебе от меня нужно?» Наверное, вначале ожидалось первое, но, судя по теперешней бледности и вялости, уже второе...

Не дожидаясь ответа, девушка тихо опустилась снова на кровать, легла на бок и перестала мучиться непонятно чем – уснула. Я тяжело вздохнул, и на душе стало противно. Повернувшись, я потащился мимо неё на лоджию как полураздавленный жук. Вина разбирала сердце – я грубое тупое животное! Я не имел права истязать чувствительную девушку! Обида, омрачившая наши отношения с Джулис, казалось, овладела моим сердцем и отстукивала свой неприятный ритм внутри моего тела. Я переживал: «Проклятые подростковые комплексы! Молодой, здоровый, талантливый учёный, а без алкоголя не способен сократить дистанцию... тряпка что ли!»

На лоджии, помимо пары шезлонгов, журнального столика, пары-тройки тенистых кустиков в кашпо обнаружился и небольшой холодильник. В холодильнике – только пластиковые ячейки, в которых можно заморозить воду. Я вышел в коридор, машинально снял со стены трубку внутреннего гостиничного телефона, набрал первый пришедший на ум номер и, подивившись стойкости привычки, сердито и гулко вложил трубку обратно в аппарат.

– Как я поговорю с кем-нибудь? – спросил я сам себя. – Моя девушка меня не хочет, придите, помогите?

Поймав за спиной взгляд, я обернулся. Она, придерживаясь за стену, вяло разглядывала меня.

– А-а, Джулис...

Словно очнувшись от летаргического сна и потеряв силу, девушка опустилась на пол:

– Что с я происходит? Никогда так долго не оставаться, где хочешь?! Раз – ты в Плимуте* или... Помнить я где-то... Витя... помнить: ты я откуда взял? Такие большие вот стеклянные!..

Обдумывать ответ было некогда, и я обронил:

– Профилактика от болезней. Ты ведь из богатой семьи и... находилась в барокамере.

– Я болезней? У я богатый семьи, но не очень богатый. Я помнить, давно... доктор сказать может умираю... и папа-мама давал я пить витамин и укол. Говорить я теперь «поправляйся девочка». Я много везде, где мечтать... там хорошо, и Эндрю, и колледже, анд фрэндз. А потом стеклянные большие... барокамере? И ты... больно!

– Я спас тебя, Джулис. Тебе никто не говорил, но доктор, которому твоя семья заплатила денег, иногда держал вас в камерах, не только чтобы лечить. Он – ненормальный, хотел подарить вас одному тоже «не очень». – Я pokrутил пальцем у виска, удивляясь способности выдумывать на ходу. – С ним лучше не встречаться. Теперь ты никуда от меня не денешься, не покинешь внезапно, понимаешь? – я проводил её до кровати и сел рядом, не решаясь обнять.

* Плимут-Рок - Исследовательский центр в городе Плимут, штат Массачусетс; названный в честь скалы, под которой по преданию высадились «отцы пилигримы», прибывшие из Англии на корабле «Мейфлауэр».

– Чувства я – не понять. То таки, то други!.. Эндрю тоже говори, что я никуда не идти, не потеряться с ним...оставаться много время и ничего...

– Обещаю, ты со мной надолго!

– Надолго – нет. Хочу не знать, когда я не будет с ты, понимаешь?

– Ты и не узнаешь.

– That's great, Vitya!* – усевшись мне на колени, закрыла глаза.

– Душ свободен.

– Ок!

***

Человека, которого мы едва застали на пороге придорожной закуской, было трудно узнать по фото. Жёсткая бахрома серо-стальных волос лоснилась на солнце, лоб по-индейски обвязан тесьмой, и за неё воткнуто у виска бело-чёрное перо. Лицо расплнело и приобрело плутоватые черты.

– Мистер Лейджелил? – протянул я визитку, взятую у Джуниора. – Плиз!

Глаза прищуренные, расставленные широко, неприветливо обвели нас, утомившихся хождением на жаре. Жилистые крепкие загорелые руки прижимали к себе прикрытую синей материей корзину. Pokрутив головой, словно пытаюсь избавиться от мигрени, он открыл дверь и пригласил войти.

Свет, озаривший помещение тесноватого торгового зала, сумевшего вместить прилавок да несколько столиков, пробудил огромного пёстрого попугая в клетке. Клювастая голова повернулась одним глазом к входу:

– What's up, old chap**?

– Бывало и получше! – к моему сожалению, ответил индеец по-английски. – Алоха!***

– Ало-оха! Ало-оха!

Гавайской жизнерадостностью, общительностью, особым интересом к посетившим его «интуристам» Лейджелил похвалиться не мог. Об этом однозначно говорил его усталый вид, с которым он бухнулся на стул напротив холодильника. Мой, обыкновенный, вроде бы, взгляд удивил и рассмешил его одновременно. Убрав корзину под прилавок, он спросил с лёгкой усмешкой:

– The man doesn't speak English, right?****

Джулис неопределённо кивнула.

Толкнув дверцу клетки мощной рыжеватой лапой, на плечо индейца перебрался по руке попугай. Оставляя следы от коготков, прошёл к уху и, наклонившись, будто клюнул. Индеец кивнул, отрыгнув, и заговорил с девушкой, которая, забравшись в мою сумку, вытащила паспорта и дала ему. Лейджелил подержал в руках документы, пролистал, прочитав наши имена и данные, глянул отметки, потом потянулся к холодильнику, достал оттуда пару шарообразных плодов, указал на уборную.

– Клив, респект – фрукты помыть там...

– Хорошо.

Вытерев со лба пот, индеец включил кондиционер. В помещении со стеллажами, полными блестящих жестяных банок консервированного сока,

* Вот здорово, Витя!

** Как дела, дружище?

*** На языке гавайцев означало «здравствуй», «до свидания», а так же «добро пожаловать».

**** Мужчина не говорит по-английски, так?

холодной маринованной закуски в дорогу и спиртных напитков, стало прохладней. Включив гриль, он зажарил сосиски, сделал длинные большие хот-доги, приправив их чрезмерным количеством кетчупа и корейской морковки. Попугай по имени Алоха бродил по столу и раскрывал клюв, показывая чёрненький язычок.

– Are you hungry, old chap?*

Морковку, нарезанную песчинками, и семена Лейджелил насыпал на стол и, глядя как ест попугай, казалось, наслаждался тоже.

Джулис расспрашивала хозяйина закуской: интересовалась работой и вообще жизнью на Гавайях. Её тонкая любопытная натура знала, с чего начать разговор и как продолжить, как извлечь из собеседника нужные сведения. Глаза девушки чутко удерживали контакт – увеличивались, мигали, награждая за словоохотливость, и сочувственно гасли, когда индеец, теряясь в плохих воспоминаниях, опускал взор. Лейджелил, разговорившись наконец, прогнал с лица хитроватое недоверчивое выражение, с каким он нас встречал. Поглаживая попугая по гордой голове с хохолком, он даже проявил нежность к питомцу: надул щёки и взъерошил тому перья.

– Stop it**! – скрежетал Алоха, пряча голову под лапой.

Лейджелила мы застали, оказывается, по счастливой случайности – в тот момент, когда он собирался, закрыв заведение, отъехать к своей семье в долину. Тут подвернулись мы – пара доверенных знакомого, Джуниора. На нас он смело мог оставить и свой маленький бизнес, и своего большого пернатого компаньона. Работа не требовала особых талантов, как пояснила Джулис. Вытащив из тумбочки для нас безразмерную стираную одежду, хозяин пожелал нам успехов на поприще гавайского повара и официантки. Я обрадовался – мы вдвоём, у нас правильные документы, легальный заработок – повезло! Конечно, я не представлял себя пекущим шаурму в горах, но для начала неплохо. Индеец добавил кое-что по-английски – девушка отреагировала заинтересованно, и жест «ok!», проделанный пальцами, возвещал о данном ей Лейджелилом обещании.

– Не верить он в своя женщина. Она может с друг мэн, – позже объяснила Джулис. Я пожал плечами.

У Лейджелила совершенно не оставалось времени. Сказав, чем должны заняться в первый день пребывания на островах, индеец выпроводил нас, а сам закрыл заведение и с корзиной в руках двинулся в гараж. Туристы, решившие было передохнуть в закуской, недовольно поплелись дальше.

Гавайи – родина орхидей. Я убедился в этом, подойдя к саду местной больницы. Со стороны холма, на котором располагалось маленькое синее здание обсерватории, словно волнами накатывались огороженные деревянной белой изгородью кустарники орхидей. Их огненные стебли и венчики, золотистые, пурпурные, белые и цвета пасмурного неба, сливались в один яркий, живой ковёр.

За Джулис замечались странные поступки, обнаруживавшие пламенный темперамент, но в данный момент её поведение меня порадовало – девушка вела себя как самая примерная леди в мире. Никаких выходок и тем более заявлений по поводу моего равнодушного поведения в отношении её, такой

* Проголодался, дружище?

** Прекрати!

раскованной, красивой, страждущей. Энной суммы хватило, чтобы нас обоих привили от жёлтой лихорадки и, получив временный полис, я только сейчас обнаружил, что имя, с которым ко мне обращались врачи, новое. Джулис как умела, переводила:

– Лечение через полис – конец три месяца. Виза столько идёт!

Насытиться до отвала в гавайской кухне – вторая мечта Джулис на сегодня, первую она последовательно расписала в моём наладонном компьютере. Не выказывая ни малейшего интереса к еде после длительной прогулки, я чувствовал, что Джулис теряет терпение. Из примерной американской школьницы она на короткое время, словно оборотень, перекидывалась дьяволицей. Вскрикивала и тормозила меня не столько для того, чтобы заставить, измождённого непривычной жарой и духотой спутника выслушать полезное замечание, сколько из женской необходимости потренироваться управлять вниманием мужчины. Ну, и хотелось, конечно, просто прикоснуться ко мне – тоже способ поселиться и жить в моей психологической «интимной зоне» – оставаться привлекательной. Она всё-таки видела во мне «сильный пол»!

Сама доверчивость, девушка воспринимала и весь окружающий мир как идеальную поляну, на которой каждый мог развернуть покрывало для пикника. Наверное, то, что я не собирался немедленно соглашаться, было для неё отчасти неправильным и новым впечатлением. Хотя, неужели по-другому вёл себя с нею виртуал Эндрю?.. Информационная реальность андроида сильно отличалась от действительности... и мою Джулис это обижало!

Вдруг, оступившись на ровном асфальте, она упала, сбила колено. Кровавая ссадина стала поводом обвинить меня – недовольное выражение лица, сменилось гримасой отчаяния.

– Что я могу сделать? Сама не аккуратная. Идёшь как... непонятно что!

– Что ты говорить такое? – вскинулась раненая. – А ты...ты... – Щёки мгновенно запыхали румянцем. Вспоминая плохие русские слова, чётко выдала одно. Пусть оно не являлось очень плохим, но меня зацепило. – Я слышала ты в душе...так!..

– Какая ты вредина! – бросил я стыдливо. – Пойдём, наешься наконец!

Наверняка, путешественники, бывавшие на Гавайях, отдавали должное гавайской кухне, прославленной дарами океана. «Ломи-ломи» из рубленного сырого лосося, «Лау-лау» – рыба или свинина на пару, как ни пытался, не смог определить я, «Опакапака» из розового люциана... Не любитель острой пищи, но красный лук и меня не оставил равнодушным.

Я не разговаривал с ней – меня бесили её капризы. Она отреагировала как ребёнок: бросала на меня злые взгляды, губы надуты, лицо побагровело. Нормальный взрослый человек стал бы так себя вести? В непростых чувствах мы с подругой добрались до гостиницы.

А вокруг кипела жизнь, и радостное настроение у гаитян называлось словом «Алоха». Это слово входило в наименования многих местных компаний, и даже красовалось на гавайских автомобильных номерах – «The State of Aloha»*.

Мои обожжённые солнцем плечи приняли бронзово-красный цвет, покрылись лёгкой зудящей сыпью. Прикасаюсь к ней неприятно, и Джулис специально шлёпнула меня, вышедшего из душа, по плечу, и тут же, всхлипнув, попросила прощения. Я заорал от боли, а юная змеюка обиженно толкнула

* Штат Алоха.

меня в спину, пронзила залпом двух голубых блестящих ракет. И по тому, как она замерла, встав прямо и грозно, я понял, что моя малышка приготовилась к чему-то из ряда вон выходящему. К перебранке, драке, крику, к чему угодно, только не к миру. Существо, проснувшееся в ней, «готовилось к прыжку», но удаления для него словно не хватало.

– Витя, я не...не... Ты потому что – никакой!..

Манера Джулис общаться с другими людьми в моём присутствии, изумительно проявившаяся в её диалогах с Джуниором и компанией, с таксистом Сернером и с хозяином закусочной, индейцем по имени Лейджелил, со мной наедине превратилась в раздражённые выходки. Она от своего создателя – чёрт побери, от меня же! – получила особый дар – постоянно открывать в себе новые мотивы удивления и раздражения окружающих. Я даже предположить не мог, каким кошмаром обернётся мной сочинённый «креативный блок»! Всё то, что послужило самообучению машины, теперь оформилось в настойчивую личность девицы с непростым характером.

Мы оставались с ней наедине, но словно находились в разных комнатах – сомнение и горечь разочарования нас пожирали изнутри. В отличие от меня, девушка не умела и не хотела скрывать свои чувства: слова её обиды, доносившиеся из той, во всех смыслах «другой комнаты», скользили мимо, мои слова лежали мрачным валуном на дне реки её красноречивых излияний. Ни у меня, ни у неё не было опыта реальных долговременных отношений пары. Различие холостяцких понятий о ролях, о том, как кто обязан был себя держать, как поступать, какие совершать маневры по отношению к партнёру, или оказывать знаки внимания «половинке» – всё это побуждало нас к конфликтам по любому смехотворно малому поводу, но чувства нас обоих приковали друг к другу неотрывно.

Я ничего не делал, просто жил – терпел и ждал, но измотал и тело, и рассудок. По телу после её очередной истерики разливалась ядом муторная слабость. Всего трясло, дыхание с визгливым хрипом вырывалось из груди. А руки дрожали, точно у солдата, отбившего вражескую штыковую атаку. Я прилёг на минуту, чтобы забыться, наконец, потом подойти да обнять её, сказать, что сейчас приму пару рюмочек...

Проспал остаток дня и ночь, а ранним утром картина замечательного безмятежного пейзажа за окном – бассейна на фоне ярко-зелёной растительности, мгновенно поблекла – Джулис не оказалось в номере... не нашлось её и внизу. Оставалось отчаянно ждать и мучиться предположениями.

С исчезновением девушки время остановилось, а тоска, печаль и негодование едкой примесью повисли в тяжёлом гостиничном воздухе и придавили меня к кровати.

Звонок, раздавшийся в крошечной тишине, поднял меня на ноги, прогнал воспалённое воображение – необходимость срочно действовать, делать что-то простое и знакомое, всегда успокаивает.

– Ю шуд кам*! – сразу ответил я, понимая, что по телефону объяснить не смогу.

– Wait**!

Консьерж принёс мне карту города. Ткнул пальцем в точку, где находилась девушка, написал адрес на бумагу. Дал практичный совет... неужели в

любой части мира жест «посолить» значил – предложение денежных средств?

– Сенкью! – ответил я и попросил: – Тэкси.

В полицейском участке под названием «Gregory's County»* никто не улыбался и не сидел без дела. Бизнес-ланчи из «Макдональдса», пицца, обеды на вынос, а так же пончики и пол-литровые стаканы кофе поглощались на месте по причине избытка работы – в зале на скамейках люди сидели в наручниках среди охранников, которые запрещали им вставать. Глаза работников, делавших учётные записи, едва открывались, слезились, а пальцы неохотно перелистывали папки с делами. Укрывая зевоту ладонью, они поглядывали на время – смена заканчивалась. Стоял глухой шум постоянно работающего копировального аппарата, раздавались телефонные звонки, приходил факс. Пройдя по коридорчику, образованному охранниками, я встал перед толстым стеклом кабинки освободившегося от бумаг офицера.

– Ай нэу инглиш, бат нот ту гуд ту андестэнд ситьюэшн!**

Чувствуя, что никак не вспомню новое имя девушки по паспорту, сказал:

– Гёрл... – внешность я описывал не очень подробно. – Ай эм хё бой.

Внимательно выслушав мой спич на ломанном английском, офицер подозвал сотрудника, задержавшегося у копира. Тот проводил меня и, открыв дверь, впустил в коридор, затем в одну из больших комнат, где, прижав руки поясицей, на узкой скамейке пыталась заснуть Джулис.

– Ви... Клив! – обнадёженно воскликнула она, бросившись в мои объятия.

– Что ты натворила?

– Не спрашивать! – стыдливо пряча лицо, заплакала девушка.

– Я... Я не могу тут быть!

– Как вносить залог?

Джулис, повеселев, уточнила сумму залога за причинённый обществу вред.

– Тысяча долларов и пятьсот.

– Да... – вымученно улыбнулся я. – Так мало!..

Подписав бумагу новой фамилией, я наконец получил девушку на поруки. В офисе нашёлся чернокожий человек, кое-как объяснивший «предположительно по-русски», что, как пел В. Высоцкий, «в милиции делала моя с первого взгляда любовь».

– Проституция в малому вици и злодейство в магазини. Йэ програми для перевиховання, як вони називатися?..

– Дякую, друг щирый, не нужно! – ответил я негру.

– До побачення... – улыбнулся он, вернувшись за стекло.

Как будто ничего не произошло! По крайней мере, Джулис не давала ни малейшего намёка на событие, осевшее в моей голове непонятным пятном. Она вела себя спокойно, естественно, казалось, от этой выходки ей полегчало. Я не выдержал и, не скрывая гнева, спросил:

– Ты ни с кем не успела... злодейка магазинная?

– Нет, Витя. Я делать это для ты, чтобы ты не испытывать плохой чувство. Не понимаешь, да? Я тоже – много не понимать! Давай работать вместе?

Чувство безумного притяжения к ней во мне проснулось ещё в Москве, когда глядел на капсулу со спящей в зеленоватой мути девушкой, но только

* Округ Григория.

**I know English, but not to good to understand situation – я знаю английский не слишком хорошо чтобы понять ситуацию.

* You should come – вам следует прийти.

** Подождите.

сейчас я ощутил его прочность. Всё перемешалось: и любовь, и желание, и ревность, и непонимание поступков. Её чистоту и наивность я ни на что не променял бы, поэтому был готов сносить любые выходы Джулис снова и снова. Смирившись, я только вздохнул.

В номере царила тишина, лишь плавно изливала сухую прохладу кондиционер, а затем до моих ушей донёлся шелест воды из душевой. Капли прекратили разбиваться об пол, послышался скрип крана. Она вышла, а мне показалось, что только зашла.

Я решил восстановить нервы и долго не пьянел, поэтому в итоге выпил изрядно. Зашвырнув пустой штоф на лоджию, в заросли, глянул на часы своего наладонного компьютера – прошло почти сорок минут.

– Вот какой храбрый! – сказал я себе под нос, усмехнувшись. Заглянув на последнюю страницу электронного блокнота, исчерченную желаниями Джулис, я ничего не смог разобрать самостоятельно, и тупо перевёл через «Prompt»*. Повисев чуть-чуть, система резко выдала мне свой неуклюжий вариант дословного перевода, и тут же мини-комп издал звук, оповещающий пользователя о разрядке батареи. Слава Биллу Гейтсу – в розетке стоял переходник на евро стандарт!

– От стыда-то не покраснеешь? – пьяно расхохотался я, представляя себя в различных ситуациях, расписанных девушкой.

– С кем ты говорить? – нетерпеливо отозвалась Джулис из другой комнаты.

Робко присев на кровать в одном халате, она спрятала хмурое лицо.

– Ты что, детка, твой секс-мэн пришёл, – пританцовывая, я чувствовал себя неотразимым мачо. Наклонившись, полез целоваться, обниматься.

Побагровев, она наморщилась, стала чихать, шмыгать носом.

– Что с тобой? Вот я! Давай, крошка!.. Заводи меня! Бесо ме, мучача!

– Витя... – громко высморкавшись в салфетку, девушка растерянно поглядела на меня. Сверкающие в расчерченных светом торшера сумерках синие топазы выражали что угодно только не удовольствие. Испуг, страх и пелена отчаяния напоздли на них вместе с влагой. – Не понимать – плохо и тут и там. Ноуз – хрр...

– У тебя аллергия, что ли... на меня конкретно?

– Не говорить так, Витя!

Заметавшись по кровати, она всхлипнула:

– Не получится!.. Нет. Эт ол!

Зарывшись лицом в подушку, Джулис колотила руками по покрывалу, глухо плакала. Я обозлился и рывком развернул её на спину, убрал не высушенные волосы с лица девушки. И замер в нерешительности: лицо Джулис сардонически улыбалось, а глаза застыли, покрылись стеклянной пеленой. Приступы кашля, казалось, заставили её ноги дёрнуться и сильно лягнуть меня в грудь.

Свалившись на пол, я ударился головой и точно провалился в густую серую воду. Белые волны воздуха набежали, облизали, обдав жаром. С трудом выбравшись на невидимую поверхность, с которой просматривалась панорама московского Кремля, я увидел знакомого таксиста – Илюху, который стоял в «карманном местечке» на остановке «Мавзолей казака Гудвина». В руках он

крепко держал монтировку, указывал на Кремль, на летящего над ним человека, похожего на меня.

– Витё-ок, из кабалы заморской, мерзкой, да? – из носа Илюхи выдувались противные пузыри соплей. Человек курлыкнул, зеркально раздробился, как метеорит, размножился и полетел клином, оставляя позади в синем небе клубящийся след.

– Ты молодец, что выбрался к нам хоть ненадолго! Смотри: опять двуглавого орла сменяли на масонские звёзды! Я чувствую себя хорошо... убил вот этим ломиком масонку... – глаза Илюхи превратились в два злых алмаза, чем-то он напоминал Юхана. – Масонский символ, знаешь? Нет!.. Циркуль-белок?.. При мне вытащить ЕГО в моей машине, значит огрести по полной... тебе ведь знакома она?! Я про масонку. Бабку ненормальную, она притворяется!..

В изумлении рассмотрев окружающие предметы, я понял, что лежу на кровати. Девушка, как две капли воды похожая на дочку моего бывшего шефа Юхана Винкстрёма, в халате, сидела на полу, откинув голову на разодранную точно когтями гостиничную подушку.

– Так... примерно понимаю, что со мной случилось?! Ух, голова... – болезненно вздохнул я, трогая большой синяк. – Не надо алкоголя, понял!..

Спина болела так, будто меня по ней не раз отходили палками.

– Ты не пить такое вообще! Я не знаю, что реакши такой сильная. Прости, Витя.

– Хватит пускать нюни, прекрати. Раздражаешь – хуже некуда!

– Что значит?.. Лейджелил телефон говори. Завтра утро – быть при работе!

Закивав, я повернулся на бок:

– Принеси льда в полотенце, попить чего-нибудь... и постирай свою одежду!..

***

Лейджелил Арем был человеком занятым, поэтому его пришлось ждать. Мы сидели на спортивной сумке, затем полулежали на зелёном мху в тени, сползшей с каменной стены. Тень от скалы, до обеда грозно увеличивалась, набросившись на пустой беззащитный магазинчик, но тот выстоял и теперь, пристыженная, послеобеденная тень медленно отступила с дороги в долину.

– Ты вылакала свою колу целиком и хочешь допить мою? – возмутился я. – Если прождём неизвестно сколько?.. Да на ты... на! Прогуляйся... Я не кушал, куда тянешься? Мой бургер!..

– Ну...

– Ешь ты, на!..

Хозяин закуской всё не появлялся, и сотовый телефон молчал. Не ловит здесь, что ли? Стемнело.

Вдали, покрытые густой тёмно-зелёной порослью от подножий до вершин, ребристой стеной высились горы Коолау. Огромная луна затопила безбрежным светом неострые зубцы. Окутанные туманной лунной пылью, они походили на башни сказочной старинной крепости, что выстроили великаны. Живописное экзотическое место – где-то тут снимали сериал «Остаться в живых». Наверное, бункеры в кино самые настоящие.

* Электронный переводчик.

На фоне залитой серебром долины, чуть поодаль от невысоких тупых вершин, тропический лес темнел мыском треугольной формы. Поперёк долины шли ветроупорные могучие деревья, и часто ветер с океана, застревая, гудел шатрами их листвы. За искусственно насаженной лесополосой – особняк губернатора, здесь, под охраной вулканов и военных, чиновник чувствовал себя в абсолютной безопасности.

Деревья, земля, горы, особняк губернатора застыли, иссушенные лунным сиянием; безмолвные и мёртвые в ночи, они навевали грусть. Кольхался на проникших туда холодных воздушных потоках лишь американский флаг, подсвеченный одиноким прожектором... Ни тебе плеска реки, ни дымка костра с запахом ушицы... Тут не надо даже защищаться от мошек, комаров, оводов – скука мертвецкая!

– Ты что, Витя? – Джулис вернулась, возвратив бумажный пакет и пустую бутылку. – Лицо такое... вот!.. Я оставить ты «ам-ам».

В пакете ещё «оставалась в живых» добрая половина гамбургера, но есть не хотелось.

«Додж» нашего работодателя объявился только после заката.

Припарковавшись у закуской, Лейджелл устало выбрался из машины. Сама непосредственность, Джулис, выскочила из тени и набросилась с упрёками на индейца:

– Oh, my God! – и далее по смыслу... Минуты две она буянила, словно была дочерью неистовой Пеле, хозяйки всех вулканов в округе.

Судя по голосу, тот извинялся за опоздание. Обыкновенно сдержанный, индеец словно проснулся – рукоплескал, перебрасывая блестящий взгляд с меня на девушку, сердито воткнув руки в бока. Казалось, Лейджеллилу не хватало духа семейных сцен, и поэтому он позволял ей говорить на повышенных тонах. Джулис оторвалась на нём за всё наше вынужденное дневное безделье.

Поместив нас на матрасы, лежащие на полу в одной комнате, индеец взгляделся в моё искажившееся лицо:

– With so good girl!..**

Я пожал плечами.

Он позвал меня в другую комнату. Пригрозив пальцем, что-то сказал непонятное – даже не на английском. С чего он взял, будто так я лучше его пойму? Но я на всякий случай согласно кивнул. Неужели мне следовало реагировать как-то иначе? Похоже, в обычае здесь были вещи, как будто не подвластные моему рассудку.

Вернувшись, мы перенесли DVD-плеер и телевизор в комнату Джулис, а матрас – в другую, ко мне. Девушка, выбежав из душа с кислой миной, встретила в коридоре Лейджеллила. Тот показал несколько дисков, ухмыльнулся. Как ему удалось успокоить её? – поразился я, выглядывая из своей комнаты.

– Tomorrow I will tell you guys about job***, – сказал Лейджелл, положив на скамейку в коридоре два белых аккуратно сложенных полотенца.

– Ок, – подмигнул я, направив на него указательные пальцы обеих рук, так же, как делал Джек.

Ночью я проснулся от духоты и лежал, ворочаясь, без сна. Поднялся,

* О, боже мой!

**С такой хорошей девушкой!

***Завтра я расскажу вам ребята о работе!

наощупь отыскал пульт управления кондиционером, но скоро потянулся к нему снова, чтобы выключить. Замёрз.

Решившись выбраться под открытое небо, я пожалел – по земле сновали неизвестные, пугающие размерами и формой тропические насекомые. Чудовища-инсекты на крючковатых ходулях бродили по парапету мраморного фонтана, забирались на пластмассовые столы и стулья открытого кафе, висли на стены и москитную сетку, с грохотом скатывались с крыши, раскачивались от ветра на листьях-ветвях древовидных папоротников. Какие-то жуткие крупные пауки плели свои ловчие сети меж толстых губкообразных стволов. Всякое желание ночевать на природе при виде этого сгнуло у меня навек. Я ещё заметил, как в земле, посыпанной гравием, образовалось небольшое отверстие, из которого показалась уродливая вытянутая морда со странным носом. Существо резко выпрыгнуло из норы и начало гоняться за пробудившимися обитателями площадки. Пузатым, большим и медленным «по жизни» фатально не везло.

Проследив, чтобы твари не пролезли внутрь дома, я захлопнул дверь, подумал: «Эх, хорошо у нас на севере, в благоустроенных домах! Но как они тут в хижинах живут?» Захотелось пить – холодильник находился в кухне. Старый пол в коридоре под ногами скрипел, поэтому пришлось идти на цыпочках и держаться у самой стены.

Индеец спал в кресле, положив ноги на прилавок. Его громкий храп разбудил Алоху и тот, выйдя из клетки, потрепал клювом хозяина за короткий рукав рубашки:

– You got crazy, chap!*

Лейджелл не реагировал, и возмущённый попугай сильно ущипнул хозяина за плечо. У того спросонья вырвались резкие слова.

Я поспешил к себе в комнату. Дверь к Джулис закрыта, но внутри работал телевизор. Подслушивать нехорошо, но я не удержался – звука почти не слышалось.

***

Алинные лучи утреннего солнца отражались в мозаичном орнаменте потолка, яркими пятнами поблёскивали на картине, где изображался разграбленный индейский посёлок и горящие жители. На стуле, придвинутом почти вплотную к моему матрасу, девушка разложила нехитрую косметику – наводила макияж. Глядя больше на моё спокойное дремлющее лицо, чем в зеркальце, она положила загоревшие красивые ноги на матрас возле подушки.

– Не спишь. Нравится?

Надев очки, я рассмотрел ногти на ногах девушки, окрашенные в малиновый цвет с лиловыми полосами. Ага, соответствует характеру.

– Да, неплохо, – обычно с утра мой голос звучал однотонно и равнодушно, но сейчас я придал ему живость.

– Завтрак, а ты спать.

Мне пришлось подняться – она попыталась заглянуть под покрывало. Сев на матрасе, я закутался в одеяло, отходил ото сна, украдкой посматривая на сияющую Джулис. Волосы она гладко зачесала назад и стянула на затылке в строгий узел.

* Ты сдурел, дружище!

– Тут нравиться ты тоже?

На узкие миндалевидные ногти рук нанесла узор из разноцветных орхидей.

– Целовать красивые руки, – попросила она.

– Если очень хочешь...

– А давай, давай!.. – звонкий и радостный голос поднимался из её груди, точно из чистого горного родника, выпуская на волю смелые фантазии юности. И пусть некоторые из них звучали на английском языке, но сильную, волнующую душу и тело вибрацию я чувствовал.

– Давай... попробуем поработать вместе.

Ангельское лицо, казалось, светилось изнутри. Бледно-красные губы весело сложились бантиком. Только сейчас я заметил три крохотные родинки на её зарумянившемся плече. Плавная линия Млечного Пути будто сошлась в её тонкой талии, коснулась крепких бёдер, на которые медленно опустились руки. Она стремилась поделиться вспыхнувшим в груди бесконечным источником вдохновения со мной. В это позднее утро она выглядела действительно потрясающе. Звёзд, мерцавших прошлой ночью над хаотически движущимися существами, солнечных лучей, поселившихся в моей комнате, дыханий свежих ветров, рождавшихся из тёмно-синих небес океана, не хватило бы, чтобы описать Джулис.

Лейджелил, оставив на расходы крупную сумму денег, своё перо, наказал следить за попугаем. В этот раз индеец покидал магазинчик-закусочную на неделю. Он о чём-то серьёзно толковал Джулис. Девушка уверенно кивала и, приставив руку к сердцу, отвечала: «Ок!» Как они быстро нашли общий язык?! Прямо родные.

Я недоверчиво наблюдал за ними из кухни. Сняв с вешалки чистый фартук, расправил его, обтянул свои узкие бёдра, провёл тесёмки вперёд и за спину, но завязать на ощупь, не вышло – Джулис помогла.

Пока керамический чайник накалялся на плите, мы вышли на свежий воздух, на зов Лейджелила, который лопатой закапывал нору ночного охотника на насекомых.

– Менехуне! – ругался он. Менехуне – это гномики такие, пакостливые.

Его хрипловатый голос растормошил дремотную атмосферу площадки, кишевшей в прекрасный утренний час рогастыми улитками.

– God saves somebody who thinks about the night spending on the fresh air*, – вымученно улыбнулся индеец. – Damned creature... doesn't take my present!** – Подняв коробок, закрыл его, бросил в урну.

Присоски здоровенных, как на картинках в ботанической энциклопедии, улиток намертво прилипли к пластиковым столам и стульям. Отрывая их, Лейджелил ругался по-своему – по-индейски – липкую слизь приходилось оттирать специальным средством.

– That's your everyday work***.

– Ок, – согласился я.

Погрузившись на свой бледно-зелёный «Додж», индеец распрощался и отчалил.

В людях мне нравились обаяние и приветливость, но оценивал их я за поступки. В каждом движении девушки, жесте или словах угадывалась тихая

* Слава богу, что ни у кого не возникла мысль провести ночь на открытом воздухе.

**Проклятое создание... не берёт мой подарок!

*** Ваша повседневная работа.

радость. Она совсем не напрягалась, чтобы вести себя как подобало. Никаких выходов, дерзостей.

Войдя на кухню, Джулис шире открыла окно. При этом ничем не уцепила меня, даже не шлёпнула по ягодицам. Что с ней? Приклеив на холодильник примерное расписание посетителей – туристов из долины или любителей дельтопланинга*, сообщила о приходе третьей работницы, которая будет стоять за прилавком.

«Ах да – я обещал, но не помню что именно!» – мысль покалывала кончики нервов, оставляя на них частички страха.

– Ты – порядок? – вдруг спросила она.

– Да, конечно, – не сразу ответил я.

– Не волноваться, я думаю, что много уметь... это про готовить есть и другое там аутсайд**.

Введя названия блюд меню в электронный словарь мини-компа, я получил дословный неуклюжий перевод. Обследовав холодильник, мысленно собрал имевшиеся ингредиенты и поразился скудности предстоящего обеда.

В кухне витал душистый аромат печёного теста, а от ананасного сока, пролившегося в духовке на противень, распространялся приятный кисло-сладкий вяжущий аромат. Встав на каменный бордюрок клумбы, любопытная Джулис заглянула на кухню. Пока одна моя рука отбивала кусок курицы на доске, другая орудовала в сковороде деревянной лопаточкой, переворачивая в шипящем масле рыбу. Белые бока румянились, вызывая прекрасный аромат. На другой сковороде завивались прожаренными краешками аккуратно нарезанные полоски бекона.

– Не знала я ты готовить еду хорошо.

– Не подглядывай, – двумя пальцами я ущипнул её за нос. – Заказала учебники?

– Через пять дней, может, позже.

Гости – туристы, стремящиеся обозреть долину с вершины Каала – шумно подходили к магазину.

Она суетилась точно мышка, чуя запах оставленных чипсов «Lays». Измождённые жарой, страждущие еды и питья, посетители нетерпеливо ждали за столами. Дети играли в мяч и, не рассчитав, запустили его в долину. Даже до моих ушей, перекрывая шумное шкворчание свинины, доносились детские всхлипы, которые родители стремились успокоить обещаниями купить новый – потом, а пока поиграйте в лото. Пожилой толстосум, американец, предпочёл компании одиночество – он сидел за столом в полном сосредоточении погружённый в собственные мысли, попивал охлаждённый ромово-ананасовый напиток пина-колада... никто не пытался разделить с ним столик.

Джулис порхала между столиками, резво выполняя заказы. Приглашение провести с кем-то из них свободное время Джулис воспринимала неопределённым кивком или неконкретным ответом. Кое-кто осмелился предположить, что повар, время от времени бросающий любопытный и немного рассерженный взгляд, её бойфренд. О происходящем она, смеясь, рассказывала мне, вынося из кухни заказы. Так прошёл первый в нашей совместной жизни трудовой день, в хлопотах по кухне и по обслуживанию посетителей.

Удивительно, но мне даже понравилось это занятие, словно я открыл

* Delta planning – спорт, включающий планирование на дельтапланах с высоких вершин.

**Outside – снаружи.

новую черту характера. Уход от одной сферы деятельности целиком погружал в другую. Экспериментируя с продуктами, я даже записал рецепт новейшего мною изобретённого блюда. Джулис помогала, но иногда не хватало ингредиентов. Наконец творческие возможности по созданию гавайских блюд из продуктов, бывших в наличии, достигли предела. Пришлось запустить мамин фирменный «заморский» проект – «акрошьяка а-ля зибир». Ничего, что вкусовые качества гавайской колбасы отличались от характеристик марки «Омского бекона», однако огурцы, зелёный лук, салат с петрушкой и редька почти такие же. Хвала японской кухне, популярной на Гавайях. Плохо, что на территории пятидесятого штата Америки не находилось кваса, но минеральная вода заменила недостающую составляющую окрошки.

После презентации американской публике этого необычного вида овощного рагу, я замечал туристов, пытающихся выведать секрет блюда. Они с интересом расспрашивали о рецепте вкусного холодного супа Джулис, но девушке секрет не был знаком, а я совсем не выглядел простачком в глазах «промышленных шпионов». Кстати, неплохим получился борщ из маринованной капусты, болгарского перца и ананасов.

Во второй половине дня начался дождь... настоящий ливень с грозой, со страшными раскатами грома, отдававшимися эхом. Каменные стены громады Каала дрожали, осыпались пылью мелких камней. Над ними стало небезопасно, поэтому водители, находившиеся на дороге в момент разыгравшейся стихии, спешили припарковаться у магазинчика, ну и перекусить заодно, дабы прогнать страх, напущенный гневом прародителя людей Кане-Хекили, творца Земли и обоих Небес, громовержца. Коренной житель считал укрытие под крышей от священной влаги кощунством – маленькая чёрная фигурка застыла в молитве под выступом скалы «The reflection of Kane's bared teeth»* на фоне полиловевшего неба.

Третьей работницей «Heaven's Hill» оказалась та самая «неблагонадёжная» женщина Лейджелила – Соэра. Её обтянутое дождевиком из прорезиненного шёлка тело действительно держало прекрасную форму, и это внушало уважение к обладательнице фигуры. Неопределённого возраста, она не уступила бы двадцатипятилетней леди. Наверняка не здешняя – красивые жёны аборигенов должны быть полнотелы как хавроньи. Кокетливая манера общаться с посетителями, глубокий мелодичный голос. Соэра излучала безграничное радушие. Теплота, исходившая из недр её существа, казалось, согревала промокших гостей, добавляла им ощущения уюта. Кстати, превосходно дополняла мою подружку Джулис.

– Вы не помните своих родственников? – спросила она толстого как сарделька немца, блондинистого, с кислой физиономией. – У кого из них голубые, как море, глаза?

Мимолётно её немигающий, томно переливающийся желанием взгляд пронзал очередного гостя.

– Возможно, у вас старинные корни. Говорят, что у кого такие замечательные голубые глаза – тот видит тайные помыслы другого человека. Вода, знаете ли, многое помнит и на многое способна! Если цвет океана отражается в глазах, то человек перед вами очень достойный, благородный и, быть может, даже видит других насквозь, как шаман.

* «Отражение Оскала Кане» – перевод с языка коренного населения островов.

Белобрысый немец был приятно ошеломлён.

– Вы пройдите... – добродушно улыбнулась она, загадочно опустив глаза. Образовавшиеся в уголках очерченных углём глаз необычно-красивые ямочки приковывали внимание. Лёгкий нездешний акцент её и пальцы, унизанные золотыми кольцами, невольно примечались очень многими. – Перекусите. У нас чудесный повар. «Okro-shka», «Borsch»** вы ещё нигде не пробовали?

– Второе пробовал... дедушка... в России... ему тогда не понравилось. А первое – никогда.

– О-о, – мечтательно закатила она глаза. – Вундербар!

От дождя столики на улице укрывал раскладной пластиковый прозрачный навес над площадкой. Гостей заведения в эти таинственные сумерки охватывало необъяснимое чувство спокойствия, примирения с природой, испортившей путешествие. Плотный стук больших капель по крыше и редкие раскаты грома не вносили даже малую кислинку в ванильно-шоколадную атмосферу, созданную женщиной Лейджелила.

– Вы не слышали легенды о природе Островов мечты? – удивилась она.

Соэра повествовала, стоя за прилавком, а посетители, наострив слух, тихо сидели, даже забывая жевать, чтоб не хрустело в ушах. Утоление голода для них, переживающих дождь в «Небесной гавани», превращалось в духовную трапезу литературных гурманов. Да, рассказывать истории эту удивительную женщину упрашивать было незачем. В запасе у неё имелось неистощимое обилие секретных ингредиентов неповторимых блюд необыкновенного обеда.

Подошло время как бы невзначай заплатить за предоставленный кров и пищу. Поражённые в самое сердце искусством слова, манерой движений, эффектной внешностью Соэры, гости с удовольствием опустошали свои кошельки и кредитки.

– Еврочеки... да вы богаты сэр!.. На Гавайях, к сожалению недействительны.

Отчаяние, лёгкий испуг, поднявшийся из бездонного омуты души, отразились в глазах американца.

– Ничего, сэр. Сейчас...

Звонок по сотовому куда-то в главное отделение «ВВ&Т»*** – и гость, спасённый, обнадёженный, проговаривал номер счёта.

– Вы слухайно, дама, не знакомы с искусством гейши? – поинтересовался низкорослый японец.

– Я слышала, видела и читала... – тихо, изменившимся голосом и почти-тельным наклоном головы она выразила уважение к возникшему интересу японца. – До настоящих мастериц, владеющих столь изящным искусством, мне много учиться. Возраст, видите ли...

– Нет-нет, вы прекрасно выглядите!

– О, спасибо. Как ваше имя?

– Нода Ичиро!

– Ичиро-сан, – поклонилась она. Её руки сдержанно опустились до колен.

Соэра была европейкой лишь по месту жительства, свои очаровательные черты она получила по наследству от матери полинезийки и мигранта отца – ирландца, влюбившегося в темнокожую трудолюбивую красавицу. Острый

* Окрошка.

** Борщ.

*** Распространённая в Америке сеть банков.

подбородок, скуластое лицо, курносый нос и широкий лоб – наследие Полинезии, а хитрый загадочный взгляд фиалковых глаз, желание скрыть явное и многое другое – досталось от авантюриста из Ирландии. Короче, Соэра выглядела как цивилизованная дочь Татарстана.

Но чувственное тепло в ней, вызывающее бурю восхитительных эмоций, могло предательски вильнуть, разразиться холодным дождём и ветром, секущим молодую листву неопытных напыщенных юнцов и чересчур уверенных в себе богатеев. Лейджелил, мужчина Соэры, мог догадываться, что не только он один занимал сердце красавицы, но предпочитал не задумываться об этом, так как без неё стало бы трудно справляться в магазинчике.

Остаток дня, под хмурым покровом из клочковатых облаков, «Небесный холм» скучал без посетителей. Соэра, заявила, что ненадолго покинет Джулис и меня.

Оттирая плиту от бледно-жёлтых пятен и разводов жира, я не понимал, о чём шла речь, но по интонации Джулис догадался, что дела в порядке, и пора распрощаться и отдохнуть после напряжённого трудового дня. После того, как Соэра удалилась, Джулис проследила, куда она дошла. У второго от магазинчика указателя её подобрал высокий парень с золотистыми кудрями. Его светло-оранжевый форд, взметая из-под колёс брызги луж, опавшую листву, устремился в направлении Гонолулу.

Управившись с делами, я решил прогуляться на сон грядущий, пока не повылазили ночные кошмары. Глубокие лилейные тени, освещённые луной участки на ближних и дальних склонах ребристых гор Коолау, явили мне мир, потрясающий воображение мощью и богатством оттенков серебра. Тёмные и меловые линии замерли на колыхавшихся от неугомонного ветра деревьях, прыгали по движущейся шарообразной крыше обсерватории на вершине горы. Вблизи виднелась водонапорная башня, её большеголовый медный силуэт вырисовывался на фоне тёмно-голубого звёздного полотна.

Я трус, боюсь «грязной» близости. Просто боюсь! Потому что мама была хозяйкой в семье, и меня воспитывала послушным и хорошим, а папа, великих талантов, просто был её мужем. Потому что мне не везло с подружками в школьные годы, хотя на моих глазах уже ходили парами, ссорились, похабничали, «мутили» сверстники. А мне всегда было страшно окунуться в переживания – я чувствовал в «отношениях» что-то опасное, разрушительное для моего покоя. Но вот со мною здесь девушка, которая меня зовёт, сама, и нет причин её избегать. Нет ни одной! А я неистощимо выдумываю те самые причины...

Набравшись храбрости, я наконец повернул назад. Перелез через наложенные рядами камни, оберегающие террасу от внезапного сноса в обрыв, в долину, сошёл с отлогого спуска, продолжающегося живой изгородью вокруг площадки. Возвращаться жутко не хотелось. В груди уныло звенели высокие струны, душу скребло скверное чувство неуверенности. Я слишком долго был деланно безразличен, но более не смел испытывать её терпение.

За mosquito сеткой в темноте появился и тотчас исчез силуэт Джулис. В доме блуждали сквозняки, качая причудливые фигуры, сотканые из лунных отблесков. Атмосферу таинственности не портил даже проснувшийся

Алоха. Его большая растянутая тень встрепелась на стене, выложенной панелями в индейском или пиратском стиле.

– Что ты долго там? – нетерпеливо позвала Джулис.

На белом покрывале она лежала обнажённая. Пропущенный сквозь москитную сетку лунный свет слабым шафрановым ситом оберегал её восхитительное тело, изящно подчёркивая каждую линию. Безмятежность и покой – качества, казалось, совсем не присущие ей. Дыхание прерывалось едва сдерживаемыми спазмами, грудь резко вздымалась, покачивалась, соски вздрагивали и вибрировали. Приподнявшись на локте, она подставила своё обрамленное волосами лицо под золотистую сеть света. Огромные глаза зияли темнотой, а губы, призывая прикоснуться к ним, вздрагивали при каждом вздохе. Сияние струилось из щедрых пор её существа, а внутри меня словно поселилось крепкое, незыблемое ядро, которое не подлежало ни модернизации программно, ни аппаратно.

Сделав несколько шагов к ней, прекрасной и ждущей, я с трудом освободился от одежды. Руки дрожали, не слушались, движения неуверенные и глупые, точно у подростка, учившегося любить. Искра, мелькнувшая в голове, будто бы вызвала перед глазами случайный незапланированный слайд – изобразила картину со стороны... Я увидел себя, неуклюжего и неопытного, пустого и невзрачного, причём не располагающего необходимой информацией. Стыд, точно сбой, вызвавший серьёзную ошибку в операционной системе, пронзил мне сердце. Глаза заслезелись, лицо исказилось. Порыв мужества смешался с треклятым комплексом неполноценности, с воспоминаниями, нехотая выбравшимися наружу из тайного их прибежища.

Она почуяла мою слабость, черты лица заострились, ожесточились. Её руки хищно понеслись по моему худому телу. Безоглядная природная дерзость страсти руководила ею точно марионеткой. Бурлящий поток крови разогрел тело девушки докрасна – лунная сеть на груди и шее зарделась.

– Что как не жив?.. – процедила она, рукой дотронувшись до моих плотно сжатых губ. Отобрав очки и отшвырнув, крепко схватила меня за шею. Сильно потянула вниз.

Руки и ноги будто онемели, колени подкосились, я упал на покрывало. Без очков взгляд выхватывал лишь очертания и неясные силуэты, а теперь, уткнувшись во что-то влажное, точно игрушечный лизун, пахнувший вишнёвым мылом, я догадался.

– Если не мочь ничего другое!.. – бросила она резко.

– Джулис... Джулис... – я глухо ворчал, как гром, замирающий в отдалении. Страх, оковы воспоминаний... Я не видел, но чувствовал, что сострадания в ней не больше, чем во взгляде тигрицы. По-прежнему отказывался покоряться власти...

– Вот...я... Так, да, так!.. – мои глаза покрылись пеленой от слёз. Капли появились на бёдрах девушки. Она усмехнулась.

Гнев, как одна из фоновых программ непроверенной системы, взорвал её.

– Не... несильный! Мощи нет. Зачем нужен, НЕМОЩНЫЙ?

Она словно выискивала, где у меня слабое место, и с вывертом всаживала туда иголки слов, которые морозящей тенью раскололи хрустальный барьер, скрывающий древнюю тайну. В голове раздавалось эхом:

– Немоощный, немощный!

Всё накопленное в сознании и душе выплеснулось наружу с истеричным сердитым выкриком:

– Прочь!!!

Она, надвинувшись, толкнула моё обмякшее тело. Всклипнув, я замер. Любовный пыл, точнее его остатки, иссякли вовсе. Нескончаемый поток возмущения девушки, надевавшей ночную рубашку, превратил меня в крохотное создание, в мучного жучка, притворившегося мёртвым.

Злой очаг красноречия угас, послышались шаги босых ног уходившей по коридору в свою комнату Джулис. Рваными крючковатыми облаками пронеслись в моей голове отвратительные образы, неприятные ощущения. Я словно через серую воду видел ночной оплетённый янтарной сетью мир. И вот – силы ушли, сознание нырнуло глубоко в темноту.

Утром она не разбудила меня... не пришла.

Перебравшись с пола на матрас, я начал прислушиваться, различил два тихих голоса, скрывавшихся за шорохом дождя.

Между нами появилась безучастность друг к другу. Джулис почти не разговаривала, целиком уйдя в себя. Заказы доносились до моих ушей исключительно с деловыми интонациями.

Соэра, почуяв неладное, заинтересовалась, в чём проблема, и, разобравшись, пришла нам на помощь. Женщина, улучив минуту, отозвала в сторонку мою подружку и говорила с ней до тех пор, пока лицо Джулис не просияло надеждой. Она мне потом пересказала главное:

– Твой приятель не самостоятельный, – диагностировала Соэра меня. – Привык полагаться на матушку, а добрая женщина активно ограждала сыночка-непоседу от неприятностей и внушила ему, что он, непутёвый, всегда должен слушаться маму. А сыночек и рад – ему так жить легче, когда за него думают и делают. Он всегда ошибался, а мама всегда знала, как лучше. И вправду случалось, как мама говорила. Хорошая мать, но чтобы чувствовать, что живёшь, надо не бояться ошибаться – нужен свой опыт. Этому учит папа. Или улица. Или армия. Мальчика надо заставить быть решительным, и тогда он станет самим собой. Знаю способ: «аттракцион». Муж вас направит, я ему напишу. Лейджелила встретите в яхт-клубе... За меня не беспокойся, душка. – Соэра погладила Джулис по прямым волосам, потрепав пальцами за подбородок. – Я найму помощников на любой срок.

– Он от вас без ума.

– Знаю, – тяжело вздохнула Соэра, отрешённо поглядев в окно. – В общем: думай о прекрасном.

– До встречи.

Прижав учебник русского языка к розоватому переднику, девушка попросила меня заниматься с ней каждый день после работы. Я обрадованно кивнул, надеясь сыскать в здешних местах преподавателя английского, потому что вместо Аракина за первый курс по почте пришёл другой – учебник английского, написанный одним из американских профессоров Гарварда.

Джулис, пряча хитрые глаза, подгоняла меня:

– Собирайтесь! У нас культурный программа. Не задавать вопрос!

Маленькая яркая птичка зависла над снежно-белым цветком орхидеи. Длинный изогнутый клюв проник в самое сердце цветка. Насытившись нектаром, пёстрая гавайская цветочница прошмыгнула в листву.

***

Несносная девчонка, доверчивая и глупая! Опять привязалась к постороннему мужику и нисколько меня не стесняется.

– Очень мало нам заплатили! – возмутился я вслух, разложив на сиденье четыре стодолларовых купюры веером.

– Потом больше дать, – перестав отвлекать водителя, ответила Джулис. Она притронулась к моей руке подобно рассвету, ласкающему горный грёбень.

Вдоль берега речушки, взявшей начало из лесного родника, из-под перьев мшистых папоротников выбивались пурпурные гроздья.

– Го-го, – вдруг повеселел я, заметив знакомый сорняк.

Тонкие унизанные нежно-розовыми цветами ветви клонились к чёрной и мучнистой, как садовый «осенний виноград», земле. Аллея из розового великолепия тянулась далеко, до самого пляжа, изобилующего песочными дюнами, вплотную подходившего к морской синеве.

– Here is your place! – произнёс водитель, выжидающе воззрившись на нас.

– Да, точно, – согласился я, передавая деньги.

Два пальмовых дерева наполовину укутались тенью, падающей от огромного жёлто-красного, точно заржавевшего камня, а верхние ветки их голых крон сияли на солнце. Превратившиеся в бледно-розовые сухие лоскутики, когда-то пушистые, листья устилали землю около пальм. Они напоминали утреннюю зарю или... я помнил свой детский носовой платок – вот такого цвета. Жгучие лучи полуденного солнца золотили свежую листву кофейных кустов, то тут, то там разбросанных по саду вокруг трёхэтажных коттеджей. Аллеи удивительных винных пальм, чьи гроздья ягод свешивались пышными гирляндами до земли, надёжно укрывали морской пейзаж, от посторонних взглядов.

Уточнив у местных жителей, Джулис указала на узкий проход между деревьями, похожими на букеты зелени с длинными, как дохлые змеи, прямыми листьями. Мой прищуренный взгляд выхватил начало узкой тропинки, что, спрятавшись под разноцветным ковром из увядшей листвы, вела с горки к яхт-клубу.

Эмоции накалились беспрестанно, я не выдержал, недовольно бросил:

– Ну и ну, найти не могли! Плутали, как заяц... Туда заглянешь, там спросишь – ответят, да не то, что надо, ни разу не услышал слова: «Yacht»**.

– Я спрашивал...ла, где Гавайи кухня, – отозвалась Джулис.

– Что? Кухня?!!

Негодующе прищёлкнув языком, я ускорил шаг, обгоняя её, чтобы первым ступить на тропу. Ноги проваливались в сухую листву, скользили. Хватаясь за стволы и крепкие шершавые листья, мы осторожно спускались. Джулис взвизгнула и, не удержавшись, рухнула на меня. Покатившись кубарем, мы свалились на мягкую песчаную дюну.

– Ты безрукая, что ли! – возмущённо заорал я.

– Змея, там!.. – оправдывалась она. – Рукой змею...

Мы поднялись, отряхнулись. Невдалеке увидели двухэтажный дом и стоящую у причала одномачтовую яхту. Указатель в виде фигуры сёрфингиста,

* Ваше место!

** «Яхта».

оседлавшего волну, раскачался, и норовил крутнуться точно флюгер на ветру.

Джулис чихнула. Улыбнувшись, обняла меня; я вымученно порадовался: добрались-таки. Тёмно-серые ступеньки выглядели из-за клумбы декоративной пальмы.

– Бежим, Витя, кто больше быстро туда!.. – её круглившись под сиреневым в белую крапинку сарафаном зад пружинил при каждом шаге, точно у резвой антилопы, убегавшей ото льва.

Высокие пальмы мауриции, «деревя жизни», сплелись ветвями с пушистыми листьями, образовав библейские кущи – сплошной тенистый, почти чёрный свод. Из водосточной канавы вдоль тропы, выложенной белыми плоскими камнями, спешил убраться бледно-коричневый краб. Джулис, поймав за клешню, сидела и рассматривала его. Прочитав на моём лице: «Какая мерзость!», и сообразив, что я испытываю отвращение к членистоногим, она решила воспользоваться положением и отыгаться за то, что я на неё накричал.

– У-у, Витя!

– Перестань, а! – сморщился я.

– Не бояться. Хороший! Взять с собой, правда, Витя?

– Выкинь эту дрянь, или тут доешь...

У подножия кокосовой пальмы, растущей за изгородью яхт-клуба, песок изрыт норами больших крабов. По пляжу разбросаны раковины головоногих моллюсков – пустые и обитаемые, красиво закрученные. Из одного выглядывали шарики круглых крабьих глаз. Лежат тут, дожидаются прилива. А самим выползти да поработать лапками – лень?

Зато двуногим было не до скуки. Вблизи красавицы-яхты в воздухе витал специфический запах: на лодочной пристани смолили и красили лодки, похоже, готовя их к соревнованиям. Через заросший дикой травой небольшой пустырь от дальних домов к ним шли маленькие помощники, весело переключаясь, несли корзины с едой и питьём.

Подходя ближе, мы с Джулис уже затыкали носы. Неугомонный ветер с океана доносил пресловутый «запах моря» – смрад разлагающегося донного ила и сгнивших водорослей, так любимый моряками. Спасаясь, мы почти врывались в заведение!

Внутри клуба на первом этаже занимались бухгалтерией два поджарых чернокожих паренька. Сосредоточившись на бумагах и подсчётах, совещаясь, они даже не заметили гостей. Человек, который важно сидел в кресле и потягивал через соломинку коктейль, был заместителем Лейджелила. Явно избыточный вес, казалось, сделал и взгляд его тяжёлым, мрачным, но, увидев красивую девушку в солнцезащитных очках, он осклабился. Записка от Созры рассмешила его, но была отправлена не в корзину, а в карман шорт. Оглядев нас с неприкрытым удивлением, он представился Томасом, пригласил пройти в комнату – в «каюту». И по голосу я понял, что мы могли чувствовать себя как дома, но не забывать, что в гостях.

Картины морских пейзажей и портреты мировых чемпионов по сёрфингу сочетались с поделками кораблей, коллекцией морских раковин. Распушённый китовый ус, словно клочок из бороды Каналоа, божества смерти и океана, висел под портретом отца Лейджелила в деревянной лаковой рамке. Если бы Томас говорил по-русски, или хотя бы медленно по-английски, то я понял бы, что отец Лейджелила, Келир Арем, погиб десять лет назад в Африке в алмазной шахте.

***

Смерть в шахтах оставалась обычным делом при добыче алмазов. Без подобающей экипировки обходились разве что самые отчаянные авантюристы.

Нырнувший в жёлтую мутную воду шахты, зажатой в твёрдой горной породе, мужчина по имени Келир отличался храбростью и терпением. Без акваланга, просто зажав в зубах каппу и таща за собою шланг от компрессора, он стремительно и ловко двигался в затопленных коридорах, полагаясь лишь на осязание и слабый свет герметичного налобного фонаря. Ум обжигала одна мысль – зачерпнуть со дна, и живо возвращаться на свет.

Не получая достаточного количества кислорода, мозг отключался, и тогда организм невольно впадал в сон, умирал.

Зачерпнув песок со дна, Келир вынырнул. По ладони разметались мелкие камешки, ни одного необычного.

– Арем, прекращай! – позвал друг. – И так побил наш рекорд. Шесть походов за час!

– В бригаде Серива числится столько же!..

– Врут они.

Келир побил рекорд бригады – конкурента, но и поднял другой. За позапрошлый месяц в шахтах погибли девять добытчиков, в прошлом – десять, в этом – на одного больше.

Фигурка Карага, старика шамана в набедренной повязке с гирляндой цветов вместо ожерелья, приятно пахла. Старинная, вырезана из сандалового дерева. Лейджелилу она досталась от отца, оставившего наследство, заработанное добычей алмазов в Нигерии.

Томас, выудив из книжки два синих билета, предложил выпить охлаждённый коктейль, закусить, как следовало, отдохнуть с дороги – хозяин клуба вынужден был задержаться в городе.

***

За волнорезом покачивались лодки и стоящие на якорях яхты. Десятки лодок и каноэ лежали на берегу кверху килем, сверкая свежей краской. Хозяева их, распрямив спины, гордо любовались своей работой. Время ужина наступило давно, поэтому они сидели на вынесенных из клуба раскладных металлических стульях и раздражённо посматривали на лачуги, ютившиеся в конце гавани. Собиратели венерок* до сих пор не появлялись в сгущающихся сумерках.

Прибывшие с океана рыбаки немедленно искали покупателей, улов сегодня оказался чрезвычайно богат. Масса рыбы – морского окуня и леща, лодки полны громоздящимися горой корзинами, – в глазах рыбаков отражались тревога и счастье одновременно. Здорово тут жить! Бухта мечты Джека Лондона и Александра Грина.

В маленьком прибрежном кафе на воде сидит парочка: я и Джулис, зашли перекусить. Прохладная влага омывает щиколотки, обувка сохнет на дощатой веранде.

– Витя, я знаю проблему... Ты не веришь в себя, а я не умею тебя себе. Созра много говорила. Мы не верим нам, понимаешь?

* Вид съедобного моллюска.

– Примерно, но я готов достичь совершенства, – я пожертвовал бы чем угодно, лишь бы Джулис, любимая, радовалась. Мы хоть и сердились друг на друга, ссорились, но никогда не расстались бы.

– Я приготовила сюрприз. Она сказала...

– А-а, Созра, – я представлял, какой это сюрприз.

– Думай, как я и всё стать будет.

Вода мягко перекачивалась через валуны и приятно полоскала босые ноги. Постукивая пятками по воде, девушка помогала мне доедать ужин.

– Ты потолстела.

– Где? – она принялась судорожно осматривать себя в талии.

– Да нет, наверное... Мне показалось.

– Наверно да? Или наверно нет?

Одинокая яхта сверкнула фиолетовыми, точно глаза Созры парусами в последних отсветах зари. Медный диск солнца наполовину терялся за вершинами гор вдалеке. Большие дутые облака отразили его прощальные лучи на гавань, гребешки океанских волн зарделись, точно рубины.

Ночью где-то в океане бушевал шторм, и здесь, на побережье становилось прохладно, поднимался ветер. Мой сон улетучился. Ныли облезшие плечи – за день вобрали столько солнечного тепла, что невозможно растратить. Нет, Москву я не вспоминал, но бессонная тоска по Омску возвращалась. Теперь приход унылого чувства сопровождался мыслями о том, что родные не в деревне всего за несколько десятков километров, а на другом континенте за тысячи...

Ковролин, постеленный в коридоре, поглощал звуки шагов. И всё же... Мой уход на прогулку под звёздами не остался незамеченным Джулис – открытая дверь впустила ветер, обезумевший и ледяной, занавески вздулись, точно паруса. Гулко разбросав предметы по столу, ветер разбудил мою любимую.

– Куда, Витя?

– Я не могу, не по силам мне!.. Возвращаюсь!

Наши отношения были очень важны для меня, выше всего драгоценного, но «второе я» заставляло меняться. И сейчас во мне будто жил другой человек. Или я просыпался – настоящий?

– Зачем взял вещи? – в удивлённых не мигавших глазах Джулис появились страх и укор.

Порывистые сильные вихри, разбрасывая солёные капли, яростно раскачивали фонарь, и тень хаотично металась по саду как вспугнутая летучая мышь. Свет огромной тропической луны превращал капли дождя на листьях пальм и папоротников в россыпи драгоценных алмазов.

Мне удалось лишь дотянуться до тропы. Дотянуться – в прямом смысле... Буйный ветер заревел в ушах и понёс, словно Бог, обиженный, что я отверг его подарок, намеревался подхватить меня и зашвырнуть в Сибирь без виз и самолётов. Маленькая сумка с вещами угодила под навес из деревьев. Сконфуженный я попытался подняться. Лунатик... Трус... Дурак!

Девушка нависла надо мной. Ни раскаты грома, ни мокрые вихри не пугали её. Два огромных горящих камня вместо глаз хищно уставились на меня. В лицо летели холодные капли, их размазывали мокрые волосы Джулис. Руки её, казалось, превратились в тяжёлое железное ярмо, и столкнута их с шеи не выходило.

– Задушишь... Джу-лис!..

– Что делаешь? Куда бежишь? А я? А я?!!!

В моей голове эхом раскатистого грома и свистом штормового ветра раздавался неестественно далёкий голос девушки: «Ты – мой, ты – мой!»

– Ой, прости, Ви-тя, – вдруг испугалась Джулис, опомнилась, отдёргнув руки, словно бы последней искрой моей жизни обожгла их. – Скорей в дом. Твоя вещь! Там... Подниму.

Белые стены здания яхт-клуба крепкие, надёжные как скала, но стёкла окон принимало мелкой дрожью.

Сонный Лейджелл, включив свет, спустился вниз, удивлённо оглядел нас, мокрых и встревоженных:

– Were you, guys, fighting?*

Джулис, мельком рассмотрев помятое лицо индейца, закрыла глаза. Прижавшись к моему плечу, напуганная кошка, увидевшая злую собаку, она молчала.

Закрытое на шпингалет окно вибрировало, но ветрам не поддавалось. На одном матрасе не так много места для двоих. Зато тепло. И пахнет так, по-настоящему, как пахнет родина... не Родина, что посылает на войну и не даёт обещанных пособий, а... место, где душа рождается... и находит покой. Сонные мысли... Недовольство и раздражение не то, чтоб унесло, а так – всё внутри будто размагнитилось. И в итоге, экстремально пообщавшись, мы загнули, прижимаясь, точно изнурённые прогулкой по новому дому щенята, тёплыми боками друг к дружке.

Свет восходящего солнца, чистый, промытый ливнем, отражался от луж, разбросанных по саду и пляжу. Зелёная сочная листва и травы изумрудно сверкали. Флаг уныло свисал с флагштока – безветрие. В глаза бросались сбитые лиловатые шапки невиданных цветов. Отломанные ветви охапкой выносил садовник – низкорослый худощавый гаваец.

Томас держал радиоприёмник на весу и, слушая сводку новостей, покачивал головой. Известия время от времени прервались музыкой. Он поздоровался со мной, хотел что-то предложить: объяснял на пальцах, чертил на песке прутиком... Некоторые слова я понимал.

Перспектива отдыха на судне, отплывавшем для добычи креветок, меня совершенно не увлекала. Шутил индеец неудачно.

– I guess you wanna visit the market on the water?***

По интонации я понял, что задан вопрос. Неверно истолковав моё молчание, Томас одобрительно протянул, кивнув головой:

– Олрайт!

На спокойной воде Новой гавани темнели пятнами маленькие суда – стройные корпуса, снасти, прикрытые брезентом. Любители ранних прогулок выходили в океан – одни на моторных лодках, другие ставили кливера и гроты. Красно-жёлтое солнце поднималось над гребнем Коолау, на время точно застывало, озаряя пространство и заряжая усердием каждую клетку организма заядлых рыбаков.

Томас, по пути весело болтая с Джулис, провёл нас мимо «лузера»***. Паруса на его посудине, освобождённые от чехлов, лежали кучей на палубе. Рыбак, растерянно озирался. Увидев Томаса, невесело улыбнулся.

– Он не живи тут, а обещал взять друзья на рыбу, – пояснила Джулис. – Опоздал... сам не умеет, как делать!..

* Вы, ребята, дрались?

** Догадываюсь, хочешь посетить рынок на воде!

*** Loser – неудачник.

День разгулялся. К обеду желудки заныли, а животы втянулись. Втроем мы подошли к рыбакам – самым удачливым, одними из первых вернувшимся с океана. Двое, старый отец и мальчишка, выносили на берег сети, синезелёные – не то от водорослей, не то сплетённые из лески под цвет морской воды.

В лодке у них, на дне – пойманная рыба. Я выбрал понравившуюся: жирную, серебристую, с гребнем на спинке. Дал старику пару долларов и отнёс поварам в кафешку. Тут же её и разделали, и пожарили с луком, и подали на блюде, с гарниром.

Время подошло к полудню, и Лейджелил, послушав прогноз погоды в очередной раз, отдал мне распечатанную на принтере карту группы островов, отметив на ней несколько значков шариковой ручкой. Перед тем как использовать её в качестве путеводителя, я и Джулис должны были кое-что передать от хозяина яхт-клуба одному человеку на «водном рынке». Томас вызвался сопроводить нас.

Бронзовый круг солнца, просвечивающий сквозь сероватые рваные облака, висел высоко. Рассекая маслянистую синеву волн, моторная лодка Томаса быстро доставила нас по назначению. Взяв направление на простор бескрайнего океана, Томас меня несколько озадачил. Я-то полагал, что мы пройдем вдоль береговой линии, и даже не догадывался, что «рыбный рынок» и «водный рынок» – не одно и то же.

На высокой скорости мы приблизились к, условно говоря, суше и медленно пошли по узкому проходу между рифов. По обе стороны фарватера за низкими песчаными наносами показывалось илистое мелководье. «Водный рынок» располагался вокруг цепочки коралловых островков, имевших форму разорванных колец, в каждом из которых заключена мелководная лагуна. Скоро стали попадаться на глаза морские птицы – фрегаты и альбатросы, спешащие в одном с нами направлении, и на подходе к островам уже кружило их великое множество. Выглянуло солнце, и серо-голубые зеркала спокойных вод заблестели, отражая очистившееся небо. Отгоняя птиц-воровок длинными палками, в них сбрасывали свой улов рыбаки. Непрерывной цепью лодки входили в один проход, а выходили из другого. Во как! Совсем аборигены обленились. Вот и секрет богатства и изобилия по-гавайски: хочешь – лови, хочешь – купи на «водном рынке»... излишки не пропадут.

Томас рассмеялся – система входа и выхода напоминала американский супермаркет.

Поодаль от рынка торчали жерди и прутья, образовывавшие круглые загородки для рыбы. Томас показал Джулис корзину и проделал жест, объясняя принцип работы такой ловушки. Рыба шла на прикормку, и когда нужно ей преграждали выход – этакая примитивная рыбная ферма.

Среди покупателей в лодках, покидающих рынок, было много подростков и женщин. И женщины, и даже молоденькие девушки, правили лодкой в одиночку. Ничуть не смущались – юбки до пола, зато оголены по пояс, и у многих на шеях красовались яркие бусы с подвесками, с медальонами. Красивые волоокские темнокожие самки вида гомо сапиенс, хотя и не все выделялись изысканством фигуры. Всё-таки тут свои особые взгляды на красоту.

– Витя! – недовольно произнесла Джулис. – Ты убрать глаза! Они... чёрные.

За спинами некоторых женщин привязаны малыши, глазевшие на нас с неприкрытым интересом.

У мола торчали из воды причальные сваи – четверные связки брёвен, стянутые поверху железным обручем в форме пилонов, образуя волнолом, чтобы сдерживать напор воды в непогоду. Вообще туземцы умело приспособливают для жилья местную растительность. Например, то самое «дерево жизни» – эти пальмы растут всегда кучей, и потому легко их связать и соорудить на недосыгаемой для воды высоте настил, ну и стены, крышу – дело техники. Из тех же веток и длинных веерных листьев. Тут пока что пальмы не росли, и хозяевам полезного коммерческого «заведения» пришлось завозить строительный материал частично с американской лесопилки. Хижин, сшитые из тонких стволов тростника, бамбука и сверху закрытые ветками, стояли на длинных столбах-сваях, их древесина не поддавалась гниению. Свайные сооружения поднимались выше пола, образовывали каркас стен хижин. Тут же закреплялись промежуточные вертикальные стояки, поперечные горизонтальные жерди, к ним крепились циновки. Из-за посеревших листьев и высушенных на солнце торчащих в разные стороны стволов рынок казался серым разворощенным гнездом.

Высадив нас на жердяной настил, Томас уплыл. Не успел я осмотреться, как один человек, перепрыгнув лодку с питьевой водой в бутылках для кулера, подбежал к нам. Джулис, передав ему записку и кожаный мешочек, пожала плечами на мой вопросительный взгляд.

Одна из хижин над водой имела окрашенные ярко-жёлтым цветом стены – отель на сваях. Его владелец, друг Лейджелила, Корра, добродушно принимал гостей. Пол и стены отеля сделаны из бамбука, а крыша из тростника на бамбуковой сетке. Пятизвёздочным не назовёшь, но имелись необходимые удобства: две уборных, ванная комната с джакузи и гидромассажем, плетёные кровати, погруженный под воду холодильник, даже телевизор, питающийся электричеством от огромного аккумулятора, портативный компьютер с «вай-фаем». Ради моей девушки, Корра заменил молодую темнокожую служанку женщиной постарше. Обнажая редкие крупные, как у лошади, зубы, хозяин отеля продемонстрировал, как посредством лебёдки вынимается из моря холодильник. Вопрос, возникший у девушки, я теперь понял дословно:

– Где настоящая гавайская кухня?

До ресторана путь лежал по воде, и Корра, сунув два пальца в рот, издал протяжный свист. С берега раздался точно такой же, ответный. Через несколько минут, пока гид увлечённо рассказывал про места, отмеченные ручкой на карте, за выпирающими из воды волнорезами, показалась чёрная точка. «Такси» с берега быстро приближалось. Это был четырёхместный пластиковый велокатамаран, очень устойчивый и довольно скоростной. Судёнышко свободно взбиралось на волну, не зачерпывая воды.

– Алохаауинала! – весело крикнул чернокожий худощавый парень, предложил занять места. Вопросы рождались один за другим, но я решил довериться девушке.

Толкнув от берега «морское такси», Корра разговаривал по сотовому телефону и одновременно, улыбаясь, помахал нам вслед.

Флотилия чёрных, как угли, лодок, вытянувшись вдоль разорванного кольца атолла, едва выступавшего над водой. Огромные, с носами, стилизованными как фигуры осьминога, лодки выстроились в линию между атоллom и мелководной косой. Я рассмотрел, что от кормы к корме натянулись почти невидимые в лучах солнца сети. На каждой лодке кто-то выкрикивал короткие резко звучащие слова, будто передавали команду. Наш туземец, подгоняя

катамаран, стиснул зубы и что-то сказал с досадой, ускорил движение ногами. Джулис пояснила:

– Большой такой, плавал, и двух людей съел. Shark...*

Вау! Мурашки побежали по моей спине, я невольно заозирался.

Владельцы больших лодок, взмахивая прутом с ярко-жёлтым полотном, возглавляли команду из множества маленьких лодок. Гребцы малых, мальчишки обнажённые по пояс, громко переговаривались. Одни беспрестанно работали вёслами, другие колотили палкой по деревянному борту. Малье лодки приближались к большим, сети смыкались. От грохота мог ошалеть кто угодно. Летучие рыбы, растопырив плавники, выпрыгивали из воды, перемахивая через борта, врезались в палубу и людей. Наверное, это больно. Гребцы, подняв вёсла, умудрялись точно бить по ним, отшвыривая в воду. Серебристая длинная и тонкая рыбина мелькнула над моей головой. Сети наполнялись множеством разной живности, но зловещей виновницы события, будто не существовало вовсе. Ну и ладно – купаться мы и так не собирались.

Вместе с флотилией больших и малых лодок наш катамаран достиг спасительного берега. Женщины выходили из хижин, воздавали хвалебную речь и выбирали рыбу из сетей, резали, потрошили и мыли. Вывешенные точно бельё, ломти искрились на солнце. Пахло сырой, копчёной и жареной рыбой. Три кораблика, нагруженных под завязку, медленно двигались на остров Кауаи, откуда спешили, чтобы принять груз, другие.

Джулис поделилась мечтой – попробовать запечённую по-местному свицию, запивая коктейлем «Май-тай». Если бы не обычай поглощения подобного кушанья, проходивший на закате солнца, то я сейчас бы вернулся и завалился в кровать, чтобы выспаться, как следует.

На закате на острова вползал малиновый туман, он обволакивал посёлок, ресторан и отель, скрывал силуэты лодок, длинные связки вяленой рыбы, вырезанные из камня фигурки на крышах хижин. Коричнево-красные, иссушенные солнцем выпуклые борта «плавучих домов» утопали в мерцающих пурпурных сумерках. Вечерняя тьма гигантским неводом опускалась на тихий экзотический мирок.

До этого времени Джулис и я терпели недовольное бурчание пустых желудков. Процесс поедания национального блюда гавайцев сопровождался танцами на площадке вблизи кухни и популярными в Полинезии фокусами с огнём. Затем нас, как влюблённых полили холодной водой из мелких деревянных ёмкостей, похожих на банный ушат. Широко улыбаясь, Джулис пояснила мне, ошеломлённому от неожиданности, что если я не заболею на следующий день от переохлаждения, значит, действительно люблю её. Нас, мокрых и не очень весёлых, подвели к циновке, где темнели пахнущие цветами карамболи неизвестные плоды, походившие на маленькие арбузы. В один из них, который выбрала Джулис, впрыснули через трубочку прозрачное вещество из деревянной ступки.

Это был щедрый подарок!

Наевшись всяческой ароматной вкуснятины, наплясавшись до упада в весёлой компании смуглых пышноволосях дев, выступавших топless, и разрисованных белилами мужчин, под утро были мы возвращены в отель. Вывешенное на просушку бельё светилось в сумерках. Покой туристов и порядок

стерегли два крепких паренька – сыновья Корры, который передал в их распоряжение сигнальную ракетницу и ружья, коробку патронов, начинённых солью и свинцовой дробью. Указав на глубокую заводь за волнорезами, он кое-что уточнял у моей девушки.

Внутри отеля тихо и свежо. Прохладой веяло от воды, глухой шум волны и ветра расслаблял, гоня усталость, навевая покой и сон. Завёрнутый в пальмовые листья, «Passion fruit»* дожидался своего часа. Джулис строго запретила лакомиться до поры до времени. Нетерпение не позволило дожидаться выхода Джулис, я тихо приоткрыл двери и заглянул в ванную комнату:

– Что мы тут делаем? Я не могу жить в неведении. Ой, извини.

– Ничего.

На её груди, наполовину погружённой в пенную воду, играли отблески луны, просвечивающие квадратиками сквозь бамбуковую сетку на окне. Во взгляде, нетронутым сном, загадочном и переливающимся янтарём, устремлённом на полосу рассеянного света, жило нечто необъяснимое и что-то подсказало – расспрос лучше отложить.

– Витя, – вдруг приподнялась она, прикрыв грудь руками. – Когда я родилась?

Неожиданный вопрос застал меня врасплох, и чтобы не ударить в грязь лицом, я оживился и, сделав шаг к ней, сказал:

– Разве я не говорил, что твой день рождения в день появления на свет моей мамы?

– Нет, – удивлённо покачала она головой, и в глазах отразились ошеломление и восторг одновременно. – Ты не говорил. В смысле – никогда не...

– Через пять дней.

– Ва-ау, так скоро!.. – выбравшись из ванны, она обняла меня. – Ну... трогай меня тут и там. Ага, хорошо, – встала она на носочки, чтобы моя неуверенная рука невольно прошла ниже. – А кольцо – подарок, прошёл?.. Обод!..

– Нет, я припас средства на случай!

– Почему ты не очень, ну вот: брр и тело твой так!..

– Ты... раздетая.

– Ну и что? Мы – не пара?

– Пара, ещё какая интересная!

Несмотря на то, что Джулис переполнял энтузиазм и жажда действий, она попросила выйти.

– Я не хочу тебя... чтобы ты вышел, понимаешь? – виновато проговорила она в приоткрытую дверь. – Ты можешь потерять я... тут есть с мылом. Хотя нет... я вдруг могу измениться. Оно не знаю, как происходит внутри я, потом сержусь, и страшно бывает.

Ночь прошла беспокойно – я просыпался от громкого плеска воды, резкого звука ударов в пол, который трясся, а от него вибрировала и кровать. Охранник – паренёк в кепке и рубашке-гавайке цвета прессованного тростника, увидев удручённого меня, вышедшего из отеля, объяснял на пальцах, почему подобное случается. В свете фонаря, покачивающегося от внезапных порывов ветра, лицо охранника настороженно изменилось. Его зоркий чёрный, как уголь, взгляд выхватил показавшееся из воды огромное торпедоподобное тело, от которого, казалось, исходил синеватый неоновый свет. Второй

* Акула.

* «Плод страсти».

охранник, разогнавшись, махнул через мостик, под навес. На крыше звонко забил колокол.

***

Итак, наша культурная программа, оказывается, началась гавайской свадьбой. Моей свадьбой!.. Не редкость у туристов, хотя не признаётся юридически. Нас поженили, вручив особенный напиток для влюблённых. Мы, помнится, не только отплясывали, ели, но и залезали в воду – рискованное дело, имея в виду непойманную акулу-людоеда... Омывшись и начиная новую совместную жизнь, мы отпустили леи в океан. Цветочные гирлянды прибило к берегу, и все присутствующие нас с этим поздравляли – добрый знак, умершие нам благоволят. пойманная акула, вероятно, также будет причислена на счёт нашего благотворного вмешательства...

Утром мы улетали в небо. «Аттракционе!» – объявил Корра.

Самолёт-амфибия старого образца стоял на поплавах почти у самого берега. Тень от крыльев, скреплённых железными скобами, пересекла потонувшую хижину, лишь её растерзанная верхушка, вся в водорослях, выглядывала из воды. Около руин домика изготовителя рыбной муки всплыли жерди от подвесного моста. Усатый лётчик, пучеглазый латиноамериканец в куртке и длинных штанах цвета хаки, покачал головой, наблюдая разруху, которую никто не спешил исправлять.

Топая к самолёту по длинющему жердяному настилу, я рассматривал запутавшегося в сетях монстра с маленькими точно у мыши глазами. Громадина какая, а мозга с кулачок да фигушку. Страшна была бы смерть в зубах акульих...

Пилот уже забрался в кабину и раскручивал винт. Надо торопиться.

Впервые за долгое время я и Джулис не выспались оба. Я выглядел так, будто повесился между сном и явью, и она, позёвывая, плелась за мной.

В небе, в тумане облаков, мы почувствовали внезапный прилив сил. Рассматривая синеву океана, острова, кораблики и лодки, воображали себе фонтаны, выбивавшиеся из спин китов, прыгунов дельфинов. Мы оживлённо перешёптывались, с удовольствием касаясь друг друга, девушка сидела на коленях у меня. Ничего, что с правого крыла свисал кусок чёрной изоляции, зато пилот у нас был лихой – норовил заложить крутой вираж, а то и мёртвую петлю, летел почти вверх брюхом и кричал:

– We are going down!*

Поворачивая усатое лицо к пассажирам, наблюдал реакцию на сей аттракцион, взирая сквозь смешные защитные очки большими добрыми глазами-фасолинами. Дребезжание стёкол «фонаря», то есть по-простому кабины, отзывалось дрожью бортов и пола, но я смело обнимал девушку и знал, что если пропаду, то с нею. Джулис, воспользовавшись своим хитрым положением, приступила к ласкам. Приникнув к моим губам, не давала продохнуть, лобызала и лобызала. Возбуждение от полёта быстро росло, и неожиданный поворот событий, когда лётчик вошёл в нештоточный штопор, и Джулис задрала футболку, обнажив грудь, отозвался громким стуком в моём сердце. Столь острых и приятных ощущений я не испытывал даже тестируя программы-имитаторы. Что можно делать в тесной кабинке под стеклом? Как

* Мы разобьёмся!

выяснилось, возможно многое – незабываемое, сладко будоражащее нервы!

Самолёт благополучно приводнился. Следом за Джулис и я походкой воздушно-морского десантника добрался до берега.

Прощаясь с нами, едва держащимися на ногах, лётчик невозмутимо курил. Две линзы очков, поднятых на лоб, поблёскивали на солнце, которое готовилось скрыться от стыда за авиаторов за посеревершими облаками.

– Витя, у нас получится!

– Думаю, да, – не сомневаясь, ответил я.

Маршрут карты указывал на гору Ваджалеате. Заблаговременно, ещё из отеля вызванный таксист доставил нас почти на самую вершину. Из-за площадки, с которой любовались морским пейзажем туристы, выглядывала рябящая в глазах оранжевая материя воздушного шара. Туристы на острове Кауаи ничем не отличались от тех, которые топтались на пляжах Оаху промез бакланов, но как-то уважительно и заинтересованно поглядывали на нас. И что-то часто в разговорах слышал я одно и то же: «аттракцион»...

Воздушный шар, оранжево-весёлый как мандарин, сразу вызвал у меня недоверие. И тёплые куртки на дне корзины дожидались нас, и выкрашенные в синий цвет металлические перчатки-краги прилагались, а нехорошее предчувствие вновь заставляло трепыхаться сердце. Я снова дал зарок доверять девушке, не спрашивая, хотя вид у неё был крайне подозрительный. Паренёк, помощник из местной закускойной, хитро скосив глаза, отвязал шар.

***

Натянутый прозрачный полиэтиленовый полог не защищал от мелкого дождя – он моросил, казалось, отовсюду. Горелка-автомат исправно наполняла шар горячим воздухом. Сидя на балласте, на дне корзины, и глядя, как быстро разбивались и скатывались капли воды, мы ощутили – будто жаром обдало! Не в силах передать словами свирепствующую в груди бурю эмоций, я гладил её по щекам, а лицо девушки расплылось в счастливой улыбке... Опасность и нежность... голубые топазы её очей, чистейший горный хрусталь взаимного доверия.

Дождь укатился вместе с тучками, постелив над землёй влажное марево. Серо-лиловый горизонт понемногу сужался, сгущались сумерки. Скалы, кое-где выступавшие из воды, розовели в пурпурном отсвете прекрасного гавайского заката. Внизу летали чайки. Слегка волнующийся океан чертила пенящая линия – стройная яхта с косым стакселем, похожим на развевающийся флаг, двигалась впереди вереницы скучных каботажных судов.

Волнистая гладь отсвечивала аккордами оттенков алого и синего. Пунцовый клин, тянувшийся к проливу Кауаи от края мира, гаснул – солнце спряталось, мелькнул зелёный луч...

– Сейчас, – от холода дрожала Джулис.

– Не думал, что бр-р, такое... наверху, – дыханием я согревал ей руки.

Закрепив футляр с «плодом» на боку вместе с маленькой сумкой, я надел металлические рукавицы-краги. Поупражнялся, сжимая, разжимая, и, набравшись храбрости, взялся за канат. Джулис, изучив механизм, установленный на двух роликах под шаром, приготовилась выполнить инструкцию на обороте карты.

– Так, ага!.. – дрожала она в смятении. – Витя, один способ. Вот он!

– Не знаю, что произойдёт, но наверняка вскоре пожалею. Экшн*
 – Ок.

Дёрнув за ремень, она привела ролики и верёвку на них в движение...

Сцепив рукавицы на канате, мы испуганно глядели в глаза друг друга. Звук трения верёвки на роликах, щелчок... Корзина, отстегнувшись, быстро скатывалась по свисающему далеко вниз канату.

– Что натворила? – закричал я, переведя полный жути взгляд на открывшееся потемневшее пространство.

– Вниз экшн!

– Не могу, – процедил я, вцепившись в канат мёртвой хваткой – рукавицы, имевшие шершавую резиновую внутренность, позволяли висеть без напряжения. Но я так напрягся от страха, что, прикинув к серому канату, словно прилип.

– Я тоже много страха... во мне... Вместе!!!

В моём горле слова точно застывали, выходили глухим урчанием. Стальные оковы ужаса крепко сдавили волю в тисках сжавшейся в комок души.

– Хочешь всегда быть так... сил нет для нас?

Мои пальцы онемели и отказывались разжиматься.

– Смотри: делай как я! – Джулис немного скатилась, подняла голову. – Я узнала про аттракцион. Он страшный снаружи, но внутри – нет.

Обрывки слов и смысла дошли до моих ушей. Ослабив хватку, я обнаружил: спускаться можно. Медленно скатываясь, издавая утробное урчание, сравнимое с тем, с каким, встав дыбом перед соседским котом, Барсик пытался того пересмотреть, я всё-таки двигался навстречу бездне. Но главное ожидало внизу – днище корзины ударилось о воду и превратилось в надувной плот.

Спустившись с дьявольски страшных небес, я ожидал найти спасение. Не нашёл, и злость выиграла! Меня трясло от напряжения. Я орал так, что у самого волосы шевелились. Но теперь Джулис почему-то не стерпела моего возмущения и столкнула меня с плота, не взирая ни на что. Бултыхнувшись спиной, я нахлебался горькой воды и заколотил руками, ногами... Выяснив, что я не умею плавать, она, как ни в чём не бывало, попросила прощения и вытащила меня из воды.

Обомлевший, растерянный и подавленный, я отказывался верить в то, что мы одни посреди океана, мысленно молясь, чтобы не начался шторм. Глядя на выпавший из размякшего футляра, удаляющийся «плод страсти», я что-то бормотал себе под нос, а девушка обняла меня за плечо и молчала. Я вспомнил о том, сколько сюрпризов преподносил океан тому, кто жил на одном уровне с его поверхностью, и сник совсем.

– Будет окей, Витя. – Её прикосновения, подобно волнам, ласкающим мягкий шафран песка, успокаивали нервы. – Ничего, что брр... – Глаза Джулис, два горящих опала, взирали с надеждой. Их невидимая, но осязаемая магия, позволила вынырнуть из каменистого ущелья страха.

– Уверена, что нас найдут?

Девушка улыбнулась и как смогла доходчиво пояснила примерную цель нашего приключения. Элемент риска в том, что мы предоставлены друг другу, и то, что никто за нас не отвечал, не понравилось мне категорически. Лишь отдаваясь в руки слепой судьбы, можно узреть и оценить моменты, которые

нередко оставались незамеченными, впустую потраченными. Оказавшись на плоту, среди бесконечной глади океана, который способен покарать и помиловать, невольно задумываешься о людях, чья забота и внимание прошли бесследно. Ни пустой желудок, ни заросший подбородок, никакие посторонние мысли не волновали меня теперь – лишь несвязанные кадры из жизни всплывали в памяти. Почему-то захотелось подбодрить девушку:

– Я сделаю тебе, что хочешь и как хочешь!

– Ты обещал, помнишь? Не выполнил, а я... ничего!

Любознательные жители тёмной отсвечивающей лунным светом воды сопровождали плот. Золото их чешуи мерцало в чёрных волнах, как звёзды, слагающиеся в безмолвные послания астрологам и морякам. Воду вокруг, точно разбавили фосфоресцирующей жидкостью. Сверкающие рыбы напоминали раскалённые угли. Казалось, меня, промокшего, они согревали.

– Там деньги и наши паспорта, – покачал головой я. – Высушим, надеюсь, если доберемся до берега. Вон те огни вдалеке – берег?.. За что я тебя терплю? Ты... ты непонятная, не поддаёшься воспитанию. Что попало творишь и меня не спрашиваешь. Мне с тобой хорошо. Кто бы мог подумать?!

– Витя, – задумчиво проговорила Джулис, прижавшись к моей щетинистой щеке. – Почему нам не пойти в церковь и не пообещать быть вместе?

– Ого, – обрадовался я. – Признаться: я об этом думал и хотел сказать, но всегда откладывал по причине твоей невыносимости.

– Почему? Я не прошу носить я, а... меня.

Я вымученно улыбнулся.

Она сидела на корме плота, качаемого волнами, и время от времени резко запускала руку в воду, иногда выбрасывала на днище мелких рыбок, рыбки от пережитого шока даже не трепыхались. Я впервые похвалил Джулис – некоторые из них были съедобными.

– Суши, – я ни разу не пробовал сырой рыбы.

– Да, но суси обычно из другой... Хотя одно и то же.

– Жаль, что я потерял плод...

– Ага, он – сладкий!.. Ай! Кто там? – девушка подскочила, испуганно спряталась за меня.

При виде двух круглых светящихся глаз с вертикальным зрачком, внезапно показавшихся из воды рядом с плотом, и мне стало не по себе, но я бесстрашно уставился в них. Пересмотрел, как тогда Барсик... Осьминог, притушив немигающий гипнотический взгляд, ушёл в беспросветную глубину. Вот: слабый синеватый свет усилился на поверхности воды, и мелкие обитатели мигмом исчезли. Свет подступил к плоту, на миг явил контур животного, у которого в гибкой чёрной спине, казалось, поселилось множество фонариков. Уходя вглубь, оно принимало разные неясные колеблющиеся очертания. Раздваиваясь, сливаясь, перемешиваясь, призраки в глубине то появлялись, то исчезали.

– Они тебя не тронут – я тут! – поглаживая дрожащую девушку по голове и спине, приговаривал я.

Не в силах больше отличить чёрную воду от не менее тёмного неба, Джулис заснула на коленях у меня.

Уснув, будто бы на пять минут, я обнаружил, что проспал много часов. Наш плот прильнул к берегам острова Ояху под самыми скалами хребта Коолау. Серый точно глина маяк в эту предутреннюю пору невероятно порадовал.

– Мы на земле, Джулис, любимая!

* Action – действие.

Проснувшись и мельком рассмотрев окружающее пространство, девушка ответила:

– Да-а.

– Как «да». Ты знала?

– Цель путешествия... я говорила тебе. Никогда не слушаешь меня. Надо слушать любимую. Посмотри, где крест на карте.

Крест на карте – закопанный на берегу клад. Настоящие драгоценности... а не пошлое золото-брильянты!

Кромка горизонта перед восходом солнца лиловая, после – оранжевая.

Перекусив зарытыми в бумажном мешке гамбургерами и запив кока-колой, я почувствовал, что жить стало сносно – даже радостно!

– Не будешь ругать меня за клад? – удивлённо спросила девушка. – Еда!..

– С чего бы? Зная тебя, вряд ли стоит чему-то поражаться.

***

Катер доставил нас на плавучую платформу, укрытую под бронированным стеклом. Соэра, прижав к груди охапку цветов одной рукой, другой звала меня, Джулис и подоспевшего на катере Томаса.

Два самолёта готовились к показательному сражению в небе. Их кабины были оснащены надёжными русскими системами спасения пилота, дабы обеспечить безопасность. Сиреневый истребитель палубной авиации F4U «Корсар» с монопланом «обратная чайка» – талисман Лейджелила, который тот решил всё-таки опробовать. Вторым поединчиком выступил F4F «Уайлдкэт», тоже «палубник». Реконструкция старого военного американского самолёта позволила установить дополнительный пулемёт.

Зрители: туристы и местные жители – любители зрелищ помахивали сто долларовыми купюрами, богачи на VIP-зоне глядели в бинокли. Стоял шум азартной толпы и спор – три лётчика в жёлто-сером обмундировании едва не подрались, перечисляя заслуги то одного, то другого участника.

– Витя, звонил Джуниор и спрашивал, что мы хотим.

Заметив фотографа, щёлкающего большим старинным аппаратом, я решил отправить несколько фото родителям.

А в это время в небе раздавались пулемётные очереди, резкие звуки двигателя маневрирующих самолётов. Пули с краской летели и в сторону зрителей – врезались в бронированное стекло обзора, оставляя кляксы, и зрители сжимались точно комки ваты от воды, невольно садясь на пол, затем, вскакивая, весело кричали, подпрыгивали, кидались жареными сосисками. Кто-то даже поперхнулся соком и закашлялся.

– Cunado mio, favor? – Томас вышел из толпы на видное место у стола трёх комментаторов, пересказывающих событие на трёх языках. Победно улыбнувшись, выудил из шуршащей обёртки картину под названием «Littlebig Horn» **. После недолгой речи Томас проводил аукцион, а Соэра тихо пояснила мне и Джулис, что картина являлась копией, а у самого Лейджелила не было даже дальних родственников пайсано ***.

Всё это время воздушный бой продолжался, но шёл к своему логическому

* Можно, мой друг? (исп.)

** Место у перевала, где 1876 году вождь индейского племени Сиу нанёс поражение американскому генералу Кастеру.

*** Потомок индейцев.

завершению – у одного лётчика иссяк запас патронов, у Лейджелила обнаружилась неполадка, о которой тот сообщил по радию.

Продолжение зрелища возобновилось на мелководе: озлобленный индеец и не менее сердитый американец устроили кулачный бой. Молотя друг друга кулаками в серых голицах, подняли столько шума и гама со стороны, что никто не слышал ни собственного голоса, ни микрофонов дикторов. Они перекачивались с бока на бок на деревянном причале, угощая щёки и нос ту-маками, бранились, на чём свет стоит, бросались предметами, найденными в карманах, хлестали друг друга лётными шлемами. Наконец, измождённые точно пловцы после длительного заплыва, бессильно принялись толкаться перед тремя камерами и репортёрами.

Победила дружба. Соэра, вскрикнув, кинулась обнимать побитого, но счастливого Лейджелила.

– Не подумаешь, что он – лётчик, – изумлённо улыбнулась Джулис.

– Я тоже удивлён, – ответил я, проверяя состояние промокших зелёных купюр и паспортов.

Мы собрались возвращаться в «Небесный холм». Путешествие закончилось, работа ждала. Томас, довольный зрелищем и выручкой, торопил нас.

Самолёт Лейджелилла тоже взмыл в небо, ставшее белым-белым от вспышек салюта, звук которого казался странным, не похожим на звучание фейерверков.

Глава 3

Творец судьбы

Я проснулся от грохота разбившейся настольной лампы. Её желтоватые осколки, изнутри разрисованные разводами пыли, валялись на полу около моей несобранной в институт сумки.

– Блин, опоздал! – я соскочил с кровати, шагая на автопилоте в туалет. Барсик, вздыбленный и ошеломлённый, вероятно, напугался шума в трубах и свалил лампу. Чёрными большими глазами он глядел на погром из-за тумбочки.

Только под струями тёплого душа до меня дошло, что если мама не разбудила, значит так надо. Да, точно, сегодня вторник, «дипломный день», который по идее нужно провести в библиотеке Пушкина за подбором материала.

На завтрак, а тот оказался поздний, я нагрел воду для чая, достал банку масла и хлеб. И откручивая крышку банки, увидел название фирмы, занимавшейся красной икрой, вдруг прозрел, вспомнив улицу на Гавайях – Saint Bremor – Санта Бремор.

– Я похудел и программист!? – жуя, удивился я. – На Гавайях!.. Класс.

Температура исчезла, лишь хорошее настроение да чувство приподнятости владели мной.

Руки потянулись к ноутбуку, где хранилось моё художественное творчество. Открыв, я нетерпеливо запустил машину.

Я был ленивым человеком, но дело начатое не бросал. Чем же мог завершиться мой сон? Как жаль, что я проснулся так рано – почти к обеду! Теперь придётся самому додумывать наяву то, что мог бы просто увидеть, как в кино! Приступил к работе.

Глава 4

Рука из прошлого

Наконец-то всё оказалось позади. Пот выступил на наших телах сотнями мельчайших капель, сливавшихся в струйки и стекавших друг на друга. Не хватало воздуха. Мимолётное, но истинное блаженство пришло вместе с великой силой, сбросившей навсегда оковы страха, неудобства и застарелого чувства неполноценности. Прилив радости пришёл вместе с лёгким, но чрезвычайно приятным утомлением. Я повернулся на матрасе на спину, загорелая грудь разрывалась от невыразимой радости. Буйная отрада сладко пронизывала каждый нерв тела девушки точно электрическим током. Она, удовлетворённо поглядев на подарок ко дню рождения, защебетала будто жаворонок, славящий солнце:

– Свадебное платье красивое и на бал тоже! Мы всегда будем ходить на вечеринки, где люди в больших платьях?

– Конечно.

Вентилятор в окне на москитной сетке чуть слышно урчал, охлаждая разгорячённые лица.

– У тебя очень красивые пятнышки: тут и тут! – Я целовал её шею и грудь. – Реакция на возбуждение...

– Не говори мне о них. Кстати, как мой русский?

– Лучше чем мой английский.

Мы счастливо рассмеялись.

– Не сказала Лейджу, что Созра – изменщица?

– Он сам знает. Расскажи про моё прошлое. Ничего не помню. Чем больше я с тобой, тем забываю... Помню моменты.

Я говорил о прошлом девушки, часто запинаясь, взгляд мой становился потусторонним. Она слушала... мою ложь. И соглашалась.

– А кто такой Эндрю? – спросила она...

– Мой одноклассник, – соврал я с облегчением.

Сквозь шторы на витринах просачивался лунный свет, прохладой кондиционер нащёптывал ночную песню. Сирень неоновых трубок залила нарезанные копчёности, сыры, сосиски, отбивные, бифштексы и рыбу, приготовленные на следующий день. Лавка сияла рассеянным светом, словно готический кафедральный собор. Слышалась глухая воркотня компрессора старого холодильника.

Лейджелл отсутствовал вместе с женщиной его вигвама.

На теле девушки лежали перевёрнутые белой стороной фотографии, я как мальчишка считалкой выбрал одну, затем перевернул вторую. Приглянулась та, где Джулис держала на руках худого пуделя. Шапочка розоватого меха форсисто сидела у него на голове, сам пёс подстрижен наголо.

– Прекрасные фотографии родителям, – похвалил я, наклонившись для поцелуя.

– Да... – она была согласна. – Витя, хочу индейку!

– До Дня благодарения* далеко. Ты говорила, помнишь?

* Официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса, отмечаемый в США в последний четверг ноября.

И всё же на следующий день, прислонившись к изгороди, мы выбирали индюшку. Торговец птичьим мясом нахваливал ту, что почти не двигалась, объяснял, почему именно её стоило приобрести.

А вечер наполнился мрачными предзнаменованиями. Потемневшее небо окропило такси, до закуской Лейджелла ехавшее по мокрой дороге. Капли застывали на ветровом стекле.

– Вы не свинину часом везёте, – с опаской спросил водитель такси.

– Индейку. А что?

– Богиня Пеле гневается, когда тут свинину возят.

К ночи небо грозно налилось свинцом. Я чувствовал непонятную перемену, беспокойно крутил головой и настороженно глядел в окно.

Поднялся страшный ветер, не знавший преград на сотни миль в любом направлении. Об урагане с причудливым именем, надвинувшемся на Гонолулу, беспрестанно твердили радиостанции. Водитель, прислушавшись к названию ненастья, испугано произнёс:

– La Morena, la Virginita de Guadeloupe!*

Вихрь рыскал по земле, по океану, как свора злых терьеров. Их могучие челюсти перемалывали хижину на побережье, гнули пальмы и вырывали папоротники. Чёрное зеркало океана вблизи островов жутко наморщилось. Дико воя, вихри столкнулись с мощным щитом горы Каала, обошли окраину стороной, но стоило выйти на улицу, как ветер душил. Ночной воздух острой прохладой напоминал о взбесившихся вихрях, обжигая ноздри.

Колокольчик в коридоре звонко оповестил о гостях. Сдержанный стук по пластмассе прилавка и грубые голоса насторожили меня.

– Поздно, – из полусна обронила Джулис.

– Мало ли кто.

– Дверь закрывал?

В столь поздний час не приходили ни Лейджелл, ни Созра. Отвечать на запоздалый приём следовало с оружием. В коридоре, ловко укрытый за фанерный лист меж двух металлических подсвечников, находился заряженный дробовик. Я прекрасно помнил о нём, но что-то в груди защемило – прошёл мимо.

В тусклом бледно-жёлтом свете лампы, установленной на стене под картиной грустного Монтесумы, взывающего к предкам, два здоровенных паньоло в дождевиках, видом напоминавшие богатырей, упёрлись узловатыми точно сучья локтями в прилавок.

– Como estaz, compadre?*

– I'm ok, thank you, what do you, guys, need?***

– Ну, вот и я, Виктор Витальевич, – тихо произнёс по-русски человек в чёрной одежде. Выжав свою шляпу на пол, Юхан внимательно воззрился на меня. – Как она?

– Спит, – сконфузился я. – Позвать?

– Да ладно, не беспокойте. Пускай отдыхает. Я по Вашу душу. – Винкстрём уселся в кресло Лейджелла. – Честно, хотел надрать Вам задницу, Виктор Витальевич. Очень хотел. За что – интересуется?

Парни-испанцы вскрыли витрину и грызли сухарики. Юхан неспешно обводил взглядом помещение магазинчика.

* Богоматерь непорочная из Гваделупы! (исп.)

** Как дела, приятель? (исп.)

*** Хорошо, спасибо, что, ребята, необходимо!

– Она предназначалась Эндрю Фостеру, а не Вам. Умница Эндрю – ассистент Джека Маккола – должен был довести этот образец, а тут влезли Вы, влюблённый дуралей. Живых что ли баб мало – народа на Земле семь миллиардов, а ему, вишь, работа в койку подавай! Оборудование испортили, мне неприятностей наделали. Вы хотя бы в свободной форме сможете написать отчёт, как она себя вела? Таланта хватит?

Прикрывшись рукой в чёрной перчатке, он закашлялся. В этот момент два телохранителя уставились на меня как на вид, который может исчезнуть в любую минуту. Точно насторожившиеся охотничьи собаки, они резко выпрямились. Несомненно, одно подозрительное действие или даже посторонний шорох, сотрёт врага их владельца в порошок.

Когда Юхан, вдохнув аэрозольное вещество из ингалятора, закончил содрогаться в приступе, меня передёрнуло от предательского чувства тошноты. Я подавил позывы страха, не позволил недомоганию ослепить себя. Я ждал и видел, как работал мозг шефа, лихорадочно выуживая из памяти факты, привязывая к ним оправдания. Но вспышек испуганной злобы, которые представлял я, безудержной ярости не проявлялось. Раскалённый слепящий воздух бешенства зыбко мерцал молниями на горизонте, но далеко отсюда.

– Не могу я долго с вами. Болею. Я хотел посмотреть на... дочь.

– На дочь? В каком смысле? Джулис что-то говорила такое, будто бы... но я не понял – как возможно, переселение души из живого тела в робота? Нереально...

Юхан вздохнул.

– Да, нереально... Джулия умерла... Мы с супругой дали согласие об эвтаназии для дочери. Потом ещё много лет обманывали себя. Наверное, ты прав, Витя, – Винкстрём впервые назвал меня на «ты». – Пойду я... Оставь себе... ЭТО.

Юхан видел в моей Джулис только андроида, но я-то знал её лучше...

– Держите задаток. – Юхан задавил в себе минутную слабость. Мы опять были на «вы». – Компании нужен специалист Вашей квалификации. Возможно, мы купим один из островов и откроем здесь филиал. Профессор Сасаки не ладит с Макколом – его и откомандируем к Вам... Примите.

– Но... Хорошо... хорошо...

– Я готов Вас простить, если наладится наше сотрудничество. Вы правильно поняли. Побегали и хватит. Слишком дорог проект, чтобы мы рисковали результатом исследований столько людей. Я привёз рабочую платформу... ноутбук ваш, помните? Норимура обеспечил новым материалом. Лично я в нём мало что понимаю, но, судя по количеству файлов и мегабайт, в свойствах папки, работы, наверное, невпроворот. Да-а, – Юхан критически осмотрел меня, дал распоряжение одному здоровяку и тот вышел, зазвенев ключами от машины. – Отдых не пошёл вам на пользу – похудели. Свяжитесь с Джеком и Норимурой. В книжке есть другие профессора, знающие русский, я бы сказал на «отлично», но занимаются пока другим делом, и не стоит их тревожить. Ознакомьтесь с инструкциями, подключайте свой аналитический ум и вперёд. Так-так, – перегнувшись через прилавок, он любопытно изучил ярлык на фартуке, висевшем на стуле. – Если время есть, то можете и кухарем подрабатывать, но не увлекайтесь!.. Алохаахонуи!

– Алоха...

Здоровяк принёс ноутбук, крепко упакованный в полиэтилен, и ещё

какие-то большие прямоугольные коробки с оборудованием с логотипом ASY.

На том ночные гости и откланялись.

Вернувшись к нашим сдвинутым вместе матрасам, я лёг и глубоко вздохнул. Накрылся покрывалом, попробовал заснуть, но не спалось.

– Ты дрожишь, – пробормотала Джулис, нащупав меня вслепую. – Холодный какой, а кондиционер стал работать не очень. Надо позвать рабочих. Кто приходил а-а, Витя?

– Не знал, что гости могут нагреть очень поздно.

– Гости, спи...

Обняв девушку, я ещё долго лежал без движения.

С уходом гостей, как ни странно, ураган стихнул. Магазины-закусочная нежилась в мягких объятиях лунного янтаря. Снаружи шелестели листья, шуршали и щёлкали насекомые, ночной охотник ловил и хрумкал их. Ночь ласкала разбросанные по площадке листья папоротников и гладила белеющие в темноте цветы орхидей, вычерчивала большим пятном появившуюся нору и точки испугано заматавшихся ночных обитателей «Heaven's Hill».

Эпилог

Прекрасная получилась история. Как жаль, что это лишь сон в зимнюю ночь, хотя учёные утверждают, что человек во сне переживает дневные тревоги. Мне повезло – я смог, пусть в мыслях, но прожить кусочек яркой, интересной жизни. Кто знает, что ждёт нас в лабиринтах судьбы? Действовать надо, а не ждать, пока кривая жизни выведет тебя на желаемую дорогу! Это точно! Обещаю себе, что обязательно, невзирая на страх, познакомлюсь с красивой девушкой в маршрутке. Даже знаю, с каких слов начну разговор:

– Девушка, я Вас знаю, мы вместе были на Гавайях! Только надо обязательно встретиться!

ПОЭЗИЯ

Сергей ПРОХОРОВ

Сергей Тимофеевич Прохоров – Международной Федерации русскоязычных писателей, автор 10 книг стихов и прозы. Основал и с 2006 г. издаёт литературно-художественный и публицистический журнал «Истоки», который уже шагнул за пределы края, страны. Сегодня у «Истоков» есть свой читатель в Белоруссии, Украине, Молдавии, Финляндии, Германии, Казахстане, Америке... За вклад в русскую словесность, национальную культуру награждён орденом «Культурное наследие».

Живёт в сибирском таёжном посёлке Нижний Ингаши Красноярского края.

Времена года

Творчество

Тонет привычно
В вязкость осоки,
В холод росинок
Усталость ног.
Статус обычный,
Повод – высокий,
Место – Россия,
Поводырь – Бог.
Вьётся тропинка,
Манит дорога,
Время торопит,
Просит душа,
С ветром в обнимку
Пройдено много,
Опыт на опыт,
И шаг на шаг.
В белом тумане
Вскрикнет вдруг птицей,
Эхом далёким
В небе замрёт.
Тихо поманит
И растворится
Шорохом лёгким
За поворот
Слово не слово,
Строка не строка...
Тянется снова
К бумаге рука.

Август

Куст алой рябины,
От алости густ,
И день ещё длинный
И август двууст.

Налево, направо –
Всем дарит тепло
И смотрит лукаво,
И любит зело,

И дарит объятия
Зреющих нив,
На серые платья
Парчу обронив.

Именины осени

Пронзительно-звонко, как дикий мангуст,
По стёклам пропел неожиданный ливень.
За серым окошком рябиновый куст
Легко обнажился изгибами линий.

Застигнутый путник ускорил свой шаг,
На глинистых лужах зачавкали шины.
Лишь осень-хозяйка, совсем не спеша,
Готовилась встретить свои именины.

Здравствуй, маэстро Сентябрь!

Будто цветными сетями
Спутана зелень лесов.
Здравствуй, маэстро Сентябрь,
Глав. дирижёр туесов!

По золотистому шёлку
Тропок лесных коленкор.
Кузовков и кошёлочек
Неподражаемый хор.

Эхом раскатисто-дальним
Тонут в листве голоса,
Чудом наполнив вокальным,
Души и туеса.

Золото трав разгребая,
Словно в костре угольки,
Будут всю зиму грибами
Потчевать нас грибники.

За окном ноябрь

Дождь, снег. За окном ноябрь
Шагает себе по году.
Погода не праздник, но я бы
Не жаловался на погоду,

Когда бы плеча касались
Заботливые чьи-то руки,
Когда бы стихи писались
От радости, а не от скуки.

В окошко скребёт рябина
Не сорванной алой гроздью,
И гонит рука любимой
Незваную стужу-гостью.

А мне в окошке грезится подсолнух

На улице мороз почти под сорок,
Потрескивает в сенцах в кадке лёд,
А мне в окошке грезится подсолнух –
Над изгородью яростно цветёт.

На пол у печки грохают поленья,
Ворчит жена, сметая снег с сапог,
А я уж в лете. Я бегу по лету,
За календарный проскочив порог,

За солнца круг, где золотится колос
И пахнут горизонты резедой...
Но сказку обрывает нудный голос:
– Кончай мечтать! Сходи-ка за водой!

***

Иногда я пишу не по теме,
Не по теме живу и дышу,
Но не с этими я и не с теми –
Сам с собой свою пашню пашу.

Культивирую сам я и сею
Свой, судьбой отведённый надел,
Что родится – я этим со всеми
Поделиться бы щедро хотел.

***

В те дни, когда сбываются пророчества
И что-то надрывается в судьбе,
Я прорастаю грустным одиночеством
В галдящей разно-массовой толпе.
Несёт она меня в тупик иль к выходу,
Мне всё равно – побыть бы одному.
И этим, может, тещу свою выгоду,
Не доверяясь больше никому.

***

Как путник на тропе,
Я заплутал, похоже,
В невидимой толпе
Неведомый прохожий,

Хотел весь мир познать,
Где русский след оставлен.
Открыть и вновь понять
Резьбу славянских ставен.

Почувствовать тоску
Всех тех, кто не в России,
На золотом песку
Как призрак амнезии.

***

Шёл я полем, лугом, лесом,
На морях бывал
И с огромным интересом
Жизнь попивал:

Там глоточек, здесь глоточек –
Жизнь так хороша!
Выпил её тыщу бочек
Даром, без гроша.

Пил взахлёб, не зная меры,
Пил и не хмелел...
Океанчик, не заметил,
Как и обмелел.

Жизни, в общем, не бездонной
Высох океан...
Пью по капельке, у дома,
И от капли пьян.

***

Над куполом планет
Сиянье звёзд дрожит.
И времени уж нет,
А надо бы пожить.
Доделать, досказать,
Додумать, долюбить.
Кому-то доказать,
Кого-то убедить...
Незавершённых дел
У каждого сполна
А средь небесных тел
Такая тишина!

Разговор у печки

Кажись, добралась. Наконец-то.
В-о-о-н тот неказистый домик, почти у леса.
Э-хе-хе-ех! Что же так далеко забрался? А вдруг
ты будешь не рад мне или не один дома? Рискovaná
всё же: явиться вот так, без предупреждения.

Я так ждала этой встречи! Всю жизнь, наверное!..

Солнце садилось. Снег ещё буянил, поблёскивал под заходящими лучами. Зима продолжала вызванивать и морозной свежестью, и сохранившимися гроздьями рябин, и поскрипыванием под ногами снежного наста.

***

Вблизи дом производил очень даже благоприятное впечатление: добротным был. Заметно, что сруб вязали не ахти какие мастеровые, но рубили всё же не очень топорно. Окна обрамляли резные узорчатые ставни...

И женщина вспомнила где-то прочитанное: у деревянных изб цвет непостоянный. Если солнце выглянет, такой дом становится «вкусным» как пчелиный мёд, уютный он... Если за облаком скроется, – начнёт серебриться. Вечером – темнеет, а вот утром, – наоборот, светлеет, синь от неба принимает...

Лес здесь – сразу же за избой, рукой подать.

Женщина легонько отворила калитку. Тут же послышался лай собаки. Она выскочила из своего укрытия и, уставившись на неожиданную гостью, залаяла. Начала метаться по дуге, насколько ей позволяла лязгающая цепь.

– Ну, что ты, ну, что ты, – несмело успокаивала пса женщина. – Я же своя, своя, понимаешь? Роднее человека у меня, чем твой хозяин, нет.

Собака как-то приутихла, словно пыталась понять смысл доносившейся женской речи.

– На вот тебе, – порылась в сумке незнакомка и бросила псу остатки недоеденного бутерброда.

Светлана Андреевна Демченко – член Союза писателей России, член Союза журналистов Украины, кандидат философских наук, доцент. Член Русского общества им. А.С. Пушкина. Живёт во Львове.

***

– Полкан, ты чего?! Кто там тебя беспокоил? – на крыльце в наброшенном на плечи полушубке появился мужчина, могучий с виду.

– Я это, я!

– Кто?! – удивился хозяин. – А ну, подходите ближе. Полкан, свои, на место, ступай, дружок, ступай.

Пёс послушно засеменил к конуре.

Гостя медленно, всё же с опаской, миновала лохматого сторожа и приблизилась к крыльцу.

– Солнышко, это я.

– Ветла, ты, что ли? – почти вскрикнул от удивления мужчина.

– Я самая.

Мужчина засуетился.

– Боже ж ты мой, не ожидал, подумать даже не мог. Как же ты меня разыскала, как добралась? В дом входи, в дом, вон вся продрогла, заходи. Хорошо, что засветло, иначе и заблудиться могла. Здравствуй, родная, здравствуй.

С этими словами наклонился к женщине, как-то робко поцеловал её в щёчку. Ветла ответила тем же.

***

Пропустив вперёд себя женщину, хозяин закрыл изнутри на задвижку входные двери.

– Проходи, не стесняйся. Проходи смелее... Не удивляйся. По-холостячки живу.

Хозяин щёлкнул выключателем.

В горнице загорелась одна-единственная лампочка. Видимо, небольшой мощности. Свет как-то прищурено рассеялся вокруг. Оглянувшись, женщина увидела разгорающиеся в печи поленья. На полу – обычные цветные домотканые дорожки.

Сняв шубу, хотела затем снять и сапоги.

– Не город это. Не стоит. Холодный пол здесь.

– Но мне неудобно.

– Тогда минутку. Вот, возьми валенки, они сухие, чистые, тёплые.

Женщина послушно переобулась. Осторожно подошла к печке.

– Слушай, тебе бы с дороги хорошо глинтвейна нашего горяченького, помнишь, как готовила его на даче?

– Ой, как мы одинаково думаем. Я даже специи прихватила: и корицу, и гвоздику, бадьян и мускатный орех. Вот возьми. А травы, надеюсь, у тебя есть?

– Мята есть и зверобой.

– Вот и славно. Давай чайник.

– Только вино у меня домашнее.

– И хорошо. Сухое ведь? Медку ещё добавим.

Приготовив всю смесь будущего горячего напитка, поставили чайник на газовую плиту.

– Вот пока мы тут сообразим, что к чему, пусть греется, этак градусов до семидесяти...

– Огонь! Как здорово! Он живой, послушай, как потрескивают поленья.

– Смолистые потому что. Ты голодна?

– Да не стоит суетиться.

– Нет уж, позволь, стоит. Я помню науку бабкину: гость в дом – накорми сначала, а потом и разговоры разговаривай.

– Нет уж, дай хоть поглядеть на тебя.

– А чего же глядеть?! Сама видишь. Не люблю себя нынешнего. Вспоминаю того, помнишь, что на фото, которое высылал тебе? Подтянутого, стройного, одетого с иголочки. А что ныне? Копна-копной. Седой весь.

– Так и я невесть какая!

– Какая, какая, да не такая. Всё же на десятка полтора лет моложе?! Сбросить бы мне их теперь! На руках, как невесту, внёс бы в дом.

– И что?

– А то! Помнишь: «Зацелую допьяна, изомну как цвет, хмельному от радости пересуду нет»?

– Помню-помню. Такое не забывается.

***

Ветла стояла, прислонившись спиной к печке, и не верила, что перед ней хлопочет тот, о ком страдало её сердце, многие годы ныло, тревожилось, тосковало.

– Ты как же решилась приехать в такую даль? Поди, километров, ой, сколько же это будет?

– Две тысячи. И что? Не страшно. Поезда, слава Богу, ездят, самолёты летают.

– Так, поди, поиздержалась, дорого ведь?

– Не дороже нашей с тобой жизни. И сколько её осталось-то? Пролетела, пронеслась, родимая.

Так, слово за слово, выпив по кружке глинтвейна, и поужинали.

– А ты на «Ветлу» так и отзываешься по-прежнему?!

– Так только ты и зовёшь меня так. Веталина я для всех.

***

Женщина открыла завязанный пакет, вынула из него привезённые подарки.

– Фотоаппарат? Да зачем? Мои руки-то к такой нежной аппаратуре не приучены.

– У тебя тут красотища, наверное, вокруг, природу будешь фотографировать.

– А зачем её снимать, коли она каждый день перед глазами?

Заметив на лице женщины промелькнувшую тень огорчения, молвил:

– Ладно-ладно, спасибо, конечно, не обижайся. Ты же меня знаешь...

– Знаю, похоже, не изменился. Что думаешь, то и говоришь.

– Ну, да, как ты там меня называла: мужиковатым, кажись? А я таким и есть. На то и мужик, чтобы этой самой мужиковатостью от него веяло и в словах, и в поступках. Иначе – размазня-размазнёй. Бабы бояться мужика должны!

– Скажешь такое. А вот я тебя и не боюсь. Ты же, как и все мужчины, в душе ребёнок. Защиты ищешь.

– Может, и ищущу, но баба об этом знать не должна.

- Это ж почему?
- Да потому, что на шею сядет.
- Ты хочешь сказать, что и я тебе на шею села, коли отвернулся от меня?
- Ещё неизвестно, кто от кого отвернулся. Не береди рану.
- А ты как был хулиганистым и вреднющим, таким и остался.
- Опять неудовольствие высказываешь, опять претензии?!
- Да куда уж мне, с претензиями-то к такой умной махине.
- Издеваешься, да? Ну, располнел, ну, постарел, так что же теперь? – с нескрываемой обидой хозяйин отошёл к печке, подбросил пару поленьев.

***

Вот тут у стеночки будет очень тепло, иди сюда, грейся.
А под нос себе пробубнил:

*– Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель.*

– Солнце, всё так же Есенина цитируешь? Помню, покорила меня, наверное, все его стихи наизусть выучил за эти годы?

*– Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Всё пролетело далече... мимо...
Сердце остыло, и выцвели очи...*

Синее счастье! Лунные ночи!, – опять процитировал. – А имя-то моё не забыла?

- Ты же знаешь, Солнце ты у меня, а нарекли тебя неверно: Лука-Мука.
- Зато дочь Лукинична, Анфиса Лукинична. Скажешь, не звучит?
- Неплохо. Но ты был у меня Солнцем, им и останешься. Свет мой, лучик.

***

Ветла подошла к Луке...

Нет, не успела приблизиться, как в доме погас свет. Темень, не мешкая, завладела комнатой...

– Надо же, и сегодня гаснет. От движка хуторного свет. Ребята чего-то опять нахимичили. Я уже было ругаться с ними начал, так вроде и не виновны они: то ветер сильный, то метель, то горячего нет... Жизнь – малина, в общем. Где-то свечи есть у меня, поискать надо.

– Не нужно. Люблю в темноте сидеть, когда в печке огонь полыхает. Да разве только в печке?! «Сердце ноет и болит, о любви всё говорит»...

Лука открыл настежь дверцу печки. Враз посветлело, глаза начали привыкать к этому тёплому сумраку.

*– Посидим у реки,
Посидим у огня,
Годы не велики.
Обними-ка меня.*

*Годы не велики –
Скоротечны они.
Полыхнут за рекой
Уж не наши огни.
А пока – наш огонь.
Искры мечет в ночи,
Посидим рядом с ним,
Обо всем помолчим.*

- Это твои стихи? Я помню, ты много сочинял.
- Водился такой грех за мной, был.

Он повернулся к женщине, его руки вдруг сами, почти произвольно потянулись к ней.

– Милая, – только и выдохнул, – милая, сколько же ночей я провёл в мыслях о тебе, о нас! Как я ругал себя, когда мы ссорились...

Мужчина осыпал женщину поцелуями, всё её лицо.

Ветла осторожно отстранила голову, взяла руки Луки в свои, поднесла их к своим губам, прижала их и... замерла. Лука ощутил на пальцах горячую влагу. Женщина не рыдала, не вздрагивала. Просто слёзы катились, лились из её глаз.

- Ты плачешь? Почему?
- Подожди, давай присядем.
- Хозяйин принёс две табуретки.
- Присаживайся. Вот здесь у печки и поговорим.

***

Ветла сняла с плеч пуховый платок, послушно села.

– Ну, как ты, рассказывай, – обратилась к Луке.

– А что рассказывать? Вышел на пенсию два года назад. Живу. Городскую квартиру оставил детям. Дом этот – ещё родительский. Отремонтировал, нормалёк. Остался один, если ты об этом. Жена давно ушла. С «чумачедчим» жить не захотела.

- Ещё чего? Где только таких слов набрался?
- Так внучок приезжает и распевает песню каких-то Насти и Потапа.
- Так и поёт: «Чумачедчая я, чумачедчая я».
- А не женился-то чего?

– Ты ещё спрашиваешь?! Сколько времени с тобой провёл? Больше года. Эту командировку мне не забыть. Это было лучшее время в моей жизни. Душевное какое-то. Вот так в мыслях о тебе и пронесли эти годы. А ты как?

***

Спасибо. Ох, и люблю я вот так греться у печки, – Ветла перевела разговор. – Ничто так не передаёт чувство дома, родного очага, как время, когда разгорается огонь в печи, когда она оживает. Без печи нет избы. В этом огне заложено какое-то священнодействие. Ведь, правда?

– Правда.

– Натопит, бывало, бабушка «грубку», как мы называли тогда печку, присядем вот так, насыплет в подол семечек, и пошло-поехало. О чём только ни расскажет. Всё больше о молодости своей вспоминала. Как с дедулей

познакомилась. Молодцеватым был. Играл на гуслях, гармошке. Никакая свадьба без него не обходилась. Пел красиво. И не одна девка-то сохла по нему. Ан нет, приглянулась ему Пелагея, взял её в жёны совсем молоденькую, и шестнадцати ещё не было. Шестеро деток родила. Только недолгим её счастье женское было. В тридцать три года деда не стало. Тиф сразил. Так что в двадцать пять лет бабушка уже и овдовела. Я часто, приезжая на каникулы к ней, потом спрашивала, была ли она за дедом счастлива, почему замуж-то больше не выходила? Ведь красивой была. Коса толстенная, как завернёт вкруг головы, ну, типичная тебе гоголевская Оксана, глазищи большие, карие, раскосые, с поволокой, румяная – кровь с молоком.

– И что бабушка отвечала-то?

– По сей день, говорит, помнит деда. Никого бы рядом не поставила. «Вот, вот он где у меня», – показывала на сердце. – Вот скажи, Солнышко, почему одних мы помним, забыть не можем, а других забываем? Вот у тебя же много женщин было?

Лука заёрзал на стуле.

– Ну, были.

– И всех помнишь?

– Кого как.

– А казалось каждый раз, что любил?

– Казалось. Теперь не кажется.

– И, как развёлся, так никого и не было?

– Тебе скажи, так нос задерёшь.

– На что намекаешь? Скажешь, из-за меня?

– Я тебе уже сказал. Всех с тобой сравнивал.

– И?

– И ничего, неужели не ясно?

– Боишься это слово произнести?

– Боюсь. Боюсь, что вспугну, что не достанется мне это счастье. Да, и что такое любовь? Так, приходит и уходит.

– Не скажи. Приходит и уходит влюблённость, замешанная на «физике». А физиология с возрастом ведь меняется. Тут всё понятно. Семью держит за тем долг, ответственность.

А любовь тогда что?

– «Любовь-морковь», – хотел было пошутить Лука. – Это вот, когда, как у нас, духовные нити связывают. Оба мы педагоги, оба над одной темой работали в аспирантуре, оба мечтали друг о друге. Каждую минуту, каждую секунду ощущали друг друга. Притяжение сильное. У нас ведь как получалось? Близость нам приносила больше сердечных радостей, чем физического удовлетворения. Зато вечно неудовлетворённое желание не позволяло угаснуть нашей страсти. Я думаю, что в единении душ нет места животному началу, и трудно определить, когда духовное слияние переходит в физическое. Да, что говорить. Вот тебе, например, чего не хватает? Ты же и дальше со своим?

– Да... – почти прошептала женщина.

***

Лука тоже замолчал. Потом протянул руку к Ветле за спину, наклонил легонько к себе. Её голова оказалась у подбородка, сунул лицо в её волосы.

– Молчи. Молчи, моя Ветла. Всю жизнь ты мне перевернула. Никого не вижу, ни с кем быть не хочу, кроме тебя. Не могу без тебя... Люблю, люблю...

В пылу страсти они забыли, кто они, по сколько им лет, где находятся. Не существовало никого и ничего, только учащённо бились двое, возбуждённых страстными объятиями, сердец, они, казалось, выпрыгнут из груди, вырвутся, полетят, и уже никто и никогда их не разлучит...

Только такие пленительные миги возникающей и утолённой страсти как раз и не забываются, только память об этом блаженстве, наверное, и делает бессмертной любовь.

Возвращаясь из сладкого небытия, Ветла тихо спросила:

– Почему же пижонился, гордеца из себя строил, не признавался никогда? Я ласки от тебя всегда хотела. А ты был скуп на неё... Тем самым ты сдерживал меня. Я не могла сказать тебе всего того, что ощущала, что думала о нас.

– Потому что такой вот я есть, а ты не углядела. А раз не поняла, значит, не нужен я тебе.

***

Женщина обняла голову своего Солнца, поцеловала в лоб.

– И я все годы жила тобой. Как бабка моя говорила, вот тут ты, в сердце, не выковырять, всё естество тобой пронизано.

– Хочешь сказать, без меня не можешь? А как же живёшь тогда с мужем своим?

– По долгу. Ответственна я за него. Он слаб, а я сильная. Любит меня, боготворит.

– И чего же тебе тогда ещё нужно? Вон, сколько баб одиноких, тоскуют по духу даже мужскому. Да и моложе он тебя.

– Знаешь, я поняла, что для женщины важно не только быть любимой, но ещё важнее быть и любящей. Ведь столько накапливается внутри неразстраченности женской, столько ласки, тепла и так хочется окунуть в них любимого человека!

– Так и окуни своего мужа. Небось, мечтает, не откажется.

– Не могу. Не ему это всё предназначено. Ты же услышь: любимому, единственному. За тем и приехала к тебе. Хоть на денёк, хоть на несколько часов. Слово себе дала: встречу, подарю ему всё, что не высказано, что накопилось женского в душе и на сердце. Разве не ощутил, не почувствовал?

– Мне? Грубияну? Жестокосердному?

– Да, и грубияну, и жестокосердному, и невнимательному, и гордецу-эгоисту, – вот такому.

***

Лука нежно снова притянул к себе свою Ветлу, гладил по голове, опять жадно и неистово целовал её лицо, волосы.

– Славная моя, радость моя, голубушка, спасибо. Нас свело с тобой какое-то провидение, и все эти годы твой образ не покидал меня. Пожалуйста, не уезжай...

Сказал и сам не поверил своим словам.

Они на какое-то время замолчали.

Каждый думал о своём.

Возможно ли изменить жизнь сейчас, когда выросли дети, внуки, когда у каждого сложилась, состоялась своя судьба? Во имя той духовной связи, которую они пронесли через годы?

Ответа на этот вопрос так и не найти.

Рассвело...

Рано поутру в сумке Ветлы раздался звонок.

– Слушаю. Да, да, извини, не было покрытия, вот ты пробился, молодец. Я? Да, нет, всё у подруги хорошо. Сегодня выезжаю.

***

Каждое слово Ветлы отдавалось болью в сердце Луки. Он стоял возле ведра с водой, зачерпнул, было, черпаком напиться, потом в какой-то нерешительности выпустил его из рук, а затем тупо смотрел на расплывающееся пятно на полу.

«Вот так расплылась и наша любовь...» – рыдали в его груди эти слова...

ПРОЗА

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание *учитель высшей категории*. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание *доцента*. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

И друг другу всё прощали...

Дом

Когда поёт церковный хор,
Под купол вверх летит молитва.
Потом (как будто после битвы)
Осколком вниз. В сердца. В укор

За то, что мы не так живём,
Закрыли все сердца и души,
Но наш Господь великодушен:
Прощает нас и дарит дом –

Дом, где уютно и светло,
Где есть приют тому, кто хочет
Найти свой путь и (между прочим)
Сразить навек любое зло.

Чудотворные иконы

Вдали от храма на почтенном расстоянии
Поставил юный подмастерье свой мольберт,
Старался красками он выразить признание
Тому, что здесь существовало много лет.

Поцеловал Господь сей храм, где мироточат
Иконы. К ним стремится стар и млад попасть.
«Они помогут, – верит каждый, – знаю точно,
Преодолеть мне с Божьей помощью напасть».
Несут все лучшие из дома украшенья:
Кто – серьги, кольца, кто – цепочку иль браслет
За помощь в жизни, за любовь, за исцеленье,
За то, что век продлён ещё на пару лет.

Войду и я. Пусть будет лёгкой в храм дорога,
С молитвой искренней я к Богу обращусь
Немного счастья дать, ведь горя было много,
И на колени пред иконой опущусь.

Ей расскажу, как мне жилось – и лик заплачет,
Во исцеление те слёзы я приму.
Чтоб не спугнуть синичку хрупкую – удачу,
Я как ребёнка милость Божью обниму.

Страстная неделя

Страстная неделя – особое время,
С Христом разделяем мы тяжкое бремя.
Предательство терпим, хулу и распяты,
Для Божьей любви раскрывая объятья.

Ведь любит Господь и богатых и бедных,
Сирот, одиноких, семейных, бездетных.
Он любит красивых, Он любит убогих –
Лишь только бы шли они с Ним по дороге,

Постились, обычаи все соблюдали
И Божьи законы родным передали.
И чем будет искренней стадо Христово,
Тем чаще Господь воскресать будет снова.

Христос Воскресе

«Христос Воскресе!» – пели в церкви.
Неделей раньше вербы ветви
Здесь освятил священник наш.
«Христос Воскресе!» В сердце праздник,
А за окном апрель-проказник
Цветной взял в руки карандаш,

Раскрасил небо синим цветом.
И храм в ночи казался светлым –
Переполюняла радость нас.
Мы наших душ открыли ставни –
Господь нас больше не оставит.
Мы это поняли сейчас.

Добро

Невозможно прожить человеку без веры –
Лишь она открывает в мир истины двери.
В мир волшебный – создание Духа Святого,
Эхом в душах людей отзывается слово.
Ведь Господнее слово об истине это.
Факел Божьей любви здесь горит до рассвета.
Всех Господь вдохновляет на мысли о чуде,
И с рассветом спешат делать доброе люди.
И чем больше добра создаётся на свете,
Тем становится легче дышать на планете.

Рождество

Тихо падал мягкий снег,
Становился город милым.
Замедляло время бег.
И Господь ходил с кадилом.

Окурил любовью нас.
Тихо музыка звучала –
У театра в поздний час
Ангел-девочка играла.

Был пронзителен дудук,
И души запели струны,
Создавая акведук
Меж землёй и светом лунным.

Звёзды падали с небес
И в снежинки превращались.
Ждали все вокруг чудес
И друг другу всё прощали.

Так прозрачно Рождество,
Пахнет ладаном и хвоей.
Подарите волшебство
Всем, кто этого достоин.

Храм

У малых городов своё очарованье,
Историю веков в себе они хранят.
Здесь можно загадать заветное желанье,
Когда колокола малиново звонят.

Приземисты дома, заборы покосились...
А на пригорке ждёт к себе красавец-храм.
В нём жители давно венчались и крестились,
И неподвластен он ни снегу, ни ветрам.

Он распахнул для нас свои стальные двери,
Готов всех прихожан теплом души объять.
Духовности оплот и православной веры –
Пока жив русский люд, ему вовек стоять!

ПРОЗА

Василий КУЗНЕЦОВ

Глаза

(из йеменского цикла)

Глаза у большинства йеменских женщин большие, чёрные, выразительные. Посмотрят на тебя такие глаза невзначай, мимолётом, и сразу становится ясно, что хотели сказать эти глаза, этот взгляд, кто их хозяйка.

Два чёрных больших зрачка бросаются в глаза как яркая реклама на захоластной улице или броский, крупный заголовок на газетном листе, который заставляет обратить на себя внимание и рассказывает суть содержания статьи.

Я опишу только несколько взглядов женских глаз.

Взгляд отсутствующий, скользящий, без остатков: он не оставляет в памяти следа и проходит также незаметно, как и появляется. И говорит он о том, что под чёрным одеянием пребывает отжившая свой век женщина, которой уже всё надоело: и жизнь, и окружающие её люди, и даже она сама.

Но вот как бы натыкаешься на острый, удивлённый, изучающий взгляд больших, открытых, недвусмысленно говорящих: «Чужак, иностранец, вот он какой?!».

А бывает взгляд, который невольно заставляет глянуть на руку хозяйки. И можно не сомневаться, что рука протянута в просьбе. В этих глазах можно увидеть и стыд, и безвыходность, и мольбу, и страдание. Они, кажется, невидимой, раскалённой острой иглой вонзаются в твоё сердце и заставляют содрогаться от жалости и сострадания.

Да, это взгляд нищей, обездоленной, забитой женщины, которых здесь немало.

И вдруг при встрече мелькнёт искоркой взгляд незнакомки и тут же потухнет. Сия особь наверняка замужем, находится у мужа под пятой, и повелитель её не только наяву, но и в мыслях не позволяет думать о других. Так и видится, что она запугана, забита, бесправна и ею постоянно

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкулёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.

овладевает страх при мысли, что это нечаянное отведение глаз в сторону будет кем-то замечено. А многие, по тем же причинам, при встрече вообще не поднимают глаз, а проходят мимо с опущенной головой и потупившимся взглядом.

Приходилось встречаться и с холодными, пустыми, пресыщенными, самодовольными глазами. И смотрят они обычно сквозь неплотно прикрытые веки куда-то в неопределённость, ни на ком не останавливаясь. В ленивой полудрёме хозяйке этих глаз и век своих поднять не хочется.

Безошибочно можно сказать, что под чёрными покрывалами находится «властительница» мира сего. Эту особу ничем не удивишь. Она всё видела, всё у неё есть: и состояние, и власть, и роскошные хоромы, и богатые наряды, и высокопоставленный муж, и многочисленные слуги.

Правда, временами и эти глаза изменяют себе. Чаше это бывает, когда они видят открытых, нарядных, статных русских женщин. Тогда во взгляде появляется то ли озабоченность, то ли задумчивость, то ли зависть из-за невозможности показать себя людям во всей красе. К какой бы вере женщина ни относилась, она всегда остаётся женщиной; ей непременно хочется быть лучше других, нарядней, обольстительней.

Встречаются, правда, очень редко, озорные, чуть-чуть прищуренные, как бы улыбающиеся глаза. Взгляд прямой, сопровождающий, ищущий ответного взгляда, и, найдя его, подсказывает мысль, что хозяйка этих глаз ищет приключений и не против даже «поамурничать».

Глаза, откровенно направленные встречному взгляду, не моргающие, не уходящие в сторону от длительного взгляда на них, зазывающие – обещают много, но не для «платониста». Сия дама знает себе цену и взгляд свой не направит куда зря. Так и кажется, что тот, кто «клюнет» на этот взгляд, непременно сам подпадёт под башмак, и если ему удастся уйти от него, то непременно с последствиями. У таких особ глаза как бы двойные. Впереди будто бы простота и откровенность, но сзади – дремучий лес, забредёшь – не выберешься.

Встречный взгляд с опусканием глаз вниз и неоднократным повторением этой процедуры говорит о том, что эта особа равнодушна к объекту внимания. Так обычно разговаривают неискушённая молодёжь и влюблённые. Этим приёмом для заманивания в свои сети часто пользуются ловеласы и донжуаны для очередных своих приключений. Это немое красноречие подчас понятней долгих, витиеватых, замаскированных объяснений.

Одним словом, глаза йеменских женщин не только для того, чтобы смотреть, наслаждаться увиденным, но и разговаривать.

Всякие глаза видел, но не встречал здесь радостных, смеющихся, торжественных женских глаз. Разве только что у малых детей, потому что они ещё не познали паранджи, закабаления, строгости мужчин и законов ислама.

ПРОЗА

Инесса БЕЛЯЕВА

Инесса Викторовна Беляева – родилась, училась и выросла в Белоруссии. Выйдя замуж за офицера СА, Юрия Васильевича Беляева, начала кочевую жизнь по военным гарнизонам. Стихи Инессы Беляевой публиковались в различных газетах. В 2006 г. был выпущен сборник стихов «Разговор по душам».

Живёт в Москве.

Чтобы я была везучей...

Прогулка с вьюгой

Притаилась у крылечка,
Не даёшь покоя мне,
То-то чувствует сердечко,
Что ты где-то во дворе.

Подожди ещё минутку,
Я оденусь, потеплей,
Погуляем не на шутку
Меж берёз и тополей.

Ведь не верная подруга
У крылечка меня ждёт,
А шальная, злая вьюга
Мне покоя не даёт!

Выйду робко к ней навстречу,
Обниму её рукой,
Проведём мы дивный вечер
Между небом и землёй.

Закружимся, всё смелее
Вырываясь на простор.
Заметай следы скорее,
Чтоб никто нас не нашёл.

Подхватив меня под руки,
Понеслись куда-то вдаль,
И не стало места скуке,
И отхлынула печаль.

Будто молодость вернулась,
Сбросив груз прошедших лет,
Закружилась, встрепелась,
Понеслась за вьюгой вслед...

Распрямились как-то плечи,
Звонкий смех, сиянье глаз...
Почему мне стало легче
От шальных твоих проказ...

Где гуляла, с кем резвилась,
Никому я не скажу,
Жаль, что всё это приснилось,
Жаль, что всё – не наяву.

Удача

Эх, удача, не совру,
Хорошо с тобой мне было.
Я к груди тебя прижму,
Чтобы ты не уходила.

Чтоб всегда была со мной,
Чтобы я была везучей.
Над моею головой
Не могли б сгущаться тучи.

Коль споткнусь, так поддержи,
Подскажи, чего не знаю.
И соломку постели,
Если падать начинаю.

Пролило немало слёз.
Убери с души тревогу.
Лепестками алых роз
Устели мою дорогу.

Сколько мне осталось жить?
Хорошо, что я не знаю.
Я прошу меня простить,
Что тебя не отпускаю.

Подкова

Взор пошире распахни
И не мучь себя вопросом.
Ты увидишь, что вдали,
А не только, что под носом.

Почему нам не везёт?
Не слышать речей победных.
Разделили весь народ
На богатых и на бедных.

Подари подкову мне.
Говорят, она к удаче.
Может, с нею на земле
Заживу совсем иначе.

Блеск появится в глазах,
И исчезнут все недуги.
Зазвенит во всех лесах
Пенье птиц по всей округе.

Будут светлые мечты
Появляться на пороге.
Потекут мои стихи
Без печали и тревоги.

И не надо громких слов.
Жизнь пока у нас с изъяном.
Эх! Наделать бы подков
И раздать их россиянам.

Ираноязычны ли были скифы и сарматы?

Языке скифов и сарматов выдвигались различные версии, однако наиболее обоснованной, по мнению многих исследователей, ныне считается ираноязычная теория, хотя, нужно отметить, что далее гипотезы она так и не продвинулась.

Археологи, не имея возможности по памятникам материальной культуры делать собственные выводы о языке её носителей, соглашаются с мнением лингвистов об ираноязычности скифов и сарматов. Более того, имея материалы, доказывающие преемственность археологических культур, методом экстраполяции выводят ираноязычность уже населения предыдущего времени, а именно срубной и андроновской культур, как генетических предков соответственно скифов и сарматов. Затем тот же метод экстраполяции даёт разрастание ираноязычного населения вширь (по территории) и вглубь (по времени). И, как результат, возникает вывод о более позднем приходе славянских племён на территорию, ранее занятую скифами и сарматами. При этом умалчивается сразу

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Член СП России. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2011–2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

Скифы. Бляшка с изображением скифов, охотящихся с луками. Золото. VII-II вв. до н. э. Эрмитаж. С-Пб.

же появляющаяся несурязица, которая старшим поколением учёных в XIX веке отчётливо ощущалась, а именно о дальнейшей судьбе этих огромных «иранских» племён. Например, И.Е. Забелин писал: «...как и куда исчезло бесчисленное иранство, оставив на своих местах одни лишь славянские племена, внезапно упавшие, по-видимому, с неба не ранее VI в. по Р.Х. ...» (11, с. 235).

Итак, цена вывода о языковой принадлежности скифов и сарматов выскока, поэтому рассмотрим, насколько бесспорны выводы об ираноязычности скифов и родственных им племён (33). Работами Мюлленгофа, Юсти, Миллера, Соболевского и Абаева, казалось, была установлена прочная основа для сделанного вывода, что Скифия говорила на иранском языке. Причём если первые исследователи были относительно осторожны в своих выводах, оставляя окончательное решение вопроса открытым, то в работах более поздних авторов сомнения, как правило, уже отсутствуют.

Поскольку тексты на скифском языке отсутствуют, основными материалами для исследования, как принято считать, являются практически только данные ономастики, то есть собственные имена и племенные названия в эпиграфических надписях Северного Причерноморья и в сочинениях древних писателей, а также топонимика.

Сразу же заметим, что имена и названия дошли до нас, написанные на чужом для скифов и сарматов языке. Это подтверждается, например, у Диона Хризостома: «И другая одежда у них (борисфенитов – Ю.Я.) по большей части чёрного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов (черноризцев)» (9). Аналогично пишет и Г.А. Хабургаев: «...у Геродота (как и у других античных авторов) названия варварских племён представляют сильные искажения ... а в ряде случаев просто являются греческими наименованиями (например, меланхлены, андрофаги и др.), а не передачей (хотя бы и искажённых) самоназваний» (31).

Следовательно, наименования племён – это, в большинстве случаев, видимо, не самоназвания, а в лучшем случае переводы. Данный вывод практически обесценивает научное значение последующего лингвистического анализа этих слов. О больших искажениях скифских названий в греческом (или латинском) написании, а то и просто замене их греческими словами пишут многие исследователи. В.И. Абаев отмечает, что передача скифских имён греческими (или латинскими) буквами из-за большого различия фонетических систем была очень несовершенной. При этом нередко были также случаи искажений, опусков и ошибок (1, с. 150).

Но это ещё не всё, и далее, например, Абаев замечает, что если трудно восстановить подлинный звуковой облик скифских слов, то задача определения значений этих слов ещё значительно сложнее, поскольку имеющиеся источники, как правило, не дают даже намёка на эти значения (1, с. 150). И их приходится лингвистам устанавливать сравнительным путём, посредством, допустим, иранских языков. Однако ещё Ж. Вандриес писал, что из-за отсутствия точных данных об условиях исторического процесса при сравнительном методе приходится считать родственными – языки похожие. Но этот метод опасен, поскольку не все двойники – родственники (3, с. 279).

Итак, из сказанного очевидно, что научной достоверностью полученные выводы обладать не могут и ни о какой их категоричности не может быть и речи.

Рассмотрим и проанализируем объём и распределение найденных в древних городах Причерноморья надписей, которые являются главным

аргументом сторонников ираноязычной теории. Как пишет В. Миллер, им было проанализировано 425 имён (20, с. 79). При этом было выявлено, что поддаются объяснению с иранского: из ста ольвийских варварских имён – менее половины; из ста шестидесяти танаидских имён – более ста; из ста десяти пантикапейских имён – пятнадцать. Это основные, по находкам надписей-имён, города.

Абаев приводит около 200 слов-основ (1). При исследовании их он делает вывод, что имеется значительное количество слов, которые не поддаются объяснению ни из греческого, ни из иранского. У Миллера, как мы видим, результат аналогичный. Причём даже те слова, что переведены, характеризуют в сущности древнеиранский язык, а не скифский. То есть, не имея доказательства ираноязычности скифов, имена предположительно скифские были переведены посредством древнеиранского и осетинского языков. И то, что значительное количество слов (у Миллера по трём основным (по находкам) городам – Ольвии, Танаиду и Пантикапею – больше половины) не поддаётся переводу, говорит о неправильности выбранного ключа перевода (древнеиранского и осетинского языков), иначе результат был бы иным. Даже такой важный этноним, как «скифы», не может быть объяснён посредством иранского языка. Не следует забывать о существовавшем в те времена обычае – заимствовать имена других народов. Об этом писал Иордан (13, §58), упоминает о возможности заимствования и Миллер (20, с. 136). И это ставит под сомнение принадлежность иранскому языку даже переведённых, посредством древнеиранского или осетинского языка, имён.

Проанализируем хронологию и территорию распространения найденных слов. Это находки на месте причерноморских городов Танаида, Ольвии, Горгиппии, Пантикапея, Фанагории и др., имён горожан, живших в промежутке 700–800 лет. Если посмотреть на карту территории, занятой скифами и сарматами, то ориентировочные расчёты показывают, что территория причерноморских городов, где были найдены надписи, составляет менее сотой доли процента (0,01%) от общей территории Скифии и Сарматии. Причём территория специфическая, в целом не скифского или сарматского населения. Математически оценивая результаты лингвистического анализа, сделанного по этой части, составляющей менее 0,01% от всей территории и отнесённой ко всей Скифии и Сарматии, можно сказать, что достоверность выводов стремится к нулю. Похожее мнение имел и И.Е. Забелин, который писал, что имена на камнях совершенно не указывают на обитателей всей страны (11, с. 235).

Аналогично рассуждая о достоверности выводов по выборке из 200 слов-основ по отношению к общему словарному запасу народа (например, по данным Ф.П. Филина, приведённым Б.А. Рыбаковым (26, с. 5), словарный запас праславян даже во II тыс. до н.э. составлял свыше 20 тыс. слов), можно видеть, что 200 слов по отношению к общему объёму слов составляют не более 1%. И это количество также не даёт права делать выводы по всему языку. Поэтому даже предположительно сделанные выводы могут распространяться только на территорию причерноморских городов, при этом не могут дать научно достоверных сведений в целом о языке даже жителей этих городов, не говоря уже о всей Скифии и Сарматии.

Перейдём к следующему важному фактору, который должен окончательно закрыть вопрос об ираноязычности скифов, сарматов и родственных им племён. По данным Миллера, основные находки предполагаемых скифо-сарматских имён приходятся на города Танаид, Ольвию и Пантикапей. Причём

Скифы. Бляшка с изображением скифа, охотящегося на зайца. Золото. VII-II вв. до н. э. Эрмитаж. С-Пб.

на танаидские находки попадает наибольшее количество поддающихся переводу с иранского слов, а именно около 100 или 160. Следовательно, это наиболее благоприятный с позиции теории ираноязычности скифов и сарматов из городов, в котором в соответствии с находками проживало больше, чем в других городах, ираноязычных жителей. Проанализируем эту цифру. Найденные надписи хронологически располагаются в промежутке 700–800 лет, то есть 100 имён, или 100 ираноязычных жителей города, за 700–800 лет. Или в среднем 13–14 человек в столетие. Если, по Геродоту, принять три поколения за столетие, то получим не более 4–5 человек в одном поколении. Учитывая возможность проживания двух поколений одновременно, эта цифра возрастает до 9–10 человек, говорящих по-ирански, и то предположительно, учитывая критические замечания, сделанные ранее. Итак, по факту находок в городе с населением по меньшей мере в несколько десятков тысяч человек – всего 9–10 ираноязычных жителей. Да это мог быть один персидский купец с семьёй и прислугой, тем более что рядом были страны с ираноязычным населением. И это в самом ираноязычном, по находкам надписей, городе всего Северного Причерноморья.

Если сделать аналогичный расчёт для других городов, то численность фактически подтверждённых, одновременно проживающих «иранцев» для Ольвии не превышала 4–5, а для Пантикапея – 1–2 человек. Для таких городов, как Горгиппия, Фанагория, Феодосия, Херсонес, ираноязычные жители в одном поколении вообще были эпизодичны (менее одного человека). Итак, 9–10 одновременно проживающих в Танаиде жителей составляли десятки, а то и сотые доли процента от всего населения города. Это значит, что документально подтверждённого ираноязычного населения практически не было даже в городах Причерноморья, не говоря уж обо всей огромной территории Скифии и Сарматии. Если принять возможную неравномерность распределения найденных надписей по столетиям и увеличить полученные цифры

Скифы.

Обивка сосуда с изображением орла.

Золото. VII-II вв. до н. э.

Эрмитаж. С-Пб.

шлет, что одним из признаков явного доказательства скифского происхождения Ахилла являются белокурые волосы и светло-синие глаза (15, с. 78). То есть, все скифы имели именно такую внешность, по которой их отличали от других народов. И эта внешность никак не вяжется с ираноязычными народами.

Таким образом, учитывая высказанные ранее аргументы, можно сказать, что это «лингвистическое нашествие иранства на наши южные края», по образному выражению И.Е. Забелина (11, с. 234), не имеет под собой серьёзной научной основы. И ещё приведу его же слова: «...лингвистика, конечно, важнейшее орудие. Но поставленное на первое место пред всеми другими средствами добывать историческую истину, это великое орудие становится великим препятствием к познанию истины...» (11, с. 43).

Остаётся добавить несколько слов относительно той части топонимики, приписываемой некоторыми исследователями к ираноязычной. Эта топонимика оставлена индоевропейскими славянскими племенами, которые на протославянском и праславянском этапах развития давали при своём расселении названия рекам и озёрам на языке, в котором было ещё много общих индоевропейских слов. А. Мейе писал, что «славянский язык хорошо сохранил унаследованный им индоевропейский словарь» (19).

Подведём краткие итоги: 1) ираноязычная теория не может удовлетворительным образом объяснить исчезновение по этой теории иранских племён, проживавших на огромных территориях, и появление на этих же территориях славян; 2) основными материалами для исследования языка скифов и сарматов являются практически только данные ономастики, при этом решающим фактором стали надписи, найденные на месте древних городов Северного Причерноморья; 3) установлена очевидность искажения скифских и сарматских слов и названий, написанных на чужом греческом или латинском языке, а также невозможность достоверного определения значений

вдвое или даже втрое, то всё равно количество предположительно ираноязычных жителей не будет превышать десятых долей процента от общего числа жителей этих городов. Учитывая вышесказанное, ираноязычная теория, просуществовав более ста лет, должна закончить своё существование.

Если оценить антропологические данные, то, как писал Г.Ф. Дебец, ни о каком существенном расовом своеобразии осетин по сравнению с другими народами Кавказа не может быть и речи (7, с. 282). При этом, вспомнив высказывание Аммиана Марцеллина о рослых, белокурых аланах (18, с. 341), а также описание скифов и сарматов другими древними авторами, можно сделать вывод об их несоответствии облику осетин, но зато о полном их соответствии облику славян. Лев Диакон, приводя слова Арриана об Ахилле, пишет,

этих слов из-за отсутствия фразеологических материалов и достоверного ключа перевода. Применяемые для перевода древнеиранский и осетинский языки дают значительное количество непередаваемых и лишённых смыслового содержания слов; 4) возможность заимствования имён других народов, отмеченная в источниках, ставит под сомнение принадлежность иранцам даже переведённых с помощью древнеиранского и осетинского языка имён; 5) площадь территории, на которой найдены надписи по отношению ко всей Скифии и Сарматии, составляет не более 0,01%. Количество этих надписей-слов к общему словарному запасу составляет не более 1%. В обоих случаях такая статистическая выборка не позволяет математически и исторически достоверно делать выводы о языковой принадлежности скифов и сарматов; 6) максимальное количество, по факту находок, одновременно проживавших предположительно ираноязычных жителей в Танаиде (городе, где в соответствии с найденными надписями проживало больше, чем в других городах, ираноязычных жителей) не превышало 9 – 10 человек, что составляло сотые доли процента от общего количества горожан. В других причерноморских городах предположительно ираноязычных жителей было ещё меньше. Это значит, что ираноязычное население в причерноморских городах практически не проживало (в Танаиде – менее 0,1%), не говоря уже обо всей территории Скифии и Сарматии, где их, возможно, не было вообще; 7) антропологические материалы и письменные источники показывают несоответствие скифо-сарматского населения осетинам.

Если скифы и сарматы не говорили на иранском языке, то на каком же языке они говорили? Обратимся к письменным источникам. В Повести временных лет читаем: «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; и греки называли их «Великая Скифь»» (22, с. 146). И далее под 907 г. аналогично: «Пошёл Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь»» (22, с. 152). Аналогично записано в Ипатьевской (14) и Никоновской (21) летописях, Тверском сборнике (29) и других летописях.

Как видим, идёт перечисление славянских племён и при этом ясно говорится, что у греков эти славянские племена назывались «Великая Скифь», причём в процитированных текстах иное толкование просто невозможно. Таким образом, по самым нашим авторитетным источникам однозначно следует, что славяне у греков назывались скифами.

В подтверждение этому в «Истории» Льва Диакона, например, русские

Скифы.

Бляшка. Золото. VII-II вв. до н. э.

Эрмитаж. С-Пб.

названы скифами 63 раза, росами – 24 раза, тавроскифами – 21 раз (15, комм. к кн. 4, гл. 6). Вот отрывок, где Лев Диакон без перехода, тут же россов называет скифами: «...росы же, подбадриваемые своим военачальником Сфенкелом, который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава [Святослава – Ю.Я.]» (15, с. 71). И ещё эпизод: «Так они [ромей – Ю.Я.] достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце...» (15, с. 72). Для Льва Диакона – скифы = славяне = росы = русские. После Льва Диакона этникон «тавроскифы» применительно к русским употреблялся и другими авторами (Анна Комнина, Никита Хониат и др.). Отождествляет тавров с росами и Евстафий в комментариях к Землеописанию Дионисия (10).

В Мазуринском летописце сказано: «...новопришельцы скифы начаша именоватися словяня...» (17). Из Иоакимовской летописи также следует, что скифы были славянского рода (28, с. 108). В Никоновской летописи прямо сказано: «...словеньскому же языку, якоже рѣкохомъ, живущи на Дунаи, придоша отъ скиѡ...» (21). Какие же ещё нужны доказательства того, что скифы – это славяне, а скифский язык – это славянский язык?!

Итак, если скифы – это славяне, то, учитывая указываемое многими древними авторами родство сарматов и скифов, сарматов также следует считать славянами. О родстве скифов и сарматов сказано у Геродота. Он писал, что савроматы говорят на скифском языке (5, IV, 117). Страбон в своей «Географии» отмечает, что сарматы – тоже скифы (27, кн. XI, гл. II, 1). Курций Руф в «Истории Александра Великого» также говорит, что скифское племя не сопделено с сарматами, а составляет часть их (24, с. 131).

В тоже время сарматы и самостоятельно определяются как славянское племя. В Певтингеровых таблицах славянское племя венедов названо сарматами «Venadi Sarmatae» (32). К сарматам причислял венетов и Плиний. Славянские племена вандалов или венедов называл сарматами также Прокопий Кесарийский (23, с. 11). В Иоакимовской летописи, как пишет В.Н. Татищев, славяне именуются сарматами (28, с. 108). Следует также сказать, что и более поздние авторы называли скифов и сарматов славянами. М.В. Ломоносов писал, что славяне и сарматы были одним народом, причём первым именем с древних времён сами себя называли от славных дел, а другим именем от греков и римлян (16, с. 28).

Ю.И. Венелин отмечал, «что какие бы ни носились впредь новые имена над Русью, они не могут уничтожить таящейся в Сарматии идеи руссизма» (4, с. 5). И.Е. Забелин в «Истории русской жизни с древнейших времён» говорит, что савроматы были славянскими племенами (11, с. 235), при этом приводит слова Помпония Мела, что в Сарматии было много племён, но все говорили одним языком (11, с. 237). Значит, вся территория Сарматии была заселена одним славянским народом. И ещё, пишет И.Е. Забелин, что по характеру этого языка и все другие обитатели нашей равнины явственно могли называться сарматами, то есть, в сущности, славянами, и сармат в собственном смысле был славянин (11, с. 237–238). Д.И. Иловайский замечает, что Русь скрывается в VII – IX веках в византийской историографии под общими именами скифов и сарматов (12, с. 76). Из приведённых выше сведений достаточно убедительным является вывод о славянстве скифов и сарматов, и, что естественно, говорили они на славянском языке.

Рассмотрим, как согласуется этот вывод с материалами по антропологии и археологии. Ещё в конце семидесятых годов XIX столетия А.П. Богданов

сделал вывод, что «курганное население скифской эпохи настолько близко по общеплеменным чертам к курганному населению других прилегающих областей Средней России, что с большою вероятностью должно быть отнесено к одному типу с ними» (2, с. 14). Более того, далее (с. 15) он писал, что «краниологические данные дают ещё больше основания утверждать, что термин «скифский» может иметь только географическое или археологическое значение, но не племенное, не антропологическое». Как видим, полное соответствие с данными русских летописей, а именно скифы = славяне. В этой же работе (2, с. 1) указано аналогичное мнение Д.Я. Самоквасова, что названием «славянский», как и «скифо-сарматский», определяется не народность могил, а историческая эпоха, к которой они относятся. Общим выводом работ А.П. Богданова, пишет Г.Ф. Дебец, является доказательство однородности физического типа древнего населения России и исконного единства «русского племени», издавна населявшего Восточно-Европейскую равнину (7, с. 10–11).

Итак, антропологические материалы неопровержимо свидетельствуют о неизменности населения, живущего на Восточно-Европейской равнине. Эта неизменность наблюдается и при переходе от скифо-сарматского к летописным временам. То есть скифы и сарматы были предками позднее живших на этих территориях славян, и сами, естественно, были такими же славянами. Некоторое отличие краниологических параметров скифов и сарматов говорит о том, что это были разные роды одного славянского племени.

Данные археологии также подтверждают сделанные выводы о генетическом единстве населения скифо-сарматского времени и славян. В своей книге «Восточнославянские племена» П.Н. Третьяков утверждает, что в распоряжении археологической науки нет никаких данных, указывающих на смену населения в Верхнем Поднепровье. Веками здесь жило одно и то же население (30, с. 83), то есть славяне. Далее, в общем-то приверженец ираноязычной теории, П.Н. Третьяков признаёт, что многие элементы религиозных представлений и обрядности связывали средневековых славян с миром не только протославянских племён, но и со скифами. В качестве примера сходства он приводит изображение четырёхликого славянского бога, найденного в реке Збруч, на котором был высечен ряд чисто скифских атрибутов: конь, турий рог и меч (30, с. 64). И далее, там же, пишет, что по рассказу Саксона Грамматика, автора XII в., конь, питьевой рог и меч были атрибутами бога балтийских славян Святовита. Такие же изображения имеются на каменных бабах скифского времени, найденных в Восточной Скифии.

Геродот, рассказывая о скифах, писал, что «на каждом таком холме водружён древний железный меч... Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот» (5, IV, 62). Такое же поклонение мечу было и у славян. Одежда скифов и их внешний облик по изображениям, дошедшим до нас,

Скифы.
Бляшка. Золото. VII-II вв. до н. э.
Эрмитаж. С-Пб.

например, на вазе из кургана Чертомлык, золотом гребне из кургана Солоха, электровом сосуде из кургана Куль-Оба, пекторали из Толстой Могилы, очень похожи на одежду и внешний вид славян.

На ряд поразительных параллелей указывает П.Н. Третьяков, которые связывают население северо-западной и северной периферии Скифии со славянскими племенами последующего времени. Это жилища-землянки, известные по «домовищам» в курганах скифской поры и по материалам средневековых славянских городищ; глиняные печи в этих землянках – очень похожие на печи I тыс. до н.э.; ямы для хранения зерна, имевшие в древности и в славянское время одинаковую колоколовидную форму (30, с. 62). Далее, там же, говорится, что погребальный обряд у скифов, по мнению Д.Я. Самоквасова, долго сохранялся славянами.

Итак, у скифов и у славян были одинаковые типы жилища и быт, обряд погребения, религиозные представления, обрядность и, наконец, внешний вид.

В качестве ещё одного аргумента приведём результаты анализа В.А. Городцовым экспонатов выставки крестьянского искусства, а именно севернорусских вышивок. Он пишет о схожести религиозно-культурных и обрядово-правовых представлений в памятниках русского народного творчества с такими же представлениями у сарматов и даков (6, с. 7). Например, повторяющиеся изображения женского божества, великой богини, как пишет Городцов, со стоящими по сторонам всадниками. Причём при анализе искусства народов, населявших территорию Европейской России до первых веков христианской эры и не принадлежащих к русской нации, аналогий с описанным народным творчеством не находится, но как только начинают рассматриваться сарматские древности, тотчас видны искомые совпадения (6, с. 20). Приведённые Городцовым аналогии также позволяют поставить знак равенства между сарматами и славянами. Похожие мотивы имеются и в скифском искусстве (6, с. 30).

Б.А. Рыбаков, анализируя вышивки из Северной России XIX в., также подтверждает высказанные Городцовым мысли о древних параллелях представленных сюжетов. Изображения великой богини или заменяющее её дерево жизни и всадников-жрецов показаны на вышивках и на скифских предметах (25). Скифо-сарматские и славянские аналогии заметил и Л.А. Динцес, при анализе одежд глиняных игрушек. Он пишет, что изображение более древнего типа одежды, чем княжеская, на куклах Киевской Руси тесно связывает их с древней богиней Скифо-Сарматии. При этом отмечает единообразие изображений женских одежд по всей территории Скифии и Сарматии (8). Таким образом, добавляется ещё один аргумент к выводу о славянстве и единообразии племён Скифии и Сарматии.

По данным исторических источников и материальной культуры можно

сделать очевидные выводы, что скифы и сарматы были славянами и говорили на едином общеславянском языке, антропологические материалы неопровержимо свидетельствуют о неизменности населения, живущего на Восточно-Европейской равнине, с преемственной материальной культурой, в том числе и при переходе от скифо-сарматского к летописным временам.

Примечания

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.; Л.: АН СССР, 1949.
2. *Богданов А.П.* О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. – М., 1880.
3. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
4. *Венелин Ю.И.* О готах. Об обрах. О споре между южанами и северянами на счёт их россизма. – М.: Университ. тип., 1848.
5. *Геродот.* История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972.
6. *Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. – ТГИМ. 1926, вып. 1.
7. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. – М.; Л.: АН СССР, 1948.
8. *Динцес Л.А.* Русская глиняная игрушка. ТИАЭА. – М.; Л.: АН СССР, 1936.
9. *Дион Хризостом.* Борисфенитская речь. SC, I, 1.
10. *Евстафий.* Комментарии к землеописанию Дионисия. SC, I, 1.
11. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времён. Ч. 1. – М.: Синодальная тип., 1908.
12. *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. – М., 1882.
13. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. – М.: Восточная литература, 1960.
14. *Ипатьевская летопись.* ПСРЛ. – Т. 2. – СПб., 1908.
15. *Лев Диакон.* История. – М.: Наука, 1988.
16. *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию Миллера Г.Ф. // Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. – Т. 6. – М.; Л.: АН СССР, 1952.
17. *Мазуринский летописец.* ПСРЛ. – Т. 31. – М., 1968. – Л. 2 об.
18. *Марцеллин А.* Сохранившиеся книги истории. SC, II, 2.
19. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Изд-во иностр. литерат., 1951. 20. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. III. – М., 1887.
21. *Никоновская летопись.* ПСРЛ. – Т. 9-10. – М., 1965.
22. *Повесть временных лет.* – СПб.: Наука, 1996.
23. *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с вандалами. Кн.1. – СПб., 1891.
24. *Курций Руф.* История Александра Великого. SC, II, 1.
25. *Рыбаков Б.А.* Искусство древних славян. В кн.: История русского искусства. – Т. 1. – М.: Наука, 1953.
26. *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. – М.: МГУ, 1984.
27. *Страбон.* География. – М.: Ладомир, 1994.
28. *Татищев В.Н.* История Российская. – Т. 1. – М.; Л.: АН СССР, 1962.
29. *Тверской сборник.* ПСРЛ. – Т.15. – М., 1965.
30. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. – М.: АН СССР, 1953.

Скифы.

Бляшка. Золото. VII-II вв. до н. э.
Эрмитаж. С-Пб.

31. Хабургаев Г.А. Становление русского языка. – М.: Высшая школа, 1980.
32. Шафарик П.И. Славянские древности. – Т. 2, кн.3. Приложение VII. – М., 1847.
33. Яхонтов Ю.А. Летопись славян – россов с древнейших времён до Рюрика. – М.: Вече, 2009.

SC – В.В. Латышев. Scythika et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. // Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева. – Т. 1. Греческие писатели. – СПб., 1893–1900. Т. 2. Латинские писатели. – СПб., 1904, 1906.

ПОЭЗИЯ

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Сергей Александрович Лебедев – родился в 1949 г. в Рязанской области. По профессии химик-технолог. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. Лауреат премии «Левша» имени Н.С. Лескова 2012 г. за лучшую публикацию в журнале «Приокские зори» г. Тула в жанре поэзии. Дипломант и лауреат 4-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2013».

Живёт и работает в Тольятти.

Лишь утёс Шелудяк не боится метели...

Март

Март елозит грязной тряпкой
Между сосен на поляне,
Собирает снег украдкой,
Унося его в кармане.
Торопясь, испачкал руки,
Побежал на речку мыться,
А на ней, пыхтя от муки,
Лёд пока что серебрится.
Март на берег лёг устало,
Подышал на ветки вербы,
Но ещё силёнок мало,
У весны он – только первый.

Половодье

Половодье – полая вода,
Мутная, холодная, чужая,
Под обрывом берега – беда,
Чья она, пока ещё не знаю.
Половодье – мутная вода,
Брёвна, сено, старые газеты,
Всё плывёт неведомо куда,
Мусор половодья, словно меты.
И в России – полая вода,
Мутная и с жёлтой пеной, мшистой...
Но пройдут безвременья года,
Верю я – Россия будет чистой.

Летнее утро

Ночь прошла... И закончился дождик,
 До рассвета шептавший с листвою.
 Вновь заря начинает свой розжиг,
 Светом серым тревожа покой.
 Тишина... Только бочка икает,
 Бьёт капелью её водосток.
 Одинок кукушка считает,
 Этот счёт для кого-то жесток.
 Пролетели, закаркав, вороны,
 Оболгав тишину и зарю.
 Застучали по рельсам вагоны,
 Я за звук этот их не журю.
 Продолжается утро... И громко
 На озёрах запели певцы.
 А у туч вдруг окрасились тонко
 Фиолетовым цветом концы.
 Новый день... И тепло предвкушая,
 Неподвижно застыли цветы.
 Громкий свист... И утиная стая,
 Поднялась на крыло от воды.
 И всё громче кричали лягушки,
 Лёгкий бриз в разноцветье кустов,
 И у них закачались верхушки –
 Слава миг пробужденья ветров.

На Самарской Луке – осень...

Серый клочок облаков, Жигули запестрели,
 Облетает листва на волну с тополей,
 И утёс Шелудяк ожидает метели,
 Да порошу по глади звенящих полей.
 И прозрачной волной, разбиваясь о скалы,
 Волга гонит отары быстрее на юг,
 Навигация стихла, пустеют каналы,
 А реке постоять, отдохнуть недосуг.
 И последний изгиб за Самарской Лукою
 Она сделает, чтобы стрелою лететь,
 Чтобы вновь помутнев в половодье весною,
 На широкой волне с пароходами петь.
 А пока на Луке Жигули запестрели
 И роняют листву на волну с тополей,
 Лишь утёс Шелудяк не боится метели,
 И снегов на просторах звенящих полей.

Осень в кострах догорала

Тополя отражаются жёлтой листвою
 На воде потемневшей канала.
 Пахнет горьким бальзамом – засохшей травой,
 Утром осень в кострах догорала.
 Дым не тянется вверх, а плывёт над водой,
 Словно лето, туманное утро.
 Жигули, как старухи, подкрасились хной,
 Скоро ляжет и снежная пудра.
 Лишь, пожалуй, меня не украсит ничто,
 Облетают года, словно листья.
 Но я молод и счастлив своею мечтой,
 Что пейзажи пишу, словно кистью.

Зимние этюды

1

Январь. Жигули поседели.
 Насупились. Молча стоят.
 Им шапки надели метели –
 Суровый крещенский наряд.
 Слепли. Январское солнце,
 Меха снеговые искра,
 Морщины кладёт на утёсы,
 Лучами их старость коря.

2

Ярко светит звезда над поляной,
 Рядом озеро спит подо льдом,
 За деревьями в темени рваной
 Разлеглось по ложбине рядном.
 Как на рубище ветхом заплате,
 И стежки из кустов по краям.
 Снег лежит, словно клочьями вата
 По разорванным ветром полям.

Адский уголёк

Творчество Василия Розанова:
эволюция или вырождение
(на материале книги «Уединённое»)

Дайте адского уголька зажечь папироску...

В.В. Розанов. «Уединённое»

Кому и за что поют осанну...

Любить В.В. Розанова невозможно. И не потому, что он не умел писать, не поражал воображение читателей неповторимой образностью, чеканностью фраз, афористичностью изложения, красотой слога и мудростью речи, а потому что нормальный человек, взяв в руки книгу В.В. Розанова «Уединённое» из «Опавших листьев», остановится в недоумении: да это же типичный пример вырождения! И в самом деле: вырождение настолько явно просматривается в его творчестве, что только удивляешься, кто, как и за какие заслуги его причислил к «лику святых» отечественной философии. Да, Боже, избавь! Его книги не то что читать вредно, но даже и дома держать не следует, поскольку они источают яд смертоносный. Подчёркиваем, мы для анализа взяли только «Уединённое», о других его сочинениях если и скажем, то вскользь.

И дело вовсе не в противоречивости В.В. Розанова, противоречивость чаще всего говорит о том, что автор в своём духовном развитии, становлении взглядов и совершенствовании нравственных качеств проходит эволюцию. И если он в молодых годах воспевал революционные идеалы, а в зрелом возрасте отказался от них, то это может свидетельствовать о его постепенной эволюции. И это нормально, это ступени роста, это подъём по *лестнице духа*, это возвышение собственной личности до растворения её в Боге.

Любовь Владимировна Рыжкова – родилась в Туркмени, в г. Небит-Даге. С отличием окончила факультет русской филологии Туркменского государственного университета им. А.М. Горького в Ашхабаде, защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор четырёхсот публикаций, из которых 30 – книги и монографии, педагог, основатель научной школы по русскому языку и развитию речи, в настоящее время – проректор вуза по научной работе.

Живёт в Рязани.

Так было с А.С. Пушкиным, Ф.М. Достоевским, А.А. Блоком (6) и даже с В.Г. Беллинским, и даже с П.А. Вяземским. Но если человек в один и тот же период своей жизни крайне противоречив, причём, эти противоречия проявляются в одной книге – это настораживает и, возможно, говорит о раздвоении личности, расщеплении сознания и, скорее всего, патологии психического состояния.

Именно к таковым относится и В.В. Розанов, и достойно удивления, как это такого явного «психопата» вознесли на такую высоту.

Психопатом он называл себя сам, причём, с этакой доброжелательной усмешкой: «В моё время, при моей жизни создались некоторые новые слова: в 1880 году я сам себя называл "психопатом", смеясь и веселясь новому удачному слову. До себя я ни от кого (кажется) его не слышал. Потом (еврея Шопенгауэра) многие так стали называть себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало "болезнь духа", вроде Байрона, – обозначало поэтов и философов. Вертер был "психопат". – Потом, позднее, возникло слово "декадент", и так же я был из первых» (4).

Впрочем, это как раз и неудивительно, так как расчленители общества, разрушители России прекрасно знают, кому петь осанну, а кого оставить в тени. В.В. Розанову поют осанну. Чёрный пиарщик толкает того, кто работает на разрушение сознания; того же, кто своим творчеством способствует созиданию и сплочению общества – он всеми силами пытается замолчать и не дать ему ходу. И напрасно Д. Галковский, автор статьи «Счастливый Розанов» (Литературная газета, № 16 (6067), 19-25 апреля 2006 г.) говорит: «И вот в 90-е годы «юродивый» Розанов ЗАДАВИЛ ВСЕХ. Его книги стали выходить для философа просто-таки гигантскими тиражами, тиражами совершенно коммерческими. Розанова узнали, Розанова полюбили, Розановым увлеклись не сотни московских интеллектуалов, а широкие читающие массы» (1). Неужели г-н Галковский не знает, как это просто делается? И что у такой славы есть своя технология? И что «широкие читающие массы» никогда бы не узнали В.В. Розанова, не будь в него вложены немалые деньги с точным расчётом получить ещё большие деньги, и не будь ему обеспечены: 1) приличные тиражи; 2) реклама имени. Не зря же он сам говорит – «тиражи коммерческие». Но чтобы скрыть это знание, он наивно восклицает: «Причём,

В.В. Розанов (1856-1919)

никакого центра, насаждающего розановщину, не было. Наоборот, между несколькими группами розановедов шла ожесточённая конкуренция».

Смешно, ей-Богу. Если бы это сказал семнадцатилетний юнец – понятно – восторженное молоко на губах не обсохло. Но когда это говорит зрелый муж (надо полагать), – извините, тут дело не чисто. Во-первых, ничто так не способствует экономическому процветанию и продвижению товара (а сочинения В.В. Розанова – тоже товар), как конкуренция. И во-вторых, тому чёрному пиарщику, который невидимо управляет обществом и, в частности, литературным процессом, крайне выгодно популяризировать творчество В.В. Розанова, ибо оно разрушительно в своей сути, что, собственно, и требуется сегодня для оболванивания людей. Он поощряет всех, кто ему служит.

Но г-н Галковский причину подобного успеха видит в том, что «К Розанову можно привязать всё. И всех – всё многонациональное и многословное население России. Розанов – это вечная юность, вечное удивление, вечная приспособляемость и стремление к пониманию». Это отчасти верно, но гораздо правдивее этот автор, на наш взгляд, выразился тогда, когда заметил, что «Розанов подавался как ультрамонархический антисемит, юродивый эротоман и карикатурный подлец...» и отметил также его «всеядность». Вот это последнее качество и делает В.В. Розанова удобоваримым для всех.

Но кому небезразлична судьба России и дорог престиж нашего Отечества, тот никогда не станет в ряд почитателей творчества В.В. Розанова. Никогда.

Опасные симптомы вырождения человека solo

Начнём сначала. Как известно, лучше всего об авторе говорят его собственные сочинения, вот и обратимся к его шибко «раскрученным» критикой «Опавшим листьям». Кстати сказать, любой психиатр уже в этом названии увидит опасные симптомы душевного нездоровья – не радость жизни, не цветение природы, не солнечный свет стали предметом вдохновения В.В. Розанова, а опавшие листья, высохшие, сморщенные, покоробившиеся и почерневшие, как символ смерти, увядания, угасания.

Если рассматривать психологическую подоплёку этого названия – автор не видел в жизни радостной перспективы, и как впереди у опавших листьев – распад и тление, так и В.В. Розанов видел вокруг только беды и несчастья. И они не замедлили произойти, словно материализованные его писательским словом. У него умер единственный сын, заболела, а потом умерла жена, парализовало его самого, а после его смерти повесилась дочь. Но он подсознательно был готов к несчастьям и разрушению, он готовил для них почву и сам был их источником.

Упаднические мотивы могут возникать в сознании незрелого юнца или юницы, когда вследствие первых конфликтов с миром и первых разочарований появляется этакий комплекс Печорина, но потом у нормального человека это проходит, по мере его взросления и понимания законов жизни. И, как правило, эти юношеские мотивы мнимой тоски, одиночества, непонимания впоследствии вспоминаются с улыбкой. Но когда человек постоянно живёт в этом состоянии – это наводит на вполне определённые мысли о его нездоровье и самое страшное – о его нездоровом влиянии на общество посредством своих сочинений.

Среди деятелей искусства, так же, как и во всех других областях, безусловно, есть люди душевнобольные, но если многие другие сферы деятельности

для них исключаются, искусство – это та сфера, которая им не запрещена, вот они и разворачиваются на её попроще.

Среди лётчиков, к примеру, вы не найдёте ни одного сумасшедшего, потому что в эту область их просто не допустят. Первая же медицинская комиссия им даст такое заключение, что они забудут и мечтать о небе. В школу к детям их тоже не допустят, так же, как и в юриспруденцию, банковскую сферу и так далее.

Область же искусства кажется людям более безопасной, и, между прочим, зря. Влияние искусства на человечество огромно, и тот вред, который могут нанести душевному и нравственному здоровью других людей психически неполноценные деятели, страшен.

Но всё же, к счастью, не они вносят основной вклад в развитие мирового искусства и двигают его вперёд.

И, тем не менее, я убеждена: нельзя искусство отдавать на откуп сумасшедшим. Их надо изолировать от здоровых людей. И тогда не будет таких деятелей, как Марк Шагал с его безумными и полубезумными картинами. Не будет совершеннейшего вырожденца Сальвадора Дали, которого такие же вырожденцы объявили гением. Не будет творчества всех этих кубистов и футуристов, имажинистов и модернистов, всех этих дыр, квадратов, треугольников, всей этой мазни, которую выдают за шедевры и вводят в заблуждение весь мир.

Истинные же деятели искусства – это всегда душевно здоровые люди, гармоничные, полноценные, стремящиеся к совершенству. Своими произведениями они приносят в мир радость, гармонизируют его и, что называется, увеличивают количество света. И напротив, лжедеятели искусства дурно влияют на общество посредством своих сочинений, принося хаос, путаницу и беспорядочность в сознание и давая молодёжи ложные ориентиры. И в этом смысле их творчество, так же, как и творчество В.В. Розанова, крайне вредно. Собственно, он и сам себя, как мы помним, назвал психопатом.

Он вообще о себе отзывался дурно: «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» (4, с. 192). И даже откровенно признавался: «Хотел ли бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотел бы, – это быть злым, вредительным. Тут я предпочёл бы умереть. Но я был в жизни всегда ужасно неуклюжий. Во мне есть ужасное уродство поведения, до неумения "встать" и "сесть". Просто, не знаю как» (4, с. 172).

Он приводил о себе нелестные отзывы других: «Шперк мне сказал однажды: «Не в намерениях ваших, не в идеях – но как в человеке в вас есть что-то нехорошее, какая-то нечистая примесь, что-то мутное в организации или в крови. Я не знаю что, – но чувствую» (4, с. 171).

А вот его признания в собственной слабости, ведомости, безынициативности, ощутимые им с детства: «Слабым я стал делаться с 7-8 лет... Это – странная потеря своей воли над собою, – над своими поступками, "выбором деятельности", "должности". Например, на факультет я поступил потому, что старший брат был "на таком факультете", без всякой умственной и вообще без всякой (тогда) связи с братом. Я всегда шёл "в отворенную дверь", и мне было всё равно, "которая дверь отворилась". Никогда в жизни я не делал выбора, никогда в этом смысле не колебался. Это было странное безволие и странная безучастность» (4, с. 201).

Любопытно и такое признание, свидетельствующее о сильно развитом его: «Мне собственно противны те недостатки, которых я не имею. Но

мои собственные недостатки, когда я их встречаю в других, нисколько не противны. И я бы их никогда не осудил» (4, с. 183).

При этом его захлёстывает самомнение: «Трёх людей я встретил умнее или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя...» (4, с. 238), – заявляет он, и даже делается за него неловко. Но он своими дальнейшими высказываниями только усиливает это ощущение: «Прочие из знаменитых людей, каких я встречал: Рачинский, Страхов, Толстой, Победоносцев, Соловьёв, Мережковский, – не были сильнее меня...» (4, с. 239). Вот так, не больше и не меньше. И одновременно он бывает самокритичен, вернее, эта самокритичность прорывается в полуболезненных и болезненных откровениях, когда он чувствовал себя то странником, то иностранцем, всюду чужим, везде одиноким и всегда непонятым человеком. Он писал: «Всё мне чуждо, и какой-то странной, на роду написанной, отчуждённостью. Что бы я ни делал, кого бы ни видел – не могу ни с чем слиться. "Несовокупляющийся человек", – духовно. Человек solo» (4, с. 173).

Человек solo... запомним это...

В другом месте о своём одиночестве он скажет так: «Страшное одиночество за всю жизнь. С детства. Одинокие души суть затаённые души. А затаённость – от порочности» (4, с. 273). Логичный вывод: его одиночество содержит в себе нечто порочное, то есть это не такое одиночество, которое иногда бывает необходимо человеку, чтобы собраться с мыслями, обдумать ситуацию, принять решение, просто посидеть в лирической тишине и насладиться ею. Это одиночество иное, оно – следствие внутренней затаённости и порочности. В.В. Розанов всю жизнь воспевал эту порочность и томился ею. Он враждовал с миром, людьми, природой, не находя гармонии ни в чём. Да так и умер, не поняв и не увидев её. Наверное, он был глубоко несчастным человеком.

О сходстве с другими вырожденцами

Признаки вырождения у В.В. Розанова можно наблюдать с самого раннего детства. Удивительно, но он ненавидел даже свою фамилию, которую получил его отец – Василий Фёдорович Елизаров, учась в духовной семинарии, именно получил, так как среди духовенства перемена фамилии была нормой того времени. Более того, он считал: «Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду. Сколько я гимназистом простаивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре, – "сколько тайных слёз украдкой" пролил. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волосы прямо огненного цвета (у гимназиста) и торчат кверху, но не благородным "ежом" (мужской характер), а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо, и как я не видал ни у кого» (4, с. 62).

Но и это ещё не всё. Он писал: «... я с детства любил худую, заношенную, проношенную одежду. «Новенькая» меня всегда жала, теснила, даже невыносима была...» (4, с. 64).

И уж совершенно потрясающее откровение: «Я наименее рождённый человек», как бы "ещё лежу (комком) в утробе матери" (её бесконечно люблю...» (4, с. 64-65).

Более того, в письме к П.А. Флоренскому (от 9 июня 1909 г.) он писал: «Я часто представляю мать, совокупляющуюся тем совокуплением, от

которого произошёл, и она мне ужасно мила в этом. <... > Она ужасно милая и трогательная, моя мама, я её ужасно люблю. Точно и теперь в её утробе».

Всё это очень напоминает нам двух других, не менее знаменитых вырожденцев, которых мы уже упомянули – Марка Шагала и Сальвадора Дали. Болезненное воспоминание о своём детстве беспокоило С. Дали всю жизнь, более того, он сделал это предметом литературного творчества и написал заметки, один из разделов которых назвал «О своём рождении», и первая же фраза говорит за себя: «Вот меня и выродили. Теперь с этим придётся считаться» (2, с. 21).

И вот они, признаки вырождения – налицо: «Как это прекрасно – родиться на свет таким мерзким пасмурным днём!» (2, с. 22).

И ещё одно красноречивое признание С. Дали: «То, что предстаёт взгляду взрослого сборищем мерзостей, в нежном возрасте есть набор обыденностей» (2, с. 39).

Но более всего удивляет схожесть С. Дали и В. Розанова в другом – судите сами, вот откровение С. Дали: «Думаю, мои читатели вовсе не помнят или помнят очень смутно о важнейшем сроке своего бытия, проходящем в материнском лоне и предшествующем появлению на свет. Мне же он помнится так отчётливо, как вчерашний день. Вот почему я начну с самого начала – с ясных и уникальных воспоминаний о своей внутриутробной жизни. Без сомнения, это будут первые мемуары такого рода в мировой литературе» (2, с. 161).

Ещё цитата: «У внутриутробного рая – цвет адского пламени: красно-оранжево-жёлто-синий» (2, с. 162).

И для сравнения – выдержки из книги В.В. Розанова: «Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. "Мне и тут тепло"» (4, с. 139).

А как вы думаете, кому могут принадлежать вот эти слова: «Не надо быть Аристотелем, чтобы прийти к единственному правильному выводу – внутри лучше, чем снаружи. И потому мы стремимся, что и миг, залезть кому-нибудь под юбку» (2, с. 164). Это уже С. Дали.

Но вот признания другого прославленного «мэтра»: «Но главное, родился я мёртвым. Не хотел жить. Этаким, вообразите, бледный комочек, не желающий жить. Как будто насмотрелся картин Шагала. Его кололи булавами, окунали в ведро с водой. И наконец он слабо мяукнул. В общем, я мертворождённый. Пусть только психологи не делают из этого никаких нелепых выводов» (7, с. 6). Это уже М. Шагал. Я не знаю, делали ли психологи из этого какие выводы, но, по-моему, тут и так всё ясно. Более красноречиво о собственном состоянии М. Шагал сказать не мог.

В.В. Розанов (1856-1919)
с дочерью Надеждой.
Фото 1893 г. Санкт-Петербург.

Мертворождённый человек впоследствии породил мертворождённые картины. И этот мертворождённый мазилка ещё смел потом судить о русском искусстве и призывать: *«Куда мы идём? Что за эпоха, прославляющая технику и преклоняющаяся перед формализмом? Да здравствует же безумие! Очистительный потоп. Глубинная, а не поверхностная революция»* (7, с. 108). Вот они-то, такие безумцы, её и устроили.

Но главное – болезненные впечатления патологически расщеплённого сознания диктовали им схожие мысли, которые находили своё отражение в философских сочинениях, автобиографических заметках, письмах, картинах и т. д.

Если в основе мировоззрения – порочность...

Вырожденец всегда знает, что он вырожденец. И потому иногда он говорит удивительно правильные вещи: *«Какими рождаемся – таковы и в могилку. Тут какие-то особенные законы зачатия. Наследственность. Тут какой-то миг мысли, туман мысли или безмыслия у родителей, когда они зачинали меня: и в ребёнке это стало непоправимо»* (4, с. 174), – писал, например, В.В. Розанов.

Временами вырожденец ясно осознаёт пагубность собственного творчества и понимает, что оно – следствие нездорового мышления. В эти редкие минуты он даже делает трезвые выводы: *«Запутался мой ум, совершенно запутался... Всю жизнь посвятить на разрушение того, что одно в мире люблю: была ли у кого печальнее судьба»* (4, с. 225).

Но будто подхваченные волной собственного аморфного сознания, рождающего чудовищные образы, они начинают говорить уже нечто другое, то, что противно натуре нравственно полноценного человека. В.В. Розанов, например, буквально воспевал унижение, он его обожал и пел ему хвалу. Причём, ему было неважно, относилось ли оно к нему самому или к кому другому, главное – ему необходимо было почувствовать униженность, отверженность, изгойство как перманентное состояние. Он писал: *«Ни о чём я не тосковал так, как об унижении. "Известность" иногда радовала меня, – чисто поросычьим удовольствием. Но всегда это бывало ненадолго (день, два): затем вступала прежняя тоска – быть, напротив, униженным»* (4, с. 141). Удивительное признание, которое можно написать на воротах психиатрической больницы.

Но В.В. Розанов на этом не останавливался, он буквально заходил от собственной любви к унижению: *«Унижение всегда переходит через несколько дней в такое душевное сияние, с которым не сравнится ничто»* (4, с. 146).

И при этом, желая быть униженным, одновременно он осознавал нелепость собственных ощущений, чувствовал себя ненужным элементом в обществе, таким лишним человеком, более того, даже сором... И потому, размышляя о смерти, он писал: *«Нужно, чтобы этот сор был выметен из мира. И вот, когда настанет это "нужно" – я умру»* (4, с. 142).

Болезненное состояние, выраженное в желании быть униженным, имеет и другую сторону – садомазохизм, то есть желание унижать других, издеваться над ними, упиваясь видом их страданий. По сути, это, что называется, другая сторона медали.

Видимо, не случайно, не на бесплодной почве возникали эти ощущения – собственной никчёмности, ненужности, необязательности... Когда в

фундаменте здания – трещина, ненадёжно всё здание; **если в основе мировоззрения – порок, то порочно и всё творчество**, какими бы красотами оно ни прикрывалось. Страшно сказать – В.В. Розанов, которого возводят в образец порядочности, добродетельности, гениального ума, совершенно цинично заявлял: *«Я ещё не такой подлец, чтобы думать о морали»* (4, с. 163). И не менее цинично записывал: *«Даже не знаю, через "Ъ" или "е" пишется "нравственность"»* (4, с. 166).

Более того, он откровенно признавался в письме к П.А. Флоренскому в своих гомосексуальных опытах: *«О содомии Вы угадали: конечно, я не боюсь её, и выставил: христианство=содомия для популярного возражения, в очах толпы. <...> В тождестве содомизма и христианства я внутренне убеждён (не педерастии, а настоящей содомии, которая бывает и духовная, без физики). И именно нынешний год это убеждение у меня окончательно созрело. "Как брату моему" я Вам скажу, что из любопытства я испытал содомию (этот год), но увидел, что "не имею вкуса", для меня – ничего не представляет...»* (4, с. 387–388).

В этой же книге приводится интересный комментарий В.Г. Сукача, который отмечает: *«Интимное признание вызвало молчание корреспондента, и Розанов снова продолжает тему в письме от 7 января 1909 г.: "Вы рассердились на меня за мой опыт с s? Готов заглянуть хоть в вулкан, чтобы знать, что там делается. <...> Мне больно думать, что Вы меня презираете за опыт" (там же). 23 марта 1909 г. Розанов, уже раскаявшийся в своём «опыте», снова возвращается к нему в письме к своему другу: "Не судите меня очень за любопытство... Конечно, я всё заботливо пишу насчёт своих «признаний», что погрузился в такую-то и такую-то «нечистоту». Правда, я слаб в любопытстве, как баба (с гимназических лет)»* (4, с. 388).

После этих откровений меркнет облик В.В. Розанова, упорно создаваемый сегодня чёрным пиарщиком и его купленными СМИ. И не просто создаваемый, а ещё и навязываемый нам чуть ли не в отцы нации. Д. Галковский, уже упоминаемый нами, например, считает, что *«провокаатор»* и *«маргинал Розанов оказался великим объединителем. Культурным паролем»* (1) именно в силу его всеядности. **Только в русском народе это всегда называлось: и нашим – и вашим, и никогда не считалось доблестью.**

А то, что имя В.В. Розанова является «культурным паролем» – мы не сомневаемся. Безусловно, это так. Свои люди прекрасно понимают, о чём идёт речь.

Читая В.В. Розанова, очень трудно найти у него светлые мысли, у него всё мрачно, пессимистично, тоскливо. И потому, говоря о его творчестве, испытываешь чувство угнетённости и даже безысходности. Краски сгущаются как бы сами собой – такова была вся его жизнь. Судьба. Карма. Но не нам о том судить – это его личная карма. Мы можем только размышлять о её отражении – его тёмном творчестве.

Тропиночка к свету

Искренне желая найти у В.В. Розанова нечто светлее, эту тропиночку к свету, мы попытались взглянуть на его циничные, полные злобности «Опавшие листья» иначе. Безусловно, не всё в творчестве В.В. Розанова так темно и разрушительно, есть и проблески здравого смысла, некоего тяготения к красоте. Мы можем найти у него вполне приятные мысли, как например, эта:

«Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе. Если её нет, человек может только "сделать из себя писателя". Но он не писатель...» (4, с. 36). Или эта: «Когда, кажется на концерте Гофмана, я услышал впервые "Франческу Да Римини", забывшись, я подумал: "Это моя душа". То место музыки, где так ясно слышно движение крыл (изумительно!!!)» (4, с. 193).

Да, красиво, романтично, возвышенно – невольная музыка, движение крыл... И кстати, начало «Опавших листьев» тоже прельщает лирической нотой и какой-то волнующей, сладостно-щемящей грустью: «Шумит ветер в полночь и несёт листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, получувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что "сошли" прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, – без всего постороннего... Просто, – "душа живёт" ... т. е. "жила", "дохнула"...» (4, с. 9).

Есть мысли и вовсе замечательные: «Живи каждый день так, как бы ты жил всю жизнь именно для этого дня» (4, с. 35). Или: «Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы не с правды – он – не Бог, и небо – трясына, и солнце – медная посуда» (4, с. 148).

Есть правильные мысли, с которыми легко согласиться, например, о развитии техники, всё более вторгающейся в нашу жизнь: «Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же её и раздавила. Появилась "техническая душа" – *contradictio in adjecto*. И вдохновение умерло» (4, с. 104); о тщеславии и хвастовстве: «И только одно хвастовство, и только один у каждого вопрос: "Какую роль при этом я буду играть?" Если "при этом" он не будет играть роли, – "к чёрту"» (4, с. 122). Или же о литературе: «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это – инстинкт. Не из такового ли инстинкта родилась литература (письменная)?» (4, с. 118); о желании всё знать: «О, мои грустные "опыты"... И зачем я захотел всё знать. Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся...» (4, с. 169).

Но и эти цитаты из книги В.В. Розанова, положив руку на сердце, не поражают воображение какими-то особенными достоинствами, они достаточно заурядны, и любой честный читатель скажет, что они вообще, что называется, сейчас притянуты за уши, чтобы показать, что не всё так безнадежно и мрачно в его творчестве. Пусть так, но мне очень хотелось увидеть у В.В. Розанова хоть искорку настоящего света и таланта.

Однако чаще всего мы встречаем в его сочинениях мысли вполне банальные, расхожие, без блеска ума, вроде следующих.

«Из безвестности приходят наши мысли и уходят в безвестность» (4, с. 14).

«Малую травку родить – труднее, чем разрушить каменный дом» (4, с. 49).

«Человек стоит на двух якорях: родители, их "дом", его младенчество – это один якорь. "Первая любовь". 13-14 лет – есть перелом; предвестие, что потянул "другой якорь"... Исход и – венец; пристань "отчала" и пристань "причала"» (4, с. 206).

Но всё это общеизвестно, не ново, не ярко. И всё это блекнет перед другим В.В. Розановым – В.В. Розановым как типичным представителем вырождения, возведённого в ранг национального гения. Но мы скажем иначе: **В.В. Розанов – даже не гений зла, ему вообще далеко до гениальности, он просто**

ремесленник разрушения. Одна из его любимых фраз – «Позволю себе немного поинквизиторствовать...» (4, с. 28). И ведь инквизиторствовал, причём, всю жизнь. В этом была его суть, его кредо.

Злобно говорил он о М.Е. Салтыкове-Щедрине: «Этот ругающийся вице-губернатор – отвратительное явление. И нужно было родиться всему безвкусию нашего общества, чтобы вынести его. <...> ... выбрал себе "стул, который не проваливается" – министерство внутренних дел. И дослужился, т. е. его всё "повышали", до вице-губернатора: должность не маленькая. Потом в чём-то "разошёлся с начальством", едва ли "ратуя за старообрядцев" или "защищая молодых студентов", и его выгнали. "Обыкновенная история"... Он сделался знаменитым писателем» (4, с. 28-29). И о нём же – ещё более гадко: «Как "матёрой волк" он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу» (4, с. 208).

Злобно говорил он о художнике И.Е. Репине: «Какая ложная, притворная жизнь Р.; какая ложная, притворная, невыносимая вся его личность. А гений. Не говорю о боли: но как физически почти невыносимо видеть это сочетание гения и уродства» (4, с. 47).

Злобно, даже язвительно говорил и о его жене: «Около него эта толстая красивая женщина, его поглотившая – как кит Иону: властолюбивая, честолюбивая и в то же время восторженно-слащавая. Оба они погружены в демократию и – только и мечтают о том, как бы получить заказ от двора. Точнее, демократия их происходит от того, что они давно не получают заказов от двора...» (4, с. 47).

Злобно говорил он о В.Г. Короленко: «Короленко какой-то угрюмый и, может быть, не умный. Я думаю, несколько сумасшедший» (4, с. 58).

Злобно говорил он о Л.Н. Толстом: «Толстой прожил, собственно, глубоко пошлую жизнь... Это ему и на ум никогда не приходило. Никакого страдания; никакого "тернового венца"; никакой героической борьбы за убеждения; и даже никаких особенно интересных приключений. Полная пошлость» (4, с. 161).

В другой раз он пишет: «Таких, как эти две строки Некрасова:

*Еду ли ночью по улице тёмной, –
Друг одинокий!..*

нет ещё во всей русской литературе. Толстой, сказавший о нём, что "он несколько не был поэт", не только обнаружил мало "христианского смирения", но не обнаружил беспристрастия и простого мирового судьи. Стихи, как:

Дом – не тележка у дядюшки Якова –

народнее, чем всё, что написал Толстой» (4, с. 37).

И словно спохватываясь, скажет о нём уже несколько иным тоном, правда, не о нём самом, а о его похоронах: «Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России, и, кроме Добчинских, никого там и не было... <...> Всю жизнь он полагал именно на борьбу с такими, на просвещение таких, на то, чтобы разбудить таких, воскресить, преобразить...» (4, с. 107-109).

Что же имел в виду Василий Васильевич Розанов, когда рука его выводила эти строчки? И что он имел в виду, говоря, что многие знаменитые люди, которых он встречал в жизни, были слабее его, среди которых он называл и Л.Н. Толстого? В.В. Розанов несколько это пояснял: «Толстой... Когда я

говорил с ним, между прочим, о семье и браке, о поле, – я увидел, что во всём этом он путается, как переписывающий с прописей гимназист между "и" и "i" и "й"; и, в сущности, ничего в этом не понимает, кроме того, что «надо удерживаться». <...> Ни – анализа, ни – способности комбинировать; ни даже – мысли, одни восклицания» (4, с. 242).

Не лестнее и о К.П. Победоносцеве: «Победоносцев был прекрасный человек; но ничем не выразил, что имел "прекрасный, самородный русский ум". Был настолько обыкновенен, что не истоптал своего профессорства» (4, с. 243).

В старости В.В. Розанов стал ещё большим пессимистом, чем был раньше. Тому способствовали обстоятельства его жизни: смерть сына, болезнь жены, бедность... У него появляются грустные мысли о старости, скором уходе. И, кстати сказать, именно в этих размышлениях В.В. Розанов видится нам наиболее искренним, задушевым и менее экзальтированно-болезненным. Посудите сами: «Вот и совсем прошла жизнь... Остались немногие хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные... Как всё становится ненужно. Это главное ощущение старости. Особенно – вещи, предметы: одежда, мебель, обстановка».

И здесь же – о смысле жизни, её итоге: «Каков же итог жизни? Ужасно мало смысла. Жил, когда-то радовался: вот главное. Что вышло? Ничего особенного» (4, с. 257).

И далее: «Только в старости узнаёшь, что «надо было хорошо жить». В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте – не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении – единственный "светлый гость" в "комнату" (в душу)» (4, с. 258).

И снова – искренние нотки: «Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать. И не хочется задерживать. Как всё изменилось в смысле соответственно этому положению. Как теперь не хочется веселья, удовольствий. О, как не хочется. Вот час, когда добродетель слаще наслаждений. Никогда не думал, никогда не предполагал» (4, с. 307).

А вот – из его рассуждений о смерти: «Могила... знаете ли вы, что смысл её победит целую цивилизацию... Т. е. вот равнина... поле... ничего нет, никого нет... И этот горбик земли, под которым зарыт человек. И эти два слова: "зарыт человек", "человек умер", своим потрясающим смыслом, своим великим смыслом, стенающим... преодолевают всю планету...» (4, с. 289). И далее: «Да: может быть, мы всю жизнь живём, чтобы заслужить могилу. Но узнаём об этом, только подходя к ней: раньше и на ум не приходило» (4, с. 293).

Но даже эти, вполне искренние высказывания не могут создать нам образ Розанова-мыслителя, Розанова-творца, Розанова-созидателя, пусть даже и меланхолического типа, склонного к рефлексии и упадническим настроениям. Никакие его высказывания не могут заслонить истинный облик Розанова-разрушителя. Да, и мы снова повторим: даже в поисках света В.В. Розанов был и оставался ремесленником разрушения.

О «шепотке» дьявола...

Как, например, вам понравится эта мысль: «В террор можно и влюбиться и возненавидеть до глубины души, – и притом с оттенком "на неделе семь пятниц", без всякой неискренности» (4, с. 70). И здесь же: «Хороша Геся

Гельфман, – но кровавая Фрумкина мне органически противна...» (4, с. 71). Кто же такая эта Геся Гельфман, что так мила сердцу В. В. Розанова? Как кто? Вот короткая справочка: «...российская революционерка, агент Исполнительного комитета "Народной воли". Одна из первоартовцев» (8), тех самых, которые готовили покушение на российского государя Александра II в 1881 году.

Вот справка о другой даме – Фруме Мордуховне Фрумкиной: «Полиции стало известно, что в Киеве ждут некую террористку из Минска для устройства типографии. Это оказалась Фрума Фрумкина. Она ещё в 1902 году хотела убить минского жандармского полковника. После Киева Фрумкина намеревалась ехать в Одессу для убийства тамошнего градоначальника графа П. Шувалова, боевого офицера, участника русско-турецкой войны. Ему к тому времени было уже 73 года. Эсеры обвиняли его в попустительстве одесским еврейским погромом. В конце концов его всё же убили в 1905 году. Для этой акции был подобран русский учитель, тщеславный Куликовский, осуждённый потом на вечную каторгу. Он явился на приём и убил графа четырьмя выстрелами.

Фрумкина сняла комнату. Наблюдение установило, что к ней стали носить типографские части. Провели обыск. Печатный станок был замаскирован в кухонном столе, нашли и шрифт.

Сама Фрумкина была чёрная, как галка, с неопрятными салными волосами, да ещё вдобавок хромая. Её посадили в тюрьму. Там она раздобыла где-то ножик и потребовала разговора с начальником киевской полиции генералом Новицким, якобы для признания. Фрумкину привели на допрос, та начала рассказывать генералу какие-то выдуманные истории.

Тот, довольный, стал записывать. Фрумкина, кинувшись к нему, схватила за волосы и хотела перерезать горло. Новицкий с силой отбросил её рукой к стене. По шее текла кровь. За эсеровскую деятельность и покушение на Новицкого Фрумкину осудили на 11 лет каторги, которую она отбывала в Горном Зерентуе. После царского манифеста 1905 года её отправили на поселение, но Фрумкина по дороге бежала в Москву. В начале 1907 года её арестовали в Большом театре с револьвером в сумочке. Она намеревалась убить московского градоначальника Рейнбота. В Бутырках она ранила начальника тюрьмы. Казнена летом 1907 года» (3).

И хотя В.В. Розанов говорит о таких революционерах, что «все они – чахоточные, с чахоткой в нервах» и что у них «нет гармонии души», тем не менее, он словно бы и оправдывает их, да и сам террор. Вот он словно вздыхает, хотя и горестно: «Сколько у нас репутаций если не литературных (литературной – ни одной), то журнальных, обмоченных в юношеской крови» (4, с. 203). Он даже слышит в этом «шёпот дьявола» и почему-то думается, он слышал его частенько. И тогда, когда рассуждал о социал-демократических теориях, значение и суть которых сводятся к тезису: «хочется мне кушать»; и тогда, когда ясно видел голодных людей и упорно твердил «и всё-таки революция права» (4, с. 115).

Но ещё более явственно этот дьявольский шепоток он слышал, когда похаживал в дом банкира Я.С. Полякова, в котором находилась квартира его родственника, писателя Николая Максимовича Минского, и где устраивалось нечто вроде развлечения – хозяин и гости проводили занимательные вечера... с чёрной мессой. Электронная энциклопедия «Википедия» даёт справку: «Чёрная месса – приписываемый христианской традицией дьяволопоклонникам

религиозный обряд, пародия на христианское богослужение, в первую очередь, профанация святого причастия» (8).

Настоящая фамилия Н.М. Минского – Виленкин, родился он в бедной еврейской семье, окончил юридический факультет, в 1900 году вместе с В.В. Розановым, Д.М. Мережковским, З.Н. Гиппиус и др. основывают в Петербурге Религиозно-Философское Общество, официальной целью которого было сближение интеллигенции с церковью. Что происходило на этих вечерах – Бог весть, но позднее сам В.В. Розанов оправдывал это увлечением «декадентской чепухой». Об этом он написал в работе «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови».

И хотя позднее у В.В. Розанова были сожаления о посещении этого дома: «И я вошёл в этот проклятый инородческий дом, о котором сам же, при первом визите, подумал: "Никогда не встречал такого: тут можно только повеситься"» (4, с. 82), но увя... что произошло – то произошло.

Однажды у него вырвалось полутрагическое-полуёрническое: «Несите, несите, братцы: что делать – помер. Сказано: "не жизнь, а жисть". Не трясите очень. Впрочем, не смущайтесь, если и тряхнёте. Всю жизнь трясло. Покурил бы, да неудобно: официальное положение. Покойник в гробу должен быть "руки по швам". Я всю жизнь "руки по швам" (чёрт знает перед кем). Закапывайте, пожалуйста, поскорее и убирайтесь к чёрту с вашей официальностью. Непременно в земле скомкаю саван и колено выставлю вперёд. Скажут: "Иди на страшный суд". Я скажу: "Не пойду". – "Страшно?" – "Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску"» (4, с. 298). Понимал, видно, что наломал в жизни дров, но каяться не хотелось – а зачем каяться-то, если даже и в виртуальном гробу его виртуальный покойник «адского уголька» требовал. Так что круг замкнулся, и шепоток превратился сначала в шёпот, а потом и вполне внятную и даже громкую речь дьявола.

И вот этот адский уголёк словно разжигал его всю жизнь, не давал покоя, зудил, подначивал, подталкивал... И диктовал, диктовал ему по ночам... Обратите внимание, как часто В.В. Розанов писал по ночам, а ведь это тоже неспроста. Нормальному человеку для работы свет нужен, солнышко, а по ночам только нечисть беснуется, да добрый люд с пути сбивает... Вот и В.В. Розанов доброго читателя с пути сбивал, блуждая сам и не видя божественной цели.

О религиозности В.В. Розанова

Религиозность В.В. Розанова – это отдельная большая тема, где действительно можно найти всё – от восторга перед религией до её уничтожения. Казалось бы, В.В. Розанов с пиитической экзальтированностью восклицает: «Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию» (4, с. 20). И даже: «Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора. "Кто молится" – победит всех, и святые будут победителями мира" (4, с. 279).

И тут же с усмешкой прожжённого скептика заявлял: «– Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...»

– Ну? Ну?.. Хх...

– Это – что частная жизнь выше всего.

– Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

– Да, да! Никто этого не говорил; я – первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

– Ха, ха, ха...

– Ей-ей: это – общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль» (4, с. 157).

Так и хочется спросить: кто смеялся вместе с ним диковатым и страшным смешком, когда он писал эти строки? А может быть, даже и диктовал? Запомним, кстати, что признавая философа Владимира Соловьёва слабее себя, он снисходительно замечал, что «В С-ве то только интересное, что бесёнок сидел у него на плече» (4, с. 242).

При этом он несколько наивно вопрошал: «Знаете ли вы, что религия есть самое важное, самое первое, самое нужное?» (4, с. 179); он замечал, что «Русская церковь представляет замечательное явление» (4, с. 219); что «Душа православия – в даре молитвы» (4, с. 233).

Он даже заключает: «Кто любит русский народ – не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь – одно. И только у русских это одно» (4, с. 234).

А вот и вовсе подкупающее своей задушевностью признание: «Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок – «не очень», все с грешком, слабенькие. А тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно? Хоронили тут мамашу, братцев: похоронят меня; будут тут же жениться дети; все – тут... Всё важное... И вот люди надыхали тепла» (4, с. 259).

И вместе с тем, признавая, что все лучшие люди, каких он встречал в жизни, были религиозными, он приходит к выводу, опять же, почти ёрническому: «Молитва – или ничего.

Или:

Молитва – и игра.

Молитва – и пиры.

Молитва – и танцы.

Но в сердцевине всего – молитва.

Есть "молящийся человек" – и можно всё.

Нет "его" – и ничего нельзя.

Это мое "credo" – и да сойду я с ним в гроб.

Я начну великий танец молитвы. С длинными трубами, с музыкой, со всем: и всё будет дозволено, потому что всё будет замолено» (4, с. 280).

По В.В. Розанову получается – молящимся можно грешить («можно всё»), и им позволительны игры, пиры, танцы, содомские развлечения, потому что «всё будет замолено». Странная логика, а впрочем, не странная, а вполне закономерная для человека слабого, грешного, изменного, погрязшего в своих похотях, мерзких желаниях, непотребных страстях, нравственной скверне и полном разложении...

Неужели такая религия нужна миру? Неужели ради такой морали приходили на Землю святые и пророки? Ей-Богу, какое-то потребительско-торгашеское отношение к религии просматривается в этих его размышлениях. И хоть сам он замечательно писал о торгашеском духе, завладевшим сознанием людей («Торг, везде торг, в литературе, в политике...»), но и сам, видимо, был подвержен этому пороку.

Но ведь если любой грех, порок, преступление можно отмолить – то в чём же тогда смысл молитвы? Ведь есть же у неё возвышенно-небесное предназначение...

Неужели оно только в том, что ею покрывать свой грех, обелять с её помощью почерневшую от нравственной грязи душу? Значит, душа раздвоилась – на добро и зло? Но В.В. Розанов словно не понимал этого раздвоения, то и дело впадая то в наивно-расслабленную мечтательность («60 раз только, в самом счастливом случае, я мог простоять в Великий Четверток "со свечечками" всюнощную: как же я мог хоть один четверг пропустить?! Боже: да и Пасох 60!!! Так мало. Только 60 Рождеств!!! Как же можно из этого пропустить хоть одно?!» (4, с. 294)); то рефлексировавшую грусть («Как пуст мой бунт против христианства» (4, с. 295)); то бездумные сожаления («Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы её разрушить» (4, с. 296)).

Что же это всё значит? А то и значит, что шепоток дьявола тревожил его всю жизнь. Но болезненная душа не всегда ищет исцеления, иногда она погружается в мрачную бездну отчаяния, где с наслаждением муссирует пороки и доводит свою болезнь, боль и отчаяние до абсурда. Редко кому удаётся увидеть себя в этой бездне – человек не догадывается, что ему надо просто взглянуть вверх. И он погружается ещё глубже в этот кипящий котёл адского варева.

Но даже и самой грешной, самой осквернённой ужасами душе дано совершить свой **подвиг восхождения**, ведь и В.В. Розанов замечательно говорил о Боге: «Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего я, от славы или известности – слишком мог бы; от счастья, от благополучия... не знаю. Но от Бога я никогда не мог бы отказаться...» (4, с. 128). И добавлял: «В конце концов, Бог – моя жизнь. Я только живу для Него, через Него. Вне Бога – меня нет» (4, с. 128).

Говорят, перед смертью, будучи совершенно больным, разбитый параличом, он пересмотрел свои взгляды... и повернулся лицом к религии. Но к какой? И что он вдруг понял? И какие сделал выводы? Может быть, он просто примирился с церковью – и не более того?

Падший патриот.

О национальных взглядах философа

Когда-то В.В. Розанов, захлёбываясь от восторга, написал такие строки: «...Я разгадал тетраграмму, Боже, я разгадал её» (4, с. 159). Отчего же так возрадовался Василий Васильевич Розанов? Что так взволновало его впечатлительную душу?

Тетраграмматомом в иудейской религиозной и каббалистической традиции называют непроизносимое имя Бога, состоящее из четырёх букв, то есть это имя еврейского бога Яхве. Именно этому и обрадовался философ.

И в другой раз он со смешанным чувством, в котором присутствует любопытство и уважение, пишет о старинных обычаях, например, обряде очищения в микве. Миква – это резервуар или небольшой бассейн с минимальным количеством воды для ритуального очищения от ритуальной нечистоты.

Любовью к еврейскому народу Василий Васильевич пылал всю жизнь, признавая в нём избранность: «Авраама призвал Бог: а я сам призвал Бога... Вот вся разница. Всё-таки ни один из библеистов не рассмотрел этой

особенности и странности библейского рассказа, что ведь не Авраам искал Бога, а Бог хотел Авраама» (4, с. 140). При этом он словно забывал, что этим богом был не единый и всемогущий Бог-Абсолют, а местечковый, племенной бог Яхве.

Более того, его любовь к евреям порой не знает границ, вслушайтесь в эти слова, сказанные им уже в работе «Апокалипсис нашего времени»: «... евреи являются на самом деле не только первенствующим народом Азии, давшим уже не "кое-что", а весь свет Азии, весь смысл её, но они гигантскими усилиями, неутомимой деятельностью становятся мало-помалу и первым народом Европы» (5).

Но и это ещё не всё, вот что он пишет дальше: «Посмотрите, встрепетесь, опомнитесь: несмотря на побои, как они часто любят русских и жалеют их пороки, и никогда "по-гоголевски" не издеваются над ними». И далее: «Над пороком нельзя смеяться, это – преступно, зверски. И свою и нравственную, и культурную душу они никогда этого не делают. Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или ленивым русским. Это что-нибудь значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками».

Нужны ли комментарии? Скажем только, что **никому не возбраняется любить того, кого он желает. Только не надо при этом делать вид, что ты – русский патриот, близкий славянофилам и почвенникам.**

Но теперь мы более внимательно рассмотрим взгляды В.В. Розанова на русский народ – уж очень колко и язвительно выглядят эти последние строки. Нам думается, что его отношение к России было не то чтобы сдержанно лояльным, но даже и враждебным. О «пьяных» и «ленивых» русских он писал не раз, на все лады повторяя **ложь о неспособности и нежелании русского человека трудиться, вымышленную и усиленно внедряемую в сознание людей врагами русского государства.**

С сарказмом, достойным врага отечества, он писал следующие строки: «В России вся собственность выросла из "выпросил", или "подарил", или кого-нибудь обобрал» (4, с. 79). И здесь же – о русском человеке: «Вечно мечтает, и всегда одна мысль: – как бы уклониться от работы».

Таким образом, В.В. Розанов не принимал во внимание и даже игнорировал, что тысячи лет славяне, русские люди трудились, создавая величайшую страну с величайшей культурой, которую ещё в глубокой древности называли Гардарикой – то есть страной городов! Но, по его мнению, её величие создано при помощи жалких подачек, подарков и поборов. Ситуация как раз таки противоположная, это весь мир во все времена зарился на русские богатства и русские земли, пытаясь сорвать какой-никакой куш и отхватить кусок.

А теперь – вопрос: кто может так цинично сказать о своём Отечестве? Только откровенный враг.

В.В. Розанов признаётся: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. "Пренесносный Щедрин". Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает» (4, с. 130). Казалось бы, в этом признании есть доля патриотизма, намёк на тот самый патриотизм, когда мы, ругая за недостатки свой дом, всё же любим его бесконечно и желаем ему только добра. И ругаем его лишь из желания поскорее эти недостатки исправить. Но это не то настроение, здесь мы видим неприкрытую враждебность, которая, собственно, и подтверждается следующей строчкой: «Между

тем я, бесспорно, и презираю русских, до отвращения. Аномалия» (4, с. 130). Действительно аномалия.

Кстати сказать, гипертрофированная ненависть В.В. Розанова к М.Е. Салтыкову-Щедрину, возможно, объясняется тем, что автор «Господ Головлёвых» одного из своих героев – Порфирия Головлёва прозвал Иудушкой и Кровопивушкой? Знать, не случайно...

Некоторые исследователи любят ссылаться на следующие слова В.В. Розанова: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И всё понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем» (4, с. 24), прямо-таки умиляясь ими. В самом деле, в пору и нам умиляться, да только не от чего, потому что В.В. Розанов – редкий ненавистник русского народа. Конечно, он подражал Ф.М. Достоевскому, видел всемирность и всеохватность русского гения, понимал глубину русской души, потому и писал про «острый глазок», но при этом мыслил иначе. Что касается его подражания Ф.М. Достоевскому, на то была глубоко личная причина, ведь он был влюблён в Аполлинарию Суслову, женщину, которую когда-то любил Ф.М. Достоевский.

Собственно, в конце жизни (хотя все упорно пишут о резком пересмотре им своих собственных взглядов, некоем душевном перевороте) он лишь подтвердил эту свою ненависть к русскому народу: «Вот и я кончаю тем, что всё русское начинаю ненавидеть. Как это печально, как страшно. Печально особенно на конце жизни» (4, с. 211). И добавил цинично: «Эти заспаные лица, неметёные комнаты, немощёные улицы... Противно».

Вот – итог жизни философа В.В. Розанова. Итог закономерный, когда **божественная искра** была в нём почти потушена, и вместо неё ярко вспыхнул тот **адский уголёк**.

К концу жизни эта ненависть в нём только разгоралась, в работе «Апокалипсис нашего времени» он писал: «Русские в странном обольщении утверждали, что они "и восточный, и западный народ" – соединяют "и Европу, и Азию в себе", не замечая вовсе того, что скорее они и не западный, и не восточный народ, ибо что же они принесли Азии, и какую роль сыграли в Европе?» (5).

Жутко читать, право. Но послушаем дальше речь этого человека, которого упорно выдают за патриота: «На востоке они ободрали и споили бурят, черемисов, киргиз-кайсаков, ободрали Армению и Грузию, запретив даже (сам слушал обедню) слушать свою православную обедню по-грузински. О, о, о... Сам слушал, сам слушал в Тифлисе». И далее: «Между Европой и Азией мы явились именно "межеумками", т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли» (5).

Давайте наберёмся терпения выслушать этот пасквильный монолог до конца: «Но принесли ли мы семью? Добрые начала нравов? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, как страшно сказать... Тогда как мы "и не восточный, и не западный народ", а просто ерунда, — ерунда с художеством...».

Понятно вам, любезные мои соотечественники, кто мы с вами, по мнению якобы русского философа и патриота Василия Розанова – «ерунда с художеством».

И вот он, наконец, сравнивает русский народ с евреями, и конечно, не в пользу русского народа: «...среди "свинства" русских есть, правда, одно

дорогое качество – интимность, задушевность. Евреи – то же. И вот эту чертоту они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек» (5).

Как же всё это прикажете понимать?

Адский уголёк разгорелся в адское пламя...

А так и понимать, что адский уголёк разгорелся и превратился в адское пламя. Оно сжигало В.В. Розанова изнутри, не давало ему покоя ни днём ни ночью, принося лишь одни страдания и муки, не зря он так много писал о страданиях души, собственных несчастьях, душевной боли, муках одиночества и непонимании, называя себя «человеком solo»... «В душе моей много лет стоит какая-то непрерывная боль» (4, с. 84), – писал он. Всё это лишь подтверждает мертвенность его идей, вредоносность взглядов, скудость мыслей, ошибочность устремлений и пагубность всеядности... Ведь он даже о таланте говорил как о чём-то низменном: «Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели – с бесцветностью» (4, с. 126).

Итог вырождения – нисхождение. Нисхождение в ту самую бездну. Не случайно она так манила его, в письме к Н.Н. Страхову от 22 января 1888 года он написал однажды страшно: «... по крайней мере, некоторые виды добра, блага не могут появиться иначе, как из зла, и поэтому зло необходимо, желательное даже в жизни и в природе. Когда я думаю о этих странных вещах, об этом сцеплении добра со злом, я думаю, что Бог не всемогущ, что он связан, что вне Его есть какая-то страшная и тёмная сила, о которой мы только догадываемся и с которой едва успеваем бороться Бог» (4, с. 389).

Его заманила эта «страшная и тёмная сила», он пошёл у неё на поводу.

Итог вырождения – окончательная гибель души.

Когда-то Макс Нордау (настоящее имя этого еврейского автора прямо противоположно его псевдониму – Зюдфельд) в книге «Вырождение» писал, что симптомами вырождения, кроме физических признаков, являются и нравственные признаки: отсутствие стыда, слабое чувство справедливости, склонность к бесплодной мечтательности, мистицизм, болезненное самокопание. Все эти признаки ярко проявляются в асоциальном поведении.

В искусстве вырождение проявляется в склонности к вычурным формам, диссонансах, нарушении законов гармонии, пристрастии к необычному стилю, гипертрофированности ничего не значащих деталей и т.д. Кроме того, произведения вырожденцев отмечены печатью пессимизма, склонностью к упадническим мотивам, уходом от действительности, погружением в собственный мир, сотканный из жалоб на вечное одиночество, тоску и непонимание. И всё это – не следствие утончённости натуры, это следствие деградации человека, его постепенного вырождения и угасания в нём Божьей искры – души.

Но нам не хочется так думать о человеке, для чего-то рождённом на Земле, ведь была же у него (должна была быть!) какая-то светлая миссия! Может быть, в этом падшем патриоте было всё-таки какое-то спасительное зёрнышко? Писал же он, в конце концов, о себе: «Откуда такое чувство? От чувства вины; и ещё от глубокого чистосердечного сознания, что я не был хороший человек» (4, с. 85). Мне хочется зацепиться за эти слова, потому что нет ничего страшнее гибели души. И вот что мы читаем дальше: «Бог дал мне таланты: но это – другое. Более страшный вопрос: был ли я хороший человек – и решается в отрицательную сторону» (4, с. 85).

Конечно, вопрос этот решается не человеком... Но человеку дана хрестоматийная свобода воли, и выбор между Божественной искрой и адским угольком он делает сам.

Литература

1. *Галковский Д.* Литературная газета, № 16 (6067), 19-25 июля 2006.
2. *Дали С.* Новый взгляд / Сост. Д.В. Морозов. – СПб. : Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 255 с. (Афоризмы гения).
3. *Кошель П.* История сыска в России. Кн. 1. URL : <http://fictionbook.ru>
4. *Розанов В.В.* Уединённое. Полное собрание «опавших листьев» Василия Васильевича Розанова. Кн. 1. Уединённое / Под ред. В.Г. Сукача. – М. : Русский путь, 2002. – 424 с.
5. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени.
6. *Рыжкова Л. В.* Духовные воители Руси. – М. : Осознание, Самотека, 2008. – 268 с.
7. *Шагал М.* Моя жизнь / Пер. с франц. Н.С. Мавлевич. Послесл., коммент. Н.В. Апчинский. – М.: Эллис Лак, 1994. – 208 с.
8. <http://wikipedia.org>

